
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

**LINGUISTICS & POLYGLOT
STUDIES**
VOLUME 9, No.2 (2023)

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
В МГИМО**
ТОМ 9, №2 (2023)

Издательство
«МГИМО-Университет»
2023

LINGUISTICS & POLYGLOT STUDIES / ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО

ISSN 2410-2423 (Print)

ISSN 2782-3717 (Online)

The journal *Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО* is an international peer-reviewed journal publishing research in linguistics, polyglottery and related fields.

The aims of the journal are:

- promoting international scholarly communication and discussion of ideas and findings in the field of linguistics, cross-cultural communication, translation studies, literature studies, methodology of foreign language teaching and related disciplines;
- developing an international platform for publication of research papers and conference proceedings in the field of polyglottery;
- publishing results of original interdisciplinary research.

The *Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО* focuses primarily on the following themes: linguistics, cross-cultural communication, sociolinguistics, cognitive linguistics, translation studies, pragmatics, discourse analysis, literature and culture studies, polyglottery and innovative methods of foreign language learning/teaching. It also publishes book and thesis reviews, literature overviews and conference reports.

Indexed / abstracted in RSCI, RSL, CROssRef, EBSCO Academic Research, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, Library of Congress, WorldCat, Lens.org., Mendeley.

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Japanese, Arabic and Hindi.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Address: 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454

MGIMO University

Tel.: +7 495 225-3857

Email: philnauki@inno.mgimo.ru

Web site: philnauki.mgimo.ru

Linguistics & Polyglot Studies, Volume 9, No. 2, (Editor-in-chief V. Iovenko). – Moscow: MGIMO-University, 2023. – 156 p.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО / LINGUISTICS & POLYGLOT STUDIES

ISSN 2410-2423 (Print)

ISSN 2782-3717 (Online)

Журнал *Филологические науки в МГИМО / Linguistics & Polygot Studies* является международным журналом с двойным слепым рецензированием, публикующим научные статьи в области лингвистики, полиглотики и связанных с ними дисциплин.

Основные цели журнала:

- освещение результатов исследований и обмен опытом, идеями и научными открытиями в области лингвистики, литературоведения и межкультурной коммуникации, теории и практики перевода, методики обучения иностранным языкам и смежных с ними дисциплин;
- создание международной платформы для публикации научных исследований и материалов конференций в области изучения теории полиглотики и практики ее применения;
- публикация результатов оригинальных исследований междисциплинарного характера.

Основные рубрики: лингвистика и межкультурная коммуникация, социолингвистика и когнитивная лингвистика, переводоведение, прагматика и дискурсивный анализ, литературоведение и лингвокультурология, полиглотия, инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков, рецензии и научные обзоры.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ:

- отрасль науки: 10.00.00 – филологические науки;
- группы специальностей: 10.01.00 Литературоведение; 10.02.00 Языкознание.

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), elibrary, РГБ, CrossRef, EBSCO Academic Search; Ulrich's Periodicals Directory (Cambridge Information Group); Google Scholar, Library of Congress, World Cat, Lens.org, Соционет, Mendeley.

Периодичность: четыре номера в год.

Языки: русский, английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, китайский, японский, арабский и хинди.

Журнал придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-66596 от 21 июля 2016 г.

Публикация статей в журнале осуществляется бесплатно.

Адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, 76, МГИМО МИД России

Тел.: +7 (495) 225-38-57

E-mail: philnauki@inno.mgimo.ru

Интернет-сайт: philnauki.mgimo.ru

Филологические науки в МГИМО: Журнал. Том 9. №2. / Гл. ред. В.А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2023. – 156 с.

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО № Том 9. №2.

Выпускающий редактор: Ф.Р. Гафарова

Корректурa: Т.А. Ивушкина, Г.А. Казаков

Компьютерная верстка и дизайн: Д.Е. Волков

Распространяется по подписке. Подписной индекс в каталоге ООО «Урал-Пресс» 80991.

Цена свободная.

Подписано в печать __.06.2023 г. Формат 60x84¹/8. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 19,02. Тираж 500 экз. Заказ № ____.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России: 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Valery A. Iovenko, Doctor of Philology, Professor at the Spanish Language Department, MGIMO University, Russia

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Sergei V. Evteev, Candidate of Philology, Professor at the Department of German, MGIMO-University, Russia

ACADEMIC EDITOR

Tatiana A. Ivushkina, Doctor of Philology, Professor, Chair of English Department №3, MGIMO University, Russia

ISSUING EDITOR

Farida R. Gafarova, Leading expert of the Directorate of Language Training, MGIMO University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Grigory A. Kazakov, Candidate of Philology, PhD, Associate Professor at English Department №3, MGIMO University, Russia

Alexey N. Akeksakhin, Doctor of Philology, Professor at Department of Chinese, Vietnamese, Lao and Thai, MGIMO University, Russia

Pavel V. Balditsin, Doctor of Philology, Head of the Department of Medialinguistics, Moscow State University, Russia

Olga S. Chesnokova, Doctor of Philology, professor at Foreign Languages Department, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia, Russia

Elena L. Gladkova, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Indo-Iranian and African languages, MGIMO University, Russia

Ekaterina E. Golubkova, Doctor of Philology, Professor at the Department of English Lexicology, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University, Russia

Tatiana M. Gurevich, Doctor of Cultural Studies, Candidate of Philology, Professor at the Department of Japanese, Korean and Indonesian Languages, MGIMO University, Russia

Nikolai V. Ivanov, Doctor of Philology, Professor, Head of Romance Languages, MGIMO University, Russia

Marina P. Kizima, Doctor of Philology, Professor at Department of World Literature and Culture, MGIMO University, Russia

Lidiya P. Kostikova, Doctor of Pedagogy, Ryazan State University, Russia

Natalia V. Loseva, Candidate of Philology, Associate Professor, Professor at Department of French, MGIMO University, Russia

Natalia N. Nizhneva, Doctor of Pedagogy, Belarusian State University, Belarus

Evgenia V. Ponomarenko, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at English Department №4, MGIMO University, Russia

Elena M. Pozdniakova, Doctor of Philology, Professor, professor at English Department №3, MGIMO University, Russia

Maria M. Repenkova, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of Asia and Africa, Moscow State University, Russia

Nabati Shahram, Doctor of Philology, Head of the Russian Language Department at Gilan University, Islamic Republic of Iran

Andrei V. Shtanov, Candidate of Philology, Head of Near and Middle East Languages Department, MGIMO University, Russia

Elvira L. Shubina, Doctor of Philology, Professor at the Department of German, MGIMO University, Russia

Lyudmila Smirnova, PhD, Professor of Education, Mount Saint Mary College in Newburgh, USA

Elena Y. Varlamova, Doctor of Pedagogy, Moscow Aviation Institute, Russia

Elena V. Voevoda, Doctor of Pedagogy, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia

Elena B. Yastrebova, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, professor at English Department №1, MGIMO University, Russia

© MGIMO University, 2023

© Authors, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Иовенко Валерий Алексеевич – д.филол. н., проф. кафедры испанского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Евтеев Сергей Валентинович – к.филол. н., доцент, проф. кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Ивушкина Татьяна Александровна – д.филол. н., проф., заведующий кафедрой английского языка №3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Гафарова Фарида Рифатовна – ведущий эксперт Управления языковой подготовки МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Казаков Григорий Александрович – к.филол.н., PhD, доцент кафедры английского языка №3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Алексахин Алексей Николаевич – д.филол.н., профессор, проф. кафедры китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Балдицын Павел Вячеславович – д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой медиалингвистики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Варламова Елена Юрьевна – д.пед.н., доцент, проф. кафедры И-12 «Лингвистика и переводоведение» МАИ, (Россия, Москва)

Воевода Елена Владимировна – д.пед.н., профессор, заведующий кафедрой педагогики и психологии, проф. кафедры английского языка № 2 МГИМО МИД России, (Россия, Москва)

Гладкова Елена Львовна – к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой индоиранских и африканских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Голубкова Екатерина Евгеньевна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета (Россия, Москва)

Гуревич Татьяна Михайловна – д.культурологии, к.филол.н., доцент, проф. кафедры японского, корейского и индонезийского языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Иванов Николай Викторович – д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой романских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Кизима Марина Прокофьевна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры мировой литературы и культуры МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Костикова Лидия Петровна – д.пед.н., профессор кафедры иностранных языков института истории, философии и политических наук РГУ им. С.А. Есенина, (Россия, Рязань)

Лосева Наталья Владимировна – к.филол.наук, доцент, проф. кафедры французского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Набати Шахрам – д.филол.н., заведующий кафедрой русского языка Гилянского университета (ИРИ, Решт)

Нижнева Наталья Николаевна – академик Международной академии наук педагогического образования, член-корреспондент Международной академии акмеологических наук, д.пед.н., профессор кафедры английского языкознания БГУ (Белоруссия, Минск)

Позднякова Елена Михайловна – д.филол. н., профессор, проф. кафедры английского языка № 3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Пономаренко Евгения Витальевна – д.филол. н., доцент, проф. кафедры английского языка №4 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Репенкова Мария Михайловна – д.филол.н., доцент, заведующий кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Смирнова Людмила – PhD, профессор педагогики, колледж Маунт-Сент-Мэри (США, Нью-Йорк)

Чеснокова Ольга Станиславовна – д.филол. н., профессор, проф. кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (Россия, Москва)

Штанов Андрей Владимирович – к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Шубина Эльвира Леонидовна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Ястребова Елена Борисовна – к.пед.н., доцент, проф. кафедры английского языка № 1 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Syntactic independent sentence without illocutive force	8
<i>Anna Averina</i>	
Government statement as a genre of political discourse.	21
(on the example of the speeches of the German chancellors A. Merkel and O. Scholz)	
<i>Maria A. Yelizaryeva, Elizaveta A. Bykova, Anastasia A. Sigova</i>	
Precedent name: from the source spheres “literature” and “cinema” in the target sphere	32
“political discourse” (based on the material of the Spanish-language media)	
<i>Iuriy P. Murzin</i>	
Old English terminological word-complexes in natural philosophic worldview.	48
(exemplified by terms of astronomy)	
<i>Sergey V. Mukhin, Daria A. Efremova</i>	
Phraseological unit <i>une pomme de discorde</i> in cognitive-discursive consideration	62
(on the material of the modern French Press)	
<i>Yulia V. Stepanyuk</i>	
Euphemistic nomination of poverty in German journalism	79
<i>Elvira L. Shubina, Julia A. Raikova</i>	

INNOVATIVE METHODS AND COMPETENCE APPROACH IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

Identifying and interpreting euphemisms and dysphemisms in RFL classes	92
(the case of political discourse)	
<i>Kristina E. Agafonova, Tatiana A. Krotova</i>	
Cognitive research in pedagogy: conceptual metaphor in CLIL-economics	103
<i>Tatiana V. Andryukhina</i>	

LITERATURE AND CULTURE STUDIES

Who is “the true Dane” in Modern Denmark? The Danish language within	116
“Danishness (Dankhed)” concept	
<i>Olga E. Krasova</i>	
Non-detective space of the Spanish noir: “The Invisible Guard” by Dolores Redondo	134
<i>Elena S. Korzhukova</i>	
The portrait of an imperfect person in contemporary Japanese and the means.	146
of conveying it in Russian: a study of the collocations with the word 残念 ZANNEN	
<i>Nadezhda V. Sumskeya</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Синтаксически независимые предложения без иллокутивной силы	8
<i>Аверина А.В.</i>	
Правительственное заявление как жанр политического дискурса.	21
(на примере речей канцлеров ФРГ А. Меркель и О. Шольца)	
<i>Елизарьева М.А., Быкова Е.А., Сигова А.А.</i>	
Прецедентное имя: из сфер-источников «литература» и «кино»	32
в сферу-мишень «политический дискурс» (на материале СМИ Испании)	
<i>Мурзин Ю.П.</i>	
Древнеанглийская сверхсловная терминология в натурфилософской картине мира	48
(на материале астрономических терминов)	
<i>Мухин С.В., Ефремова Д.А.</i>	
Фразеологизм <i>une potte de discorde</i> в когнитивно-дискурсивном рассмотрении.	62
(на материале современной французской прессы)	
<i>Степанюк Ю.В.</i>	
Эвфемистическая номинация бедности в публицистике Германии	79
<i>Шубина Э.Л., Райкова Ю.А.</i>	

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Выявление и интерпретация эвфемизмов и дисфемизмов на занятиях по РКИ.	92
(на примере политического дискурса)	
<i>Агафонова К.Е., Кротова Т.А.</i>	
Когнитивные исследования в педагогике: концептуальная метафора	103
в предметно-языковом интегрированном обучении студентов-экономистов	
<i>Андрюхина Т.В.</i>	

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Кто сегодня в Дании настоящий датчанин?	116
Чувство национального самосознания и место датского языка в концепции «датскости»	
<i>Красова О.Е.</i>	
Недетективное пространство испанского нуара: «невидимый страж» Долорес Редондо	134
<i>Коржукова Е.С.</i>	
Образ несовершенного человека в современном японском языке	146
(на примере лексических сочетаний со словом 残念 ДЗАННЭН) и его передача средствами русского языка	
<i>Сумская Н.В.</i>	

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

DOI: 10.24833/2410-2423-2023-2-35-8-20
УДК 811.11-112

SYNTACTIC INDEPENDENT SENTENCE WITHOUT ILLOCUTIVE FORCE

Anna Averina

Moscow State Linguistic University,
119034, Ostoshenka 38/1, Moscow, Russia

Abstract. The article deals with the factors which influence the illocutionary force of the sentence. The syntactically independent sentences are in the focus of the discussion. It is shown that illocutionary force is formed by three factors: communicative binary, semantics of the sentence and temporal reference. They are universal. At the level of the deep structure, sentences, which have illocutionary force include three components: topic, focus and modality. The presence of modal component is not possible without the topic. Sentences without any illocutionary force do not have topicalized components and are incompatible with modal indicators. At the level of the surface structure the absence of illocutionary force is marked by the displacement of the predicate to the initial position, the position of the subject after the predicate or the monomial structure of a sentence. Sentences devoid of illocutionary force in the Russian language are always marked. In German the word order is fixed, therefore, in communicatively monomial sentences, the “shift” of the verb to the first position and the displacement of the referential subject is carried out by using the formal subject *es* in the preposition. In English, in this case, the initial elements *there* or *it* can be used. In proposals of this type, local and time indicators are often shifted to the initial position. Neither local nor temporal indicators can be the subject of a statement: at the beginning of a sentence they mark the absence of illocutionary force. Sentences devoid of illocutionary force serve as the background of the main narrative in the text or initiate the text. At the level of semantics, the sentences of this type are characterized by providing descriptions of nature, weather, situation, state, or act as introductory sentences in microtext or text. When describing states and characteristics, we mostly refer to permanent signs or properties of objects/objects/phenomena in the environment. The factors that shape the illocutionary force of a sentence are universal.

Keywords: illocutionary force, modality, communicative binary, topic, semantics, deep structure, surface syntax

For citation: Averina, A. V. (2023). Syntactic independent sentence without illocutive force. *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(2), pp. 8–20. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-2-35-8-20>

СИНТАКСИЧЕСКИ НЕЗАВИСИМЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ БЕЗ ИЛЛОКУТИВНОЙ СИЛЫ

А.В. Аверина

Московский государственный лингвистический университет,
119034, г. Москва, ул. Остоженка, дом 38 стр.1

Аннотация. В статье на примере немецкого, английского и русского языков рассмотрены факторы, влияющие на иллокутивную силу высказывания. В центре внимания в данной статье находятся синтаксически независимые предложения. Показано, что иллокутивную силу формируют три фактора: коммуникативная бинарность, семантика предложения и временная референция. Они являются универсальными. На уровне глубинной структуры предложения, обладающие иллокутивной силой, включают в себя три составляющие: топик, фокус и модальность. Наличие модального компонента невозможно без топикализованного компонента. Предложения, лишённые иллокутивной силы, не имеют топикализованных компонентов и не совместимы с модальными показателями. На уровне поверхностной структуры отсутствие иллокутивной силы маркировано смещением предиката в начальную позицию, постановкой субъекта после предиката или структурной одночленностью предложения. Лишённые иллокутивной силы предложения в русском языке в большинстве случаев маркированы. В немецком языке порядок слов фиксирован, поэтому в коммуникативно одночленных предложениях «сдвиг» глагола на первую позицию и смещение референциального субъекта осуществляется за счёт использования формального подлежащего *es* в предполье. В английском языке в данном случае могут быть использованы инициальные элементы *there* или *it*. Зачастую в предложениях данного типа локальные и временные показатели смещены в начальную позицию. Ни локальные, ни временные показатели не могут быть темой высказывания: в начале предложения они маркируют отсутствие иллокутивной силы. Предложения, лишённые иллокутивной силы, служат фоном основного повествования в тексте или иницируют текст. На уровне семантики особенность предложений данного типа заключается в следующем: они содержат описания природы, погоды, обстановки, состояния или являются вводными предложениями в микро-тексте или тексте. При описании состояний и характеристик речь идёт в большинстве случаев о постоянных признаках или свойствах предметов/объектов/явлений окружающего мира. Факторы, формирующие иллокутивную силу предложения, универсальны и имеют место во многих языках.

Ключевые слова: иллокутивная сила, модальность, коммуникативная бинарность, топик, семантика, глубинная структура, поверхностный синтаксис

Для цитирования: Аверина А.В. (2023). Синтаксически независимые предложения без иллокутивной силы. *Филологические науки в МГИМО*. 9(2), С. 8–20. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-2-35-8-20>

Введение (INTRODUCTION)

В лингвистических исследованиях последних лет неоднократно поднимался вопрос о том, какими свойствами обладают иллокутивно самостоятельные и иллокутивно несамостоятельные предложения, а также в чём заключается иллокутивная сила предложения [2], [4], [6], [7], [8], [9], [12], [13], под которой в данной работе понимается определённая коммуникативная направленность высказывания, отражающая интенцию говорящего. Авторы обращали внимание на самые разнообразные свойства иллокутивно самостоятельных предложений, подчёркивая их отличия от иллокутивно несамостоятельных. Как правило, в этом ключе рассматриваются придаточные предложения. К характерным чертам иллокутивно несамостоятельных придаточных предложений в разных языках относят следующие:

- (1) в немецком языке – неспособность иметь в структуре предложения модальные частицы [8], [9], [19]; семантическая, фонетическая и грамматическая зависимость придаточного предложения от главного [12];
- (2) в английском языке – неспособность предложения включать в свою структуру топикализованные элементы [13], в результате темпоральные и условные придаточные трактуются как иллокутивно несамостоятельные;
- (3) в русском языке – зависимость придаточного предложения от отрицания в главном [2].

Существует ещё и ступенчатая градация придаточных предложений по степени выраженности их иллокутивной силы: предложения с нулевой степенью иллокутивной самостоятельности не способны иметь никаких модальных маркеров в своей структуре; предложения со степенью 1 могут включать в себя маркеры алетической модальности; предложения со степенью 2 допускают использование модальных слов и модальных глаголов во вторичном значении; предложения со степенью 3 способны иметь в своей структуре модальные частицы. Эти особенности характерны для русского и немецкого языков и определены дейктичностью модальных маркеров [7]. Стоит, однако, принять во внимание, что иллокутивной силой не всегда обладают и синтаксически независимые предложения. Отчасти этот вопрос был рассмотрен ранее на материале немецкого языка [там же], однако существует потребность в освещении вопроса о существовании универсальных механизмов, определяющих иллокутивную силу синтаксически независимого предложения любого языка.

Цель данной работы – описать универсальные факторы, формирующие иллокутивную силу синтаксически независимых предложений. Цель определила следующие **задачи**: (1) рассмотреть глубинную структуру предложения, обладающего иллокутивной силой и лишённого иллокутивной силы; (2) проанализировать влияние глубинной структуры на поверхностную и (3) выявить взаимосвязь структуры, семантики предложения и его коммуникативных свойств на примере немецкого, английского и русского языков.

Материал и методы исследования (METHODOLOGY AND MATERIALS)

В качестве иллюстративного материала послужили примеры, отобранные из произведений немецкой, английской и русской художественной литературы, а также данные корпуса ENCOW 16A-NANO, DECOW 16A и Национального корпуса русского языка. Всего было отобрано и проанализировано около 200 примеров – в процессе работы был использован не метод количественных подсчётов, а качественный анализ. Для проведения исследования был использован описательный метод, метод контекстуального анализа и сопоставительный метод:

- описательный метод позволил дать интерпретацию предложений, обладающих иллокутивной силой и лишённых её;
- посредством использования сопоставительного метода были выявлены универсальные свойства глубинной и поверхностной структуры предложения на примере немецкого, английского и русского языков;

- метод контекстуального анализа дал возможность определить место предложений, лишённых иллокутивной силы, в структуре текста и показать их роль в повествовании.

Результаты исследования, их анализ и их обсуждение (RESULTS, ANALYSIS AND DISCUSSION)

Любое предложение имеет глубинную структуру, обладающую универсальным характером. Её описание удалось сделать итальянскому генеративисту Л. Рицци – он отобразил левую периферию предложения на следующей схеме:

... *Force* ... *Topic* ... *Focus* ... *Fin*... [18, с. 288].

По наполнению речь идёт о глубинной структуре, где *Force* – иллокутивная сила, проявляющаяся в возможности включения модальных маркеров в предложение, посредством которых передаются интенции говорящего и оценка говорящим пропозиции с точки зрения вероятности. *Top* – топикализованный элемент предложения, то есть это тема предложения, или, как отмечает Д. Вульф – «информация, ожидаемая от адресата» (в оригинале – «*Topiks sind adressatenseitig erwartbar*» [20, с. 227]). *Foc* представляет собой выделение одной из альтернатив, то, что несёт основное ударение в предложении. *Fin* – это подчинительный союз. Каким образом распознаются компоненты глубинной структуры в предложении, рассмотрим на следующем примере:

- (1) Мне казалось, что, **наверное**, это должны быть дома с трубами, но очень плохие¹.

В приведённом высказывании компонент *Force* находит своё формальное выражение в том, что использован маркер пропозициональной установки (*наверное*); при определении топика (*Top*) мы исходим из того, что топик – это та информация, о которой речь шла выше, то есть тема или предмет сообщения. В данном случае в этой роли выступает данное, выраженное указательным словом *это*. В роли фокусного экспонента (*Foc*) выступает та часть предложения, которая несёт новую, значимую в предложении информацию – в данном случае речь идёт об именном сказуемом *должны быть дома с трубами*. В работах, в которых рассматривается вопрос об информационной структуре предложения, зачастую используется термин комментарий (*Kommentar*) – под ним имеется в виду та новая информация, которая сообщается в предложении о топике, то есть о высказанной ранее и уже известной из контекста информации (см., например [16, с. 131]). Таким образом, предложение (1) можно трактовать как обладающее иллокутивной силой и содержащее три базовых компонента на уровне глубинной структуры (*Force*, *Top*, *Foc*).

Аналогичную ситуацию можно проследить и на примере немецких высказываний:

- (2) *Im Gegensatz zu den anderen Burschen war Tonda besonnen und freundlich geblieben wie eh und je, nur dass er dem Jungen um eine Spur trauriger vorkam als sonst, auch wenn er bemüht war, es keinen merken zu lassen.*

«**Vielleicht ist ihm bange nach seinem Mädchen**», vermutete Krabat².

В выделенном предложении фрагмента (2) компонент *Force* выражен модальным словом *vielleicht*; в роли топика выступает данное – наречие *bange*. В роли фокусного экспонента (*Foc*) выступает та часть предложения, которая несёт новую, значимую в предложении информацию, и получает, как правило, наибольшее ударение – в данном случае речь идёт о дополнении с предлогом *Mädchen* (предложное дополнение *nach seinem Mädchen*).

Рассмотрим пример из английского языка:

- (3) *That question is probably better directed to Mr. Ekeus*³.

¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения – 15.12.2019 – 25.12.2020).

² Preußler O. Krabat. Thienemann Verlag, 1980. 256 S.

³ ENCOW 16A-NANO [Электронный ресурс]. URL: www.webcorpora.org (дата обращения: 1.05.2021-1.06.2021).

Первый компонент предложения *that question* – топик (*Top*), то есть это то, о чём речь уже шла выше, слово *probably* – элемент *Force*, эксплицитный показатель иллокутивной силы, следующие после модального маркера характеристики *better directed to Mr. Ekeus* выступают в роли комментария и новой информации.

Как видно из приведённых примеров, компоненты глубинного уровня (*Force*), (*Top*) и (*Foc*) выступают в сочетании друг с другом и взаимосвязаны. Можно говорить о существовании следующей закономерности: иллокутивная сила всегда предполагает наличие в предложении топикализованного и фокусного компонента. Отсутствие одного из них ведёт к потере предложением иллокутивной силы. Рассмотрим в качестве примеров ряд высказываний:

(4a) *Однажды из городского зоопарка убежал Слон*⁴.

(5a) *An einem Sommertag saß ein Schneiderlein auf seinem Tisch am Fenster, war guter Dinge und nähte aus Leibeskräften*⁵.

(6a) *Once upon a time there was a little girl called Grace who loved stories*⁶.

В приведённых примерах содержится только рема высказывания (в схеме Л. Рицци [18] рема соответствует фокусный элемент), так как предложения вводят новую информацию и выступают в роли зачина текста. Как коммуникативно одночленные предложения они не могут содержать модальных маркеров. Если их трансформировать и включить в их структуру модальные слова/частицы/модальные глаголы, меняется и их функциональное назначение: они не могут выступать в роли зачина текста, например:

(4b) **Наверное**, однажды из городского зоопарка убежал Слон.

(5b) **Vielleicht** saß an einem Sommertag ein Schneiderlein auf seinem Tisch am Fenster, war guter Dinge und nähte aus Leibeskräften.

(6b) *It was **probably** a little girl called Grace who loved stories.*

Приведённые высказывания можно рассматривать как ответы на вопросы:

Wer saß an einem Sommertag auf seinem Tisch am Fenster? Кто однажды убежал из зоопарка? Who loved stories? Эти вопросы нельзя задать к предложениям-зачинам.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: предложения, обладающие иллокутивной силой, бинарны в коммуникативном и информационно-структурном отношении и всегда способны иметь в своей структуре модальные показатели. Они обладают полной глубинной структурой, включающей в себя следующие компоненты: *Force*, *Top* и *Foc*. Предложения, лишённые иллокутивной силы, не включают в себя этих элементов за исключением компонента *Foc*. В этой связи заслуживает внимания наблюдения французского германиста Ж.-М. Земба о существовании так называемой фемы («Phema») [21], [22]. Рассмотрим некоторые положения его теории. Фема занимает позицию между темой и ремой. В контрастивной грамматике Ж.-М. Земба связка и предикат – это не одно и то же: «Связка фематична. Глагол рематичен. Личная форма глагола – ядро ремы. Морфемы личной формы глагола касаются различных компонентов предложения, как в повествовательном, так и в вопросительном, в приказании, запрете или восклицании: темпоральная морфема тематична, морфема наклонения фематична, аспектальная морфема рематична; личная морфема может быть как тематичной, так и рематичной. Тематичное и фематичное относятся не только лишь к ядру ремы, но и ко всей реме» (здесь и далее – перевод наш – А.В.) [22].

В более поздних работах Ж.-М. Земб пишет, что в роли фемы может выступать отрицание *nicht*, а также то, что можно, как пример, обозначить словом *leider* [23]. Понятие «фема» Ж.-М. Земб формулирует неоднозначно, поэтому в германистике существуют различные его трактовки. Так, Ж.-П. Модиком рассматривает фему как ту позицию в предложении, которую занимают мо-

⁴ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения – 15.12.2019 – 25.12.2020).

⁵ Grimms Märchen [Электронный ресурс]. URL: <http://maerchen-welt.eu/index.htm> (дата обращения: 01.03.2021–31.03.2021).

⁶ ENCOW 16A-NANO [Электронный ресурс]. URL: www.webcorpora.org (дата обращения: 1.05.2021–1.06.2021).

дальные маркеры и слова оценочной семантики. Модальность при этом не ограничена семантикой эпистемичности и включает в себя аксиологические показатели [17]. В. Абрахам считает, что позиция фемы – это среднее поле предложения, где расположены модальные частицы [5]. Х.-В. Эромс обращает в своей работе внимание на то, что Ж.-М. Земб понимает под фемой как отрицание, так и модальные маркеры типа *notwendigerweise* или *mit größter Wahrscheinlichkeit* [11]. Э. Лайсс [15] считает, что понятие «фема» у Ж.-М. Земба идентично понятию «связка», то есть в его работах они функционируют как синонимы. Ж.-М. Земб использует термин «фема» с целью избежать нечёткое понятие «связка» и «связочный глагол» в грамматической традиции одного конкретного языка [там же, с. 61]. Подтверждением слов Э. Лайсса могут служить наблюдения Ж.-М. Земба, которые мы находим в его контрастивной грамматике 1984 года: «Связка не является элементом естественного языка» (Перевод наш – А.В.) [22]. Э. Лайсс понимает под фемой связку, то есть тот самый инструмент, при помощи которого значение переходит в обозначение.

Ценность концепции Ж.-М. Земба в том, что она позволяет обратить внимание на следующие существенные моменты: во-первых, в позиционном отношении фема всегда предшествует реме [22, с. 92]; во-вторых, фема предполагает модальность; в-третьих, если предложение коммуникативно одночленно (см. примеры (4a)-(6a)), то модальные маркеры исключены. На этом основании мы предлагаем трактовать фему как особый тип глубинной структуры, который характерен для предложений, обладающих иллокутивным потенциалом. Отсутствие фемы характерно для предложений, лишённых иллокутивной силы. Рассмотрим, каким образом глубинная структура последних влияет на поверхностную.

Иллокутивной силой обладают предложения, содержащие как минимум два референциальных компонента – соответственно, номинативные предложения, в структуре которых отсутствует предикат, уже изначально лишены иллокутивной силы. В монологической речи они не могут содержать в своей структуре модальные маркеры. Рассмотрим в этой связи ряд примеров:

- (7) *Grüner Fluss, Heiterkeit, sanfte Ufer mit Weidengebüsch, bunte Schiffe, blaue Blitze aus Schweißapparaten [...]*⁷.
- (8) *Музыка, трико, боязливое и почтительное любопытство толпы, бенгальский огонь [...]*⁸.
- (9) *Packing up. The nagging worry of departure. Lost keys, unwritten labels, tissue paper lying on the floor*⁹.

Назначение предложений данного типа – максимально сжато описать ситуацию, на фоне которой разворачиваются события, выражение пропозициональной установки в них вряд ли возможно. Они выполняют в тексте функцию создания фона при описании событий, они не могут выражать оценку вероятности происходящего. Как правило, предложения данного рода отражают восприятие героев происходящих событий, могут иметь в своей структуре слова оценочной семантики, передавая атмосферу и настроение героев, как, например, это можно проследить в отрывке (10). Номинативные предложения не иницируют новую микротему, включаются в повествования как фон и служат в роли дополнительных штрихов к портретам персонажей, описаниям ситуации:

- (10) *Drüben im Haus Modestgasse konnte sie hinter staubigen Fenstern die stampfenden Druckereimaschinen sehen, die unermüdlich Erbauliches auf weißes Papier druckten; sie spürte das Beben, glaubte sich auf ein fahrendes oder startendes Schiff versetzt. **Lastwagen, Lehrjungen, Nonnen; Leben auf der Straße, Kisten vor Gemüseläden: Apfelsinen, Tomaten, Kohl.** Und am Nebenhaus, vor Gretzens Laden, hängten zwei Lehrjungen gerade den Keiler auf, dunkles Wildschweinblut tropfte auf den Asphalt. Sie liebte den Lärm und den Schmutz der Straße*¹⁰.

⁷ Böll H. Billard um halbzehn. Deutscher Taschenbuch Verlag, 1974. 306 S.

⁸ Куприн А.И. В зверинце [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kuprin_a_i/text_1152.shtml (дата обращения: 01.03.2021-31.03.2021).

⁹ Maurir D. Rebecca. Little, Brown Book Group UK, 2017. 334 p.

¹⁰ Böll H. Billard um halbzehn. Deutscher Taschenbuch Verlag, 1974. 306 S.

Иллокутивной силой не обладают и безличные предложения. Особенность их семантики заключается в описании природных явлений, в немецком языке в этих предложениях содержится формальное подлежащее *es*, в русском языке они, как правило, односложны:

- (11) *Auf unsrer Rückfahrt damals machten wir überhaupt keinen Stop, ausgenommen in der Nacht, weil es zum Fahren einfach zu finster war ohne Mond. Es regnete*¹¹.
 (12) *Отгорел закат, отстали от меня ласточки-касатки, когда я подошёл к незнакомой деревне. Смеркалось*¹².

Валентность глагола в предложениях данного типа равна нулю, формальное подлежащее *es* в немецком языке не может перенимать на себя функцию топикализованного элемента. В английском языке в таких случаях используют, как правило, бытийные предложения с инициальным *it*:

- (13) *It was dark, much too dark*¹³.

Бытийные предложения могут обладать иллокутивной силой, а могут быть лишены её. Предложения данного типа служат для утверждения существования в мире объектов, их дифференциации и отнесения к какому-либо классу/разряду. Бытийные предложения считают полифункциональными. Так, например, указывают, что структурная схема этих предложений («где есть кто/ что») служит не только на указание бытия объекта, но и на состояние природы [3]. Бытийные предложения могут быть коммуникативно бинарными, если имеют временную референцию с окружающим миром, и коммуникативно одночленными, если временные формы атеморальны, сравним:

- (14) *Henriette ist schon siebzehn Jahre tot*¹⁴.
 (15) *Irren ist menschlich*¹⁵.
 (16) *Наша жизнь – следствие наших мыслей*¹⁶.
 (17) *Он, конечно, был прав*¹⁷.
 (18) *The pen is mightier than the sword*¹⁸.
 (19) *Yes, Madam, Manderley is a big place*¹⁹.

Предложения (14), (17) и (19) обладают временной референцией и коммуникативной бинарностью и, соответственно, иллокутивной силой. Предложения с вневременным характером (15), (16) и (18) коммуникативно одночленны и лишены иллокутивного потенциала. В этой связи можно говорить о том, что связка в предложениях (15), (18) и нулевая связка (16) отражает постоянные признаки характеризуемого объекта, в то время как в высказываниях (14), (17) и (19) она маркирует переменные признаки. В этой связи особого внимания заслуживает концепция Э. Лайсса, согласно которой в языке существует два типа связок [14], [15]. Опираясь на философию Фомы Аквинского и универсальную грамматику модистов (XIII и XIX вв.), Э. Лайсс пишет о том, что в их работах понятие «связка» занимает центральное место: «функция её в том, чтобы перевести значение в обозначение»²⁰. Значение принадлежит сфере лексики, обозначение – сфере грамматики. Значения – это ментальная репрезентация, обозначения локализуют предметы, включённые в контекст. Э. Лайсс показывает, что в древневерхненемецком существовало два типа связок: *sîn*

¹¹ Frisch M. Homo faber. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2003. 245 S.

¹² Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения – 15.12.2019 – 25.12.2020).

¹³ Maurir D. Rebecca. Little, Brown Book Group UK, 2017. 334 p.

¹⁴ Böll H. Ansichten eines Clowns. München: deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, 1998. 253 S.

¹⁵ DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: www.webcorpora.org (дата обращения: 1.05.2021-1.06.2021).

¹⁶ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения – 15.12.2019 – 25.12.2020).

¹⁷ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения – 15.12.2019 – 25.12.2020).

¹⁸ ENCOW 16A-NANO [Электронный ресурс]. URL: www.webcorpora.org (дата обращения: 1.05.2021-1.06.2021).

¹⁹ Maurir D. Rebecca. Little, Brown Book Group UK, 2017. 334 p.

²⁰ В оригинале: „Sie hat im Satz die Funktion, Bedeutungen in Bezeichnungen zu transformieren“ [15, с. 62].

(или s-связка) и *wesan*. Первый тип связки использовался в так называемых генеричных высказываниях, не имеющих временной и локальной референции²¹. Это явилось причиной того, что она стала использоваться только в форме настоящего времени, в форме *Präsens*, которая может иметь и вневременной характер. Напротив, связка *wesan* широко используется в форме *Präteritum*, выступая в функции описания событий нарратива. Общим в нарративных текстах является то, что они описывают события, имеющие временное, модальное отношение и отношения локализованности. Различное функциональное назначение связки и объясняет супплетивность существующих форм [14, с. 49]. Соответственно, применительно к современному немецкому языку Э. Лайсс предлагает говорить о существовании двух типов предложений: синтетических и аналитических. Аналитическими можно считать предложения, в которых отражены семантические свойства лексем [15, с. 64]. В них функция связки состоит в организации и хранении нашего знания об окружающем мире. Связку этого вида Э. Лайсс называет связкой-знанием (*Wissenskopula*). Напротив, в синтетических предложениях связка служит для отображения нашего опыта, это связка-опыт (*Erfahrungskopula*). Типичный случай классического аналитического предложения: (a) *Der Hund ist ein Haustier* [14, с. 45], типичный случай классического синтетического предложения: (b) *Der Hund lahmt* (Ebenda). Синтетические предложения отображают наше знание о мире: «Они могут отображать истинность (истинно или ложно), но это не аналитические предложения, которые априори являются истинными [...]». Грамматический инструментарий синтетических предложений порождает систему координат, позволяющую представить события в пространственном, временном и модальном отношении, определить степень их определённости и соотнести с контекстом» (перевод наш – А.В.)²².

Таким образом, иллокутивной силой не обладают бытийные предложения с особым видом связки — вневременной, обозначающей постоянные свойства объектов. Как правило, предложения со связкой, маркирующие переменные свойства, обладают иллокутивной силой и коммуникативно бинарны. Иллокутивной силой могут не обладать некоторые типы предложений с предикатами, обозначающими действия – речь идёт о коммуникативно одночленных предложениях как с одновалентными, так и с двухвалентными предикатами. В русском языке порядок слов чувствителен к коммуникативному членению предложения, в немецком и английском он фиксирован, но, тем не менее, тоже зависит в некоторых случаях от коммуникативного членения предложения. Иллокутивной силы лишены в русском языке предложения, которые начинаются с предиката (P + S). Это типичное следование компонентов в предложениях, инициирующих текст или микротему в тексте, например:

- (20) *Прилетели стаи грачей*²³.
- (21) *Прилетела красавица Весна на лебединых крыльях [...]*²⁴.
- (22) *Посадил дед репку*²⁵.
- (23) *Повезла баба в город кринку масла продавать*²⁶.

В немецком языке маркером инициального предложения при одно- или двухвалентном предикате может быть формальное подлежащее *es*. Позиция формального подлежащего *es* перед предикатом при наличии референциального субъекта в среднем поле – это не что иное как прикрытая начальная позиция глагола. Такое наблюдение было сделано ещё в 70-е годы В. Дресслером [10], сравним:

²¹ В оригинале: „also in Sätzen, die keinen Raum-Zeit-Index aufweisen und allgemein gültig sind“ [14, с. 48].

²² В оригинале: „Sie können beide Wahrheitswerte abbilden (wahr vs. falsch), nicht aber die analytischen Sätze, die a priori als wahr gelten [...]“. Das grammatische Instrumentarium von synthetischen Sätzen erzeugt ein Koordinatensystem, das es ermöglicht, dass sich Ereignisse räumlich, temporal, modal und in Bezug auf ihren Sicherheitsstatus verorten und im Kontext verankern lassen“ [14, с. 52].

²³ Бианки В. Рассказы и сказки о животных и природе [Электронный ресурс]. URL: <https://skazkibasni.com/bianki-vitalij> (дата обращения: 01.03.2021-31.03.2021).

²⁴ Бианки В. Рассказы и сказки о животных и природе [Электронный ресурс]. URL: <https://skazkibasni.com/bianki-vitalij> (дата обращения: 01.03.2021-31.03.2021).

²⁵ Русские сказки [Электронный ресурс]. URL: https://nukadeti.ru/skazki/russkie_narodnye (дата обращения: 01.03.2021-31.03.2021).

²⁶ Русские сказки [Электронный ресурс]. URL: https://nukadeti.ru/skazki/russkie_narodnye (дата обращения: 01.03.2021-31.03.2021).

(24) *Es lebte einmal eine alte Königin*²⁷.

(25) *Es entstand ein hitziger Rangstreit unter den Tieren*²⁸.

Безличное местоимение не имеет места в предложениях, подлежащим в которых выступают имена существительные, обозначающие явления, единственные в своём роде (*der Mond, die Sonne*), например:

(26) *Es ist Frühling, der Schnee ist dahingeschmolzen, der Wind hat ihn aufgetilgt. Krabat geht durch den Koselbruch, es ist Nacht und Tag. Der Mond steht am Himmel, die Sonne scheint*²⁹.

Второе предложение фрагмента интегрировано в структуру абзаца и содержит описание природных явлений, служащее фоном для основного повествования. Оно не содержит тему и является целостным в интонационном и информационно-структурном отношении. По всей видимости, в данном случае семантика подлежащего позволяет сместить референциальный субъект в начальную позицию. Иллокутивной силы лишены предложения, содержащие не только описание явлений природы, но и обстановки, например:

(27) [...] *längst waren die Lücken wieder geschlossen, spielten Kinder auf Bleidächern, ging seine Enkelin drüben auf dem Kilbschen Bleidach mit Schulbüchern in der Hand auf und ab, wie vor fünfzig Jahren seine Frau dort auf- und abgegangen war – oder war's nicht doch Johanna, seine Frau, die an sonnigen Nachmittagen dort Kabale und Liebe las?*

*Das Telefon klingelte; angenehm, dass Leonore den Hörer abnahm, ihre Stimme dem unbekannten Anrufer Antwort gab*³⁰.

В приведённом отрывке глагол *klingeln* в выделенном предложении приобретает семантику начала, поскольку предложение иницирует микротему, обозначая действие, за которым следует ряд других, и выступает в начале абзаца.

В английском языке в инициальной позиции в данном случае может быть употреблено наречие *there*:

(28) *Once there was a mother who had a son*³¹.

(29) *There was once a shilling, which came forth from the mint springing and shouting, "Hurrah! now I am going out into the wide world"*³².

Примечательно, что в английском языке при обязательном подлежащем в инициальной позиции в предложениях данного типа в коммуникативно одночленных предложениях первая позиция может быть занята показателями места или времени, после чего следует предикат и после него уже само подлежащее:

(30) *Many, many years ago lived an emperor, who thought so much of new clothes that he spent all his money in order to obtain them*³³.

Показатели места и времени предшествуют предикату в предложениях данного типа и при препозиции подлежащего:

(31) *One fine evening, in the beautiful heart of the English countryside, a group of rabbits emerge from their warren to feed*³⁴.

В русском и немецком языках обстоятельства места и времени также находятся в инициальной позиции в предложениях данного типа:

²⁷ Grimms Märchen [Электронный ресурс]. URL: <http://maerchen-welt.eu/index.htm> (дата обращения: 01.03.2021-31.03.2021).

²⁸ Lessing G. E. [Электронный ресурс]. URL: http://www.udoklinger.de/Deutsch/Fabeln/Lessing.htm#Das_Geschenk_der (дата обращения: 01.03.2021-31.03.2021).

²⁹ Preußler O. Krabat. Thienemann Verlag, 1980. 256 S.

³⁰ Böll H. Billard um halbzehn. Deutscher Taschenbuch Verlag, 1974. 306 S.

³¹ ENCOW 16A-NANO [Электронный ресурс]. URL: www.webcorpora.org (дата обращения: 1.05.2021-1.06.2021).

³² Andersen H.Ch. The Silver Shilling [Электронный ресурс]. URL: <http://hca.gilead.org.il/shilling.html> (дата обращения: 01.03.2021-31.03.2021).

³³ Andersen H.Ch. The Emperor's New Suit [Электронный ресурс]. URL: <http://hca.gilead.org.il/emperor.html> (дата обращения: 01.03.2021-31.03.2021).

³⁴ ENCOW 16A-NANO [Электронный ресурс]. URL: www.webcorpora.org (дата обращения: 1.05.2021-1.06.2021).

- (32) *В дупле корявого дерева среди глухого леса поселились две совы – серые неясити*³⁵.
 (33) *Высоко над рекой, над крутым обрывом, носились молодые ласточки-береговушки*³⁶.
 (34) *Vor einem großen Walde wohnte ein armer Holzhacker [...]*³⁷.
 (35) *Vor vielen Jahren lebte ein Kaiser [...]*³⁸.

На особенности коммуникативного членения предложений данного типа обращает внимание П. Адамец [1]. Говоря о разделении предложения на основу (тему сообщения) и ядро (актуальная информация), он отмечает, что основа имеет разный характер в зависимости от того, какой компонент в неё входит. Если основой является субстантивный компонент, она имеет тематический характер, «представляя собой субстанцию, о которой что-то сообщается» [1, с. 21], например: *Клим пошёл домой или Клим обдал запах незнакомых духов* (пример см. [там же]). Если же основа представлена обстоятельственной характеристикой, то «такой тематический характер значительно ослаблен или вовсе отсутствует, уступая место характеру простой ситуационной кулисы (термин Фирбаса), например: *В коридоре раздался телефонный звонок*» [1, с. 22]. По этой причине предложения (34)–(38) можно трактовать как односоставные без основы (темы), включающие в себя только ядро (рему), а использование обстоятельственных маркеров служит для обозначения локализованности сообщаемой в предложении актуальной информации.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что безличные и номинативные предложения, бытийные предложения с атемпоральными временными формами, а также предложения с одновалентным/двухвалентным предикатом, служащими для зачина текста либо описания природы/погоды/обстановки, не обладают иллокутивной силой. Несколько иначе обстоит ситуация с придаточными предложениями, поскольку они, как правило, не иницируют новой темы или текста. Классический вариант придаточных, лишённых иллокутивной силы – предложения, в которых речь идёт не об описании действий, а о перманентных состояниях, характеристике лиц, предметов, мест. Такой тип значения характерен для придаточных места и некоторых относительных предложений:

- (36) *На ночь змеи и ящерицы пустыни забираются в глубокие норы, где тепло*³⁹.
 (37) *Dort, wo es kälter und ungemütlicher war, gingen die Umsätze etwas hoch*⁴⁰.
 (38) *Rocky planets like Venus, Earth and Mars form close to the star, where it is warm, while icy and gaseous planets like Jupiter, Saturn and Uranus form farther out*⁴¹.

Включение модальных маркеров – модальных слов, частиц и т. д. – в придаточные предложения данного типа невозможно.

Анализ фактического материала позволяет заключить, что следующие факторы определяют отсутствие иллокутивной силы предложения:

1. *Коммуникативная односоставность предложения.* Не обладают иллокутивной силой предложения, имеющие только тему или только ремю. Как правило, речь идёт о предложениях, иницирующих текст или микротему.
2. *Отсутствие временной референции.* Как правило, предложения, содержащие указание на постоянные свойства предметов/объектов/лиц, не обладают иллокутивной силой, поскольку утверждают известные обстоятельства.

³⁵ Бианки В. Рассказы и сказки о животных и природе [Электронный ресурс]. URL: <https://skazkibasni.com/bianki-vitalij> (дата обращения: 01.03.2021–31.03.2021).

³⁶ Бианки В. Рассказы и сказки о животных и природе [Электронный ресурс]. URL: <https://skazkibasni.com/bianki-vitalij> (дата обращения: 01.03.2021–31.03.2021).

³⁷ Grimms Märchen [Электронный ресурс]. URL: <http://maerchen-welt.eu/index.htm> (дата обращения: 01.03.2021–31.03.2021).

³⁸ Grimms Märchen [Электронный ресурс]. URL: <http://maerchen-welt.eu/index.htm> (дата обращения: 01.03.2021–31.03.2021).

³⁹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения – 15.12.2019 – 25.12.2020).

⁴⁰ DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: www.webcorpora.org (дата обращения: 1.05.2021–1.06.2021).

⁴¹ ENCOW 16A-NANO [Электронный ресурс]. URL: www.webcorpora.org (дата обращения: 1.05.2021–1.06.2021).

3. *Описание постоянных свойств объектов.* Предложения, содержащие описания природы, мест, природных явлений, не обладают иллокутивной силой и служат фоном основного повествования.

Анализ предложений различного типа показывает, что глубинная структура предложения оказывает влияние на его поверхностную структуру. Тесная взаимосвязь прослеживается между наличием в предложении топикализованных и модальных компонентов: в предложениях с одночленной коммуникативной структурой (наличие только ремы) использование маркеров пропозициональной установки невозможно. Это находит отражение на уровне поверхностного синтаксиса.

В русском языке порядок слов определяет актуальное членение предложения, поэтому отсутствие коммуникативной и информационно-структурной бинарности находит своё отражение на порядке следования его компонентов. Глагол как ядро предложения смещается в начало предложения. Соответственно, в группу глагола как ядра ремы входит и подлежащее. Лишённые иллокутивной силы предложения в русском языке всегда маркированы. В немецком языке порядок слов фиксирован, поэтому в коммуникативно одночленных предложениях «сдвиг» глагола на первую позицию и смещение референциального субъекта осуществляется за счёт использования формального подлежащего *es* в предполье. В английском языке в данном случае могут быть использованы инициальные элементы *there* или *it*. Общим для русского, английского и немецкого языков является то, что предложениям, лишённым иллокутивной силы, свойственно также использование локальных и временных уточнителей в позиции перед глаголом. Ни локальные, ни временные показатели не могут быть темой высказывания. В систематизированном виде сделанные наблюдения представлены в таблице 1:

Таблица 1: Свойства предложений, лишённых иллокутивного потенциала

Глубинная структура	Коммуникативная и информационно-структурная одночленность
Поверхностная структура	а) Смещение обстоятельств места / времени в позицию перед предикатом; б) отсутствие временной референции предиката (бытийные предложения); в) смещение референциального субъекта в позицию после предиката; г) отсутствие маркеров пропозициональной установки.
Функциональное назначение в тексте	а) инициирование текста; б) инициирование микротемы; в) создание фона при передаче основных событий в тексте.

Таким образом, иллокутивную силу предложения формируют его семантика, грамматические особенности и тип коммуникативного членения.

Заключение (CONCLUSION)

В данной работе были рассмотрены факторы, оказывающие влияние на иллокутивную силу предложения. Было показано, что она зависит от коммуникативного членения, временной референции и семантики. Предложения, обладающие иллокутивной силой, всегда имеют тему и ремю высказывания – при отсутствии тематического компонента в монологической речи включение модальных маркеров вряд ли возможно. Важно наличие временной референции – предложения с атемпоральными предикатами не совместимы с модальными маркерами; напротив, предложения, содержащие информацию о переменных свойствах объекта, обладают иллокутивной силой. Это определяет и позицию высказывания в тексте: предложения, лишённые иллокутивной силы, служат фоном основного повествования, иницируют текст или микротему. Перечисленные закономерности носят универсальный характер.

© Аверина А.В., 2023

Список литературы

1. Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Praha: Academia, 1966. 99 с.
2. Кобозева И.М. Проблема идентификации и синтаксической репрезентации сложноподчинённых предложений русского языка с иллокутивно самостоятельной придаточной частью / И.М. Кобозева // 3-d European Conference on "Formal Description of Slavic Languages", Universität Leipzig, 1999. p. 67-89.
3. Селеменова О.А. Бытийные предложения как средство репрезентации типовой пропозиции «состояние природы» в русском языке // Russian Linguistic Bulletin. 2 (6) 2016. С. 39-41.
4. Abraham W. Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung // Modalität und Evidentialität. Focus: Trier 2011. S. 125-147.
5. Abraham W. Jean-Marie Zembs Phema-Begriff zwischen Informationsstruktur und Prädikationsstruktur // Diskursgrammatik – Grammaire du discours. Hommage à Jean-Marie Zemb. Bd. 2. Frankfurt am Main, 2018. S. 131-157.
6. Averina A. Partikeln im komplexen Satz. Mechanismen der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätzen und Faktoren ihrer Verwendung in komplexen Sätzen. Am Beispiel der Modalpartikeln ja, doch und denn im Deutschen und ved', že und vot im Russischen. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2015. 240 S.
7. Averina A. Nebensätze aus der Sicht ihrer Modalisierung: Tiefenstruktur und Semantik // Sprachwissenschaft. Bd. 45, №4. Heidelberg: Winter Verlag, 2020. S. 425-471.
8. Coniglio M. Deutsche Modalpartikeln in Haupt- und Nebensätzen // Modalität: Epistemik und Evidentialität bei Modalverb, Adverb, Modalpartikel und Modus. Tübingen, 2009, S. 191-221.
9. Coniglio M. Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen. Berlin: Akademie Verlag, 2011. 220 S.
10. Dressler W. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen: Niemeyer, 1973. 144 S.
11. Eroms H.-W. Tertium datur: Die Entwicklung von Jean-Marie Zembs Satzkonzeption // Diskursgrammatik – Grammaire du discours. Hommage à Jean-Marie Zemb. Bd. 2. Frankfurt am Main, 2018. S. 25-42.
12. Frey W. On the types of adverbial clauses allowing root phenomena // Main Clause Phenomena. New Horizons. John Benjamins Publishing Company, 2011. S. 405-428.
13. Haegeman L. Anchoring to Speaker, Adverbial Clauses and the Structure of CP // Working Papers in Theoretical Linguistics 2. Georgetown University 2002. p. 117-180.
14. Leiss E. Kodierung von Wissen und Erfahrung anhand von zwei unterschiedlichen Kopula- und Prädikatsqualitäten // Grammatische Funktionen aus Sicht der japanischen und deutschen Germanistik. Hamburg, 2017. S. 41-58.
15. Leiss E. Das Phema bei Jean-Marie Zemb im Rahmen einer Theorie der Kopula // Diskursgrammatik – Grammaire du discours. Hommage à Jean-Marie Zemb. Bd. 2. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2018. S. 57-69.
16. Lohnstein H. Satzmodus – kompositionell. Zur Parametrisierung der Modusphrase im Deutschen. Studia Grammatika 48. Akademie Verlag, 2000.
17. Modicom P.-Y. Shared knowledge and epistemic reductionism: Covert semantics of German Modal Particles // Covert Patterns of Modality. Cambridge Scholars Publishing, 2012. S. 281-311.
18. Rizzi L. The Fine Structure of the Left Periphery // Elements of grammar: handbook in generative syntax. Kluwer Academic Publishers, 1997. pp. 381-338.
19. Thurmair M. Modalpartikeln und ihre Kombinationen. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1989. 314 S.
20. Wulf D. Pragmatische Bedingungen der Topikalität. Zur Identifizierbarkeit von Satztopiks im Deutschen. Tübingen, 2019. 260 S.
21. Zemb J.-M. Vergleichende Grammatik Französisch-Deutsch. Teil 1: Comparaison de deux systèmes. Mannheim, 1978. 897 S.
22. Zemb J.-M. Vergleichende Grammatik Französisch-Deutsch. Teil 2: L'économie de la langue et le jeu de la parole. Mannheim, 1984. 975 S.
23. Zemb J.-M. Kognitive Klärungen. Gespräche über den deutschen Satz. Hamburg, 1994. 138 S.

References

1. Adamets, P. *Poriadok slov v sovremennom russkom iazyke* [The word order in the modern Russian language]. Praha: Academia, 1966. 99 c.
2. Kobozeva, I.M. Problema identifikatsii i sintaksicheskoi reprezentatsii slozhnopodchinennykh predlozhenii russkogo iazyka s illokutivno samostoiate'noi pridatochnoi chast'iu [The problem of identification and syntactic representation of complex sentences of the Russian language with an illocutive independent subordinate part] // 3-d European Conference on "Formal Description of Slavic Languages, Universität Leipzig, 1999. p. 67-89.
3. Selemeneva, O.A. Bytiinye predlozheniia kak sredstvo reprezentatsii tipovoi propozitsii «sostoianie prirody» v russkom iazyke [Existential sentences as a means of representing the typical proposition "state of nature" in the Russian language] // Russian Linguistic Bulletin. 2 (6) 2016. C. 39-41.
4. Abraham, W. Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung // *Modalität und Evidentialität*. Focus: Trier 2011. S. 125-147.
5. Abraham, W. Jean-Marie Zembs Phema-Begriff zwischen Informationsstruktur und Prädikationsstruktur // *Diskursgrammatik – Grammaire du discours. Hommage à Jean-Marie Zemb*. Bd. 2. Frankfurt am Main, 2018. S. 131-157.

6. Averina, A. *Partikeln im komplexen Satz. Mechanismen der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätzen und Faktoren ihrer Verwendung in komplexen Sätzen*. Am Beispiel der Modalpartikeln ja, doch und denn im Deutschen und ved', že und vot im Russischen. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2015. 240 S.
7. Averina, A. Nebensätze aus der Sicht ihrer Modalisierung: Tiefenstruktur und Semantik // *Sprachwissenschaft*. Bd. 45, №4. Heidelberg: Winter Verlag, 2020. S. 425-471.
8. Coniglio, M. Deutsche Modalpartikeln in Haupt- und Nebensätzen // *Modalität: Epistemik und Evidentialität bei Modalverb, Adverb, Modalpartikel und Modus*. Tübingen, 2009, S. 191–221.
9. Coniglio, M. *Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen*. Berlin: Akademie Verlag, 2011. 220 S.
10. Dressler, W. *Einführung in die Textlinguistik*. Tübingen: Niemeyer, 1973. 144 S.
11. Eroms, H.-W. Tertium datur: Die Entwicklung von Jean-Marie Zembs Satzkonzeption // *Diskursgrammatik – Grammaire du discours. Hommage à Jean-Marie Zemb*. Bd. 2. Frankfurt am Main, 2018. S. 25-42.
12. Frey, W. On the types of adverbial clauses allowing root phenomena // *Main Clause Phenomena. New Horizons*. John Benjamins Publishing Company, 2011. S. 405-428.
13. Haegeman, L. Anchoring to Speaker, Adverbial Clauses and the Structure of CP // *Working Papers in Theoretical Linguistics 2*. Georgetown University 2002. p. 117-180.
14. Leiss, E. Kodierung von Wissen und Erfahrung anhand von zwei unterschiedlichen Kopula- und Prädikatsqualitäten // *Grammatische Funktionen aus Sicht der japanischen und deutschen Germanistik*. Hamburg, 2017. S. 41-58.
15. Leiss, E. Das Phema bei Jean-Marie Zemb im Rahmen einer Theorie der Kopula // *Diskursgrammatik – Grammaire du discours. Hommage à Jean-Marie Zemb*. Bd. 2. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2018. S. 57-69.
16. Lohnstein, H. *Satzmodus – kompositionell. Zur Parametrisierung der Modusphrase im Deutschen*. *Studia Grammatika* 48. Akademie Verlag, 2000.
17. Modicom, P.-Y. Shared knowledge and epistemic reductionism: Covert semantics of German Modal Particles // *Covert Patterns of Modality*. Cambridge Scholars Publishing, 2012. S. 281-311.
18. Rizzi, L. The Fine Structure of the Left Periphery // *Elements of grammar: handbook in generative syntax*. Kluwer Academic Publishers, 1997. pp. 381-338.
19. Thurmair, M. *Modalpartikeln und ihre Kombinationen*. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1989. 314 S.
20. Wulf, D. *Pragmatische Bedingungen der Topikalität. Zur Identifizierbarkeit von Satztopiks im Deutschen*. Tübingen, 2019. 260 S.
21. Zemb, J.-M. *Vergleichende Grammatik Französisch-Deutsch*. Teil 1: Comparaison de deux systèmes. Mannheim, 1978. 897 S.
22. Zemb, J.-M. *Vergleichende Grammatik Französisch-Deutsch*. Teil 2: L'économie de la langue et le jeu de la parole. Mannheim, 1984. 975 S.
23. Zemb, J.-M. *Kognitive Klärungen. Gespräche über den deutschen Satz*. Hamburg, 1994. 138 S.

Сведения об авторе:

Аверина Анна Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка Московского государственного лингвистического университета (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: грамматика немецкого языка, сравнительная типология немецкого и русского языков. E-mail: Anna.averina@list.ru

About the author:

Anna V. Averina, Doctor in Philological Sciences, is professor at the Department of German Grammar and History, Moscow State Linguistic University. Spheres of research and professional interest: grammar of German, typology of German and Russian. E-mail: Anna.averina@list.ru

* * *

GOVERNMENT STATEMENT AS A GENRE OF POLITICAL DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF THE SPEECHES OF THE GERMAN CHANCELORS A. MERKEL AND O. SCHOLZ)

Maria A. Yelizaryeva, Elizaveta A. Bykova, Anastasia A. Sigova

MGIMO UNIVERSITY,
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The article examines the genre of a government statement in Germany in terms of political content and linguopragmatic specificities. It should be noted that this genre can be described as orientational-ritual, which is characterized by informing and integration strategies, as well as self-praise and tactics of promises. The texts of the speeches follow a virtually set structure. The authors' aim is to analyze linguopragmatic specificities of the government statements made by German chancellors on taking office using the examples of speeches by A. Merkel in 2018 and O. Scholz in 2021. During the research, the following methods were used: academic literature analysis, discursive analysis, text analysis, contextual analysis, quantitative method, comparison, and generalization. The study is quite relevant due to the fact that the German chancellors' government statements were practically not analyzed from the linguistic point of view. This approach was partially used in the works of E. Hermann, but at the same time, it is typical of German authors to consider mostly political content and the influence of government statements, which can be seen in the book edited by K.F. Korte. Among Russian researchers, D.S. Slyusarev focused on linguistic analysis of government statements.

The work is logically divided into two major parts, namely political and linguistic analysis. In analyzing the political component, the authors examined the political situation in Germany at the time of the Bundestag elections of 2018 and 2021 and the assumption of power by A. Merkel and O. Scholz. In the process of linguopragmatic and discursive analysis of the speeches, the following features were noted: the use of gender-symmetric forms, idioms and metaphors, intertextuality, wordplay. Government statements are characterized by plenty of culturally marked vocabulary, which can be explained by the topic of the speeches.

Keywords: government statement, German political discourse, culturally marked vocabulary, German Chancellor, linguopragmatic specificities

Acknowledgments: The study was supported by the MGIMO University, the grant no. KMU 11/08.

For citation: Yelizaryeva, M.A., Bykova, E.A., Sigova, A.A. (2023). Government statement as a genre of political discourse (on the example of the speeches of the German chancellors A. Merkel and O. Scholz). *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(2), pp. 21–31. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-2-35-21-31>

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ КАК ЖАНР ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ РЕЧЕЙ КАНЦЛЕРОВ ФРГ А. МЕРКЕЛЬ И О. ШОЛЬЦА)

М.А. Елизарьева, Е.А. Быкова, А.А. Сигова

МГИМО УНИВЕРСИТЕТ МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В статье рассматривается жанр правительственного заявления в ФРГ с точки зрения политического содержания и лингвопрагматических особенностей. Данный жанр можно охарактеризовать как ориентационно-ритуальный, которому присущи стратегия информирования и интеграционная стратегия, а также самовосхваление и тактика обещаний. Тексты выступлений имеют относительно стандартную структуру. Цель исследования – проанализировать лингвопрагматические особенности правительственных заявлений канцлеров при вступлении в должность (на примере речей А. Меркель в 2018 г. и О. Шольца в 2021 г.). В ходе исследования применялись следующие методы: анализ литературы, дискурсивный анализ, анализ текста, контекстуальный анализ, количественный метод, сравнение, изучение и обобщение сведений. Актуальность исследования обусловлена тем, что правительственные заявления канцлеров ФРГ практически не подвергались анализу с лингвистической точки зрения. Элементы такого подхода присутствуют в работах Э. Херманн, но при этом для немецких авторов характерно рассмотрение правительственных заявлений с точки зрения их программного содержания и политического влияния, что можно проследить на примере сборника „Das Wort hat der Herr Bundeskanzler“ под редакцией К.Ф. Корте. Среди отечественных исследователей лингвистическим анализом правительственных заявлений занимался Д.С. Слюсарев.

Работа разделена на два блока, а именно политический и лингвистический анализ. В рамках политического анализа была рассмотрена политическая ситуация в ФРГ на момент выборов в бундестаг 2018 и 2021 гг. и вступления в должность А. Меркель и О. Шольца. В ходе лингвопрагматического и дискурсивного анализа речей были отмечены следующие особенности жанра: использование гендерно-симметричных форм, употребление фразеологизмов и метафор, интертекстовые вкрапления, а также использование языковой игры. Для правительственных заявлений характерно обилие культурно-маркированной лексики (политонимы, официонимы, эргонимы, документонимы, фоновая лексика), что обусловлено тематикой выступлений.

Данное исследование может послужить основой для осуществления более подробного анализа с привлечением выступлений предыдущих канцлеров ФРГ и проведения сопоставительного анализа в диахронии.

Ключевые слова: правительственное заявление, политический дискурс Германии, культурно-маркированная лексика, федеральный канцлер, лингвопрагматические особенности

Благодарности: Статья подготовлена в рамках гранта КМУ 12/08 XII Конкурса молодых учёных МГИМО.

Для цитирования: Елизарьева М.А., Быкова Е.А., Сигова А.А. (2023). Правительственное заявление как жанр политического дискурса (на примере речей канцлеров ФРГ А. Меркель и О. Шольца). *Филологические науки в МГИМО*. 9(2), С. 21–31. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-2-35-21-31>

1. Введение

Понятие «правительственное заявление» (Regierungserklärung) обозначает заявления правительства ФРГ, которые в целом можно разделить на две категории: 1) выступление федерального канцлера перед депутатами бундестага вскоре после вступления в должность, в котором он излагает основные направления политики нового правительства; и 2) заявления правительства (федерального канцлера или министров), в которых оно выражает свою позицию по актуальным политическим вопросам, например, международной политики. Заявления не влекут за собой юридических обязательств, однако, как правило, правительство старается выполнить свои обещания¹.

В данной статье будет рассмотрен первый тип правительственных заявлений (на немецком они называются также *große Regierungserklärung*, *Antrittserklärung*), а именно речи федеральных канцлеров Ангелы Меркель (2018) и Олафа Шольца (2021) при их вступлении в должность. В соответствии с классификацией жанров политического дискурса, данной Е.И. Шейгал [4], правительственные заявления такого типа можно отнести к гибриднему ориентационно-ритуальному жанру, поскольку, с одной стороны, их основная функция – информировать бундестаг, жителей Германии в целом, а также иностранных слушателей о политической программе и намерениях нового правительства. С другой стороны, эти выступления имеют место при вступлении канцлера в должность и носят характер своего рода традиции, выполняя также интегративную функцию – сплочение общества после завершения предвыборной борьбы.

В связи с тем, что жанр носит ритуальный характер, в правительственных заявлениях обычно прослеживается определённая структура [6]. В начале речи звучат благодарности избирателям и предшественникам на посту, затем в общих чертах озвучиваются основные проблемы, «тяжёлое наследие» (*schwieriges Erbe*), доставшееся от предыдущего правительства. Основную часть речи составляет представление проблем в отдельных сферах и предложений по их решению, как правило, это экономика и финансы, социальная сфера, здравоохранение, образование, экология и, в самом конце, внешняя политика. Завершают речь обычно слова поддержки и веры в то, что вновь избранное правительство сможет достичь поставленные цели [6, с. 6-7].

Естественно, что текст речи составляется не самим канцлером лично, а целой командой ведомства федерального канцлера (*Bundeskanzleramt*) [8, с. 34]. Изначально канцлер высказывает свои пожелания по поводу структуры и содержания речи, основу которой составляет коалиционный договор, программы входящих в правительство партий, а также их предвыборных программ [8, с. 42]. Глава ведомства федерального канцлера делает запрос в министерства, чтобы те предоставили информацию касательно своей сферы деятельности. Черновой вариант общего текста составляется несколькими авторами (*Redenschreiber*) под руководством ответственного редактора (*Chefredenschreiber*), этот вариант представляется для оценки соответствующим министерствам и внешним экспертам, а также самому канцлеру, затем – кабинету министров. Ответственный редактор, назначаемый канцлером, находится в контакте с последним на всех этапах подготовки выступления, и канцлер может вносить свои изменения. Несмотря на то, что текст пишут несколько человек, они стараются составить его так, чтобы он соответствовал стилю канцлера.

Стоит отметить, что правительственные заявления канцлеров ФРГ практически не анализировались даже носителями языка. Немецкие авторы обычно рассматривают правительственные заявления с точки зрения политологии – их программное содержание и политическое влияние [7].

Элементы лингвистического анализа присутствуют в работе Э. Херманн [6], которая сравнивает правительственные заявления Ангелы Меркель при её вступлении в должность канцлера и указывает на некоторые языковые особенности её речей. Так, А. Меркель часто использует ме-

¹ Regierungserklärung // Deutscher Bundestag, URL: <https://www.bundestag.de/services/glossar/glossar/R/regierungserkl-245524>. (Accessed: 25.10.2022).

стоимение *ich* (я), когда хочет подчеркнуть лично свою точку зрения на тот или иной вопрос, часто прибегает к метафорам. При перечислении задач или проблем, которые предстоит решить, канцлер прибегает к вводным словам *erstens*, *zweitens*, *drittens* и так далее.

Некоторые лингвостилистические особенности правительственных заявлений канцлеров ФРГ были проанализированы Д.С. Слюсаревым [2]. Он отмечает, что для подобного рода выступлений характерны следующие черты: 1) инклюзивный вокабуляр, который должен вызывать у адресата чувство включённости в тот или иной коллектив, чувство солидарности и единения (*Bündnis*, *Enigheit*, *Gemeinsamkeit*, *mitarbeiten*, *mitmachen*, *unser Volk*, *zusammen*); 2) ценностный вокабуляр, то есть лексемы, отражающие общие ценности, свойства и добродетели народа (*Fleiß*, *Leistungsfähigkeit*, *Tüchtigkeit*, *Nächstenliebe*, *Gastfreundlichkeit*); 3) инклюзивное местоимение *wir* (мы); 4) волитивные глаголы, то есть выражающие намерение или желание (*wollen*, *wünschen*, *beabsichtigen*, *werden*, *sich verpflichtet fühlen*); 5) идеологический вокабуляр, то есть слова-лозунги (*Freiheit*, *Sicherheit*, *Wohlstand*, *Menschenwürde*); 6) эмоциональные средства воздействия: риторические вопросы, аллитерации, метафоры, антитезы, анафоры [2].

В рассмотренных нами выступлениях А. Меркель и О. Шольца встретились все вышеперечисленные виды лексики. Это говорит о том, что с 2012 года подобные лингвопрагматические особенности заявлений сохранились, однако на этом, как показало наше исследование, их список не исчерпывается, что обуславливает актуальность исследования – необходимость заполнить пробел в описании данного жанра политического дискурса Германии именно с лингвистической точки зрения.

2. Методика и методы исследования

Цель настоящей статьи – проанализировать правительственные заявления канцлеров при вступлении в должность как жанр политического дискурса Германии, в частности его лингвистические особенности. В соответствии с целью были поставлены следующие задачи:

- проанализировать немецко- и русскоязычную литературу, посвящённую правительственному заявлению как жанру политического дискурса;
- отобрать языковой материал (тексты правительственных заявлений);
- рассмотреть политическую ситуацию в ФРГ на момент выборов в бундестаг и выступления канцлера в должность;
- проанализировать содержание выступлений и выделить их ключевые темы для последующего соотнесения их с использованными языковыми средствами;
- провести лингвопрагматический и дискурсивный анализ речей (определить черты, характерные для правительственных заявлений кроме тех, что были выделены Д.С. Слюсаревым, а также основные коммуникативные стратегии, к которым прибегают канцлеры).

В ходе исследования были использованы следующие методы: анализ литературы, дискурсивный анализ, анализ текста, контекстуальный анализ, количественный метод, сравнение, изучение и обобщение сведений.

Материалом послужили тексты правительственных заявлений канцлеров ФРГ Ангелы Меркель от 21 марта 2018 г.² и Олафа Шольца от 15 декабря 2021 г.³, находящиеся в открытом доступе на официальном портале правительства ФРГ [bundesregierung.de](https://www.bundesregierung.de), объём которых составляет соответственно 49 360 и 66 566 знаков, 1,2 и 1,7 п.л. Если правительственные заявления А. Меркель уже подвергались анализу [6], то выступление О. Шольца с лингвистической точки зрения будет проанализировано впервые.

² Regierungserklärung von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel am 21. März 2018 URL: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/975954/859002/54d50d7487e43920973a3709d4748e93/32-2-bkin-regerkl-data.pdf?download=1>. (Accessed: 01.11.2022).

³ <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungserklaerung-von-bundeskanzlerin-merkel-1937200> (Accessed: 01.11.2022).

3. Общественно-политическая повестка в Германии в 2017-2021 гг. и её отражение в правительственных заявлениях А. Меркель и О. Шольца

Парламентские выборы 2017 года значительно изменили политический ландшафт Германии несмотря на то, что пост федерального канцлера вновь получила А. Меркель. В результате самых длительных в истории коалиционных переговоров была сформирована «Большая коалиция» (Große Koalition, GroKo) в составе ХДС/ХСС и СДПГ.

14 марта 2018 года Ангела Меркель была избрана канцлером в четвертый раз⁴, и 21 марта она выступила с правительственным заявлением перед парламентом. В начале своей речи Меркель отметила сложности в формировании коалиции и растущее беспокойство по поводу отсутствия сплочённости в обществе. Однако она подчеркнула, что экономическая ситуация в стране стабильна, безработица сокращается, правительство выделяет больше средств на развитие образования и научно-исследовательские разработки.

Меркель также обозначила основные проблемы, стоящие перед правительством Германии, приоритеты «Большой коалиции» и варианты решения проблем. Основное внимание в речи уделяется миграционному кризису 2015 года, который вызвал беспрецедентную гуманитарную ситуацию в стране. Меркель указала и на успехи в области решения миграционной проблемы, например, на заключение соглашения между ЕС и Турцией (EU-Türkei-Abkommen).

Однако главная проблема современного немецкого общества, согласно речи Меркель, – это необходимость сплочения (Zusammenhalt), и положение мигрантов является лишь одной стороной этого многогранного вопроса. Кроме того, Меркель сделала акцент на социальной справедливости (soziale Gerechtigkeit), для обеспечения которой правительство планировало развивать системы социального обеспечения и гарантировать равные условия жизни в городах и сельских районах. Также была затронута проблема развития экономики, в частности вопрос цифровизации (Digitalisierung), защиты окружающей среды и роста значения развивающихся стран.

Говоря о внешней политике, Меркель подчеркнула важность углубления отношений внутри Европейского Союза, а также необходимость развития трансатлантического партнёрства с США. Кроме того, Меркель коснулась некоторых международных проблем и конфликтов, а именно ситуации в Ираке, Сирии, Ливии, ядерной сделки с Ираном (das iranische Nuklearabkommen) и ухудшения отношений с Россией из-за ситуации на Украине.

Очередные выборы в бундестаг, состоявшиеся 26 сентября 2021 года, стали главным успехом СДПГ на федеральном уровне за последние шестнадцать лет. Партия получила большинство голосов избирателей; второе место занял блок ХДС/ХСС. В ноябре СДПГ, СвДП и «Зелёные» смогли сформировать так называемую «светофорную» коалицию (Ampel-Koalition)⁵.

8 декабря Олаф Шольц был избран новым федеральным канцлером Германии, а 15 декабря он выступил перед бундестагом с правительственным заявлением. В начале своего выступления Шольц уделил большое внимание пандемии коронавируса, подчеркнув важность тестирования и вакцинации.

Федеральный канцлер называет новое коалиционное правительство «правительством прогресса» (Fortschrittsregierung). Один из ключевых тезисов Шольца связан со стремлением достичь углеродной нейтральности и продолжить курс на цифровизацию германского общества. В сфере защиты окружающей среды основной акцент делается на отказе от атомной (к концу 2022 г.) и угольной энергетики (к 2030 г.).

⁴ Меркель стала канцлером в четвертый раз // РИА Новости URL: <https://ria.ru/20180314/1516323401.html?ysclid=I9zmcn914v623669293>. (Accessed: 01.11.2022).

⁵ В Германии участники будущего правительства подписали коалиционный договор. // ТАСС URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13129723>. (Дата доступа: 03.11.2022).

Значительная часть речи Олафа Шольца посвящена социальным проблемам. По словам канцлера, идеалом для него является «общество уважения» (*Gesellschaft des Respekts*), в котором каждый может рассчитывать на достойную зарплату и на признание своего вклада в общее дело. Необходимое внимание будет также уделено вопросам пенсионного страхования и здравоохранения.

Шольц подчёркивает недопустимость дискриминации по признаку пола, сексуальной идентичности или происхождения человека и провозглашает правый экстремизм главной угрозой немецкой демократии. Он делает довольно смелое заявление, называя Германию «страной иммигрантов» (*Land mit Migrationshintergrund*) и призывая обеспечить репрезентативность национальных меньшинств в государственном управлении.

Говоря о внешней политике, можно отметить европеизм и евроатлантизм, присущие новому федеральному правительству. Шольц выступает за сплочённость Европы и расширение круга вопросов, принимаемых в ЕС квалифицированным большинством. В числе ближайших союзников Германии он называет Францию и США, делая акцент на роли НАТО и германо-американского сотрудничества для безопасности страны. Шольц также не упускает возможность осудить Россию и Китай, политика которых расходится с «западными ценностями».

4. Лингвопрагматические особенности правительственных заявлений канцлеров ФРГ

Прежде всего отметим, что поскольку правительственные заявления относятся к гибриднему ритуально-ориентационному жанру, то в них доминируют, как правило, стратегия информирования и интеграционная стратегия, а также самовосхваление (в отношении действий правительства), сопровождающееся тактикой обещаний. Речь А. Меркель в этом отношении не выделяется, в то время как в части выступления Олафа Шольца, посвящённой теме коронавируса, содержатся ещё две нетипичные для правительственных заявлений стратегии. Во-первых, это стратегия агитации, призыв немецкого общества к прохождению вакцинации в условиях пандемии COVID-19: *Meine dringende Bitte ist: Liebe Bürgerinnen und Bürger, machen Sie alle mit! ... Helfen Sie mit, diese Aufgabe zu bewältigen! Helfen Sie uns allen, vermeidbares Leid zu verhindern! Lassen Sie sich impfen! Schützen Sie Ihr Leben und das Leben der anderen!* (Я настоятельно прошу вас, уважаемые граждане, вакцинируйтесь! ... Помогите достичь этой цели! Помогите всем нам предотвратить лишние страдания! Сделайте прививку! Защитите свою жизнь и жизни других людей!).

В этом же контексте, наряду с выражением похвалы и благодарности в адрес привившихся граждан страны, из уст Шольца звучат слова нетерпимости по отношению к гражданам, активно выступающим против кампании по вакцинации. Шольц называет их экстремистским меньшинством и открыто говорит о том, что правительство будет с ним бороться: *Wir werden es uns nicht gefallen lassen, dass eine winzige Minderheit von enthemmten Extremisten versucht, unserer gesamten Gesellschaft ihren Willen aufzuzwingen. Dieser winzigen Minderheit der Hass erfüllten, die mit Fackelmärschen, mit Gewalt und Morddrohungen uns alle angreift, werden wir mit allen Mitteln unseres demokratischen Rechtsstaats entgegentreten* (мы не позволим незначительному меньшинству откровенных радикалов навязать свою волю всему нашему обществу. Мы будем противостоять этому полному ненависти меньшинству, ополчившемуся против нас и угрожающему насилем и расправой, всеми средствами нашего демократического правового государства).

Заявляя, что точка зрения противников вакцинации является «отрицанием действительности», «абсурдной теорией заговора» и даже «экстремизмом», с которой государство должно бороться, О. Шольц нарушает представление о канцлере как политической фигуре, призванной служить сплочению общества и сглаживать общественные противоречия, быть представителем всего немецкого народа.

Теперь перейдём уже непосредственно к лингвистическому аспекту выступлений. Одной из отличительных черт современного немецкого общества является политика гендерного равенства (равенства мужчин и женщин), которая находит своё отражение в языке (*gendergerechte Sprache*), в частности, в употреблении гендерно-симметричных форм (*Lehrerinnen und Lehrer, Bürgerinnen und Bürger, Ärztinnen und Ärzte*).

Тенденция всё более частого использования таких форм прослеживается и в выступлениях канцлеров. Так, в 2018 году А. Меркель использовала подобные выражения всего 7 раз, причём в речи они не повторялись (*Damen und Herren, Bürgerinnen und Bürger, Kolleginnen und Kollegen, Mitarbeiterinnen und Mitarbeiter, Lehrerinnen und Lehrer, Arbeitnehmerinnen und Arbeitnehmer, Soldatinnen und Soldaten*). В выступлении О. Шольца четыре года спустя гендерно-симметричные формы встречаются целых 47 раз (*Bürgerinnen und Bürger* – 32 раза (!), *Frauen und Männer* – 4, *Arbeitnehmerinnen und Arbeitnehmer* – 3, по одному разу *Damen und Herren, Ministerpräsidentinnen und Ministerpräsidenten, Mitbürgerinnen und Mitbürger, Kundinnen und Kunden, Rentnerinnen und Rentner, Ärztinnen und Ärzte, Vorgängerinnen und Vorgänger, Soldatinnen und Soldaten*). Данные формы используются и как обращения, и просто для обозначения людей или групп граждан в третьем лице. Можно предположить, что высокая плотность гендерно-симметричных форм в выступлении Шольца по сравнению с речью Меркель обусловлена ещё и тем, что, будучи мужчиной, он старался выглядеть максимально политкорректно. Вероятно, незначительное число гендерно-симметричных форм из уст Меркель звучало для немецких женщин менее обидно.

Обратимся теперь к лексическим средствам воздействия на слушателя. В политическом дискурсе одним из самых типичных средств воздействия на слушателя является метафора [3, с. 122]. Как указывал в своей статье Д.С. Слюсарев, в правительственных заявлениях содержится достаточно много метафор и фразеологизмов [2]. Речи, рассматриваемые в данной статье, не являются исключением (15 фразеологизмов в речи О. Шольца, 11 в речи А. Меркель). Например, О. Шольц неоднократно подчёркивает преемственность его правительства кабинету Меркель с помощью спортивной метафоры «передать/принять эстафету», например: *Die neue Regierung übernimmt den Staffelstab* (новое правительство **перенимает эстафету**); *Bundeskanzlerin Merkel hat alles nur Mögliche getan, um die Staffellübergabe an ihren Nachfolger so reibungslos wie nur irgend möglich zu gestalten* (Ангела Меркель сделала всё возможное, чтобы **передача эстафеты её преемнику** прошла как можно более гладко).

Как в речи А. Меркель, так и в речи О. Шольца встречаются парные сочетания (парные формулы), то есть сочетания слов с союзом *und*. Парные сочетания, содержащие в себе синонимы, используются для усиления: *Land und Leute, Schleuser und Schlepper, Tausende und Abertausende, nach bestem Wissen und Gewissen* (А. Меркель), *Stadt und Land, Hürden und Hemmnisse, Hass und Hetze* (О. Шольц), в то время как выражения с антонимами служат для усиления противопоставления: *Ost und West, Ältere und Jüngere* (А. Меркель), *Tag und Nacht* (О. Шольц). Также есть выражения, содержащие просто понятия из одной сферы: *Bus und Bahn, Hand und Fuß haben*.

Одним из распространённых стилистических средств воздействия на слушателя в политическом дискурсе служит также интертекст, однако в выступлениях А. Меркель и О. Шольца интертекстовых вкраплений совсем немного.

В речи А. Меркель встречается её крайне известное выражение *Wir schaffen das!* (*Мы с этим справимся*), сказанное ей в 2015 году в контексте миграционного кризиса. В правительственном заявлении Меркель комментирует реакцию общества на него, утверждая, что это типичное для неё клише, которое она произносила ранее неоднократно не только в политических выступлениях, но и в частных беседах, стало своего рода символом конфликта, который разгорелся в обществе после решения правительства принять в страну потоки беженцев. Здесь Меркель приводит свою же цитату, чтобы проиллюстрировать глубину общественного раскола, который новое правительство должно преодолеть.

Далее, затрагивая тему мирного сосуществования религий в Германии, она ссылается на ст. 1 Основного закона ФРГ, гласящую, что человеческое достоинство неприкосновенно („*Die Würde des Menschen ist unantastbar*“, *so heißt es in Artikel 1 unseres Grundgesetzes*), тем самым, апеллируя к конституции как к авторитетному юридическому источнику, который задаёт правовое поле для предотвращения и наказания насилия, расизма и антисемитизма на религиозной почве.

Говоря о необходимости быстрых темпов развития, в частности, цифровизации, канцлер заявляет, что сейчас социальная рыночная экономика страны, ориентированная на обещание Людвига Эрхарда гарантировать «благосостояние для всех» (*Wohlstand für alle*), проходит проверку на

прочность: государство должно разработать правовую базу обращения с новым «сырьём» – данными, чтобы и далее соответствовать идеалу социальной рыночной экономики и поддерживать благосостояние общества. *Wohlstand für alle* – известный в Германии слоган, имеющий позитивные коннотации, которые, благодаря упоминанию в речи, должны переноситься и на новое правительство.

У О. Шольца интертекст встречается также трижды. Два раза он прибегает к своего рода риторическим вопросам, которыми, по его мнению, задаются обеспокоенные своим будущим граждане Германии: «*Sie fragen sich: Geht das alles gut aus für mich, für meine Familie, für meine Kinder – in zehn, zwanzig, dreißig Jahren? Wird es in Zukunft noch gut bezahlte Arbeit, sichere Renten und ein gutes Gesundheitssystem geben für Leute wie mich? Was kommt dazu auf die Stadt, auf die Region, in der ich lebe?*» (Их волнует: всё ли будет хорошо со мной, моей семьей, детьми через десять, двадцать, тридцать лет? Найдётся ли хорошо оплачиваемая работа, гарантирует ли государство пенсию и хорошее здравоохранение для таких людей, как я? Что произойдёт с городом, регионом, в котором я живу?). Этот приём в рамках интеграционной стратегии служит для того, чтобы показать, что канцлер поддерживает контакт с народом и видит, какие проблемы его волнуют и какие из них необходимо решить. Подобные риторические вопросы часто используются во время предвыборных кампаний для создания позитивного имиджа политика.

Кроме того, говоря о необходимости использовать в Германии новые технологии и не бояться отказаться от старых знакомых путей, О. Шольц цитирует и затем опровергает утверждение кайзера Вильгельма II о том, что автомобили не заменят лошадь как транспортное средство (*Kaiser Wilhelm II. wird das Zitat zugeschrieben: „Ich glaube an das Pferd. Das Automobil ist eine vorübergehende Erscheinung.“ – Das war ein Irrtum. Hätte sich diese Sichtweise seinerzeit durchgesetzt, dann wäre Deutschland heute ein anderes Land, ein ärmeres Land, ein rückständigeres Land.*). В политическом дискурсе цитирование высказываний, с которыми не согласен оратор, и их последующее опровержение используется для усиления воздействия на слушателя, чтобы убедить его принять точку зрения выступающего. Здесь Шольц показывает, что если Германия не будет использовать новые технологии, то может из экономической державы вновь стать отсталой страной.

В речи О. Шольца можно увидеть ещё одно языковое средство, рассчитанное на привлечение внимания слушателя, а именно – языковую игру, которая чаще встречается в менее формальных жанрах политического дискурса, например, на выступлениях политиков в рамках «политической пепельной среды» [1], так как служит средством вербализации шуток. В речи Шольца она выполняет скорее функцию усиления высказывания и основана на использовании ряда однокоренных слов. Так, он характеризует свою предшественницу А. Меркель как лишённого тщеславия и манерных замашек канцлера, который *„jederzeit an der Sache und Tatsachen orientiert“* (ориентированная на дело и факты). Остановливаясь на проблеме поддержания уровня пенсионных выплат для граждан, проработавших всю жизнь, политик утверждает, что *„Respekt vor Leistung“ heißt auch „Respekt vor Lebensleistung“* (Уважать чужой вклад означает также уважать жизненные достижения).

Хотелось бы немного подробнее остановиться на одной лексической особенности правительственных заявлений, которая не очевидна для носителей немецкого языка, но достаточно заметна иностранному слушателю или читателю, а именно – обилие культурно-маркированной лексики, в частности, описывающей реалии политической и социально-экономической жизни Германии, что, естественно, обусловлено тематикой выступлений. Если не знать эти реалии, то понять выступления будет сложно, поскольку значение подобных лексических единиц не всегда очевидно и не всегда по компонентам лексемы можно вывести её значение. К тому же, перевод таких лексем иногда может вызывать трудности [5].

Не считая повторов, в речи А. Меркель встретилось 107 культурно-маркированных единиц, у О. Шольца – 138 (но при этом его речь была несколько длиннее). В обоих правительственных заявлениях встретились, прежде всего, следующие типы лексики, описывающие реалии:

1) политонимы (профессиональные и общественные объединения, специфические для политической сферы деятельности и системы государственного управления, то есть, например, названия органов государственной власти, органов управления, названия партий, политических движений и т.д.): *Bundestag, Bundeswehr, Bundesamt für Migration und Flüchtlinge, Sicherheitsbehörden, Ankerzentren, (Bundes)kanzleramt, Bundesinnenministerium, Koalitionsparteien, CDU, CSU, SPD, Kabinettausschuss Digitalisierung, Bundesregierung, Bundeskartellamt, Ministerium für Wohnen, Stadtentwicklung und Bauwesen, Bundespolizei, Bundesfinanzhof, Öffentlicher Gesundheitsdienst;*

2) официонимы (наименования государственных должностей): *Wehrbeauftragte, Opferbeauftragte, Bundesinnenminister, Ministerpräsidenten der Länder, Bundespräsident, Bundesarbeitsminister;*

3) документонимы (названия документов, то есть законов, международных договоров, соглашений и т.д.): *Klimapakt Fit für 55, Datenschutz-Grundverordnung, Mindestlohngesetz, Entgelttransparenzgesetz, Grundgesetz, Demokratieförderungsgesetz, Transsexuellengesetz, Selbstbestimmungsgesetz, Strafgesetzbuch, Lissaboner Vertrag, EU-Nato-Erklärung, Freihandelsabkommen, Minsker Vereinbarungen, Klimaschutzgesetz, EU-Türkei-Abkommen, Koalitionsvertrag, Staatskirchenvertrag;*

4) эргонимы (наименование профессиональных объединений деловой (не политической) сферы, названия организаций, компаний и т.д.): *Deutsche Bahn, Nokia, Islamkonferenz, Klimaklub, Gewerkschaft, Arbeitgeberverband, Mieterverbände.*

Кроме того, значительную группу составляет фоновая лексика, обозначающая реалии в разных сферах:

- политика и административно-территориальное деление (*Koalitionsverhandlungen, Bund und Länder, neue Bundesländer, Kommunen*);
- социальное страхование и социальные пособия (*Kindergeld, Baukindergeld, Arbeitslosenversicherung, Hartz IV, Bürgergeld, Solidaritätszuschlag, Schulgeld, Grundrente, Heizkostenzuschuss, Wohngeld, Elterngeld, Betriebsrente*);
- здравоохранение (*Pflege, Pflegeheime, Pflegebedürftige, Pflegekräfte, Gesundheitsversorgung*);
- трудовые отношения (*Tarif, Tarifvertrag, Mindestlohn, Mitbestimmungsrecht, Minijob, Minijobber, Midijob, Midijobber*);
- миграция (*Flüchtlinge, Asylverfahren, Aufenthaltsstatus, Rückführung, Migrationshintergrund*);
- образование (*berufliche Ausbildung im dualen System, Aufstiegs-Bafög, Ausbildungsförderung*);
- экология (*Klimaschutzziele, Energiewende, Verkehrswende, CO2-Preispaß, Emissionshandel, Fahrverbote*);
- международные отношения и членство Германии в международных организациях (*Nato, EU, der Europäische Rat, Europapolitik, Euro-Raum, der europäische Währungsfonds, Compact with Afrika (Marschallplan mit Afrika)*).

Все перечисленные выше сферы, естественно, соответствуют смысловому содержанию речей.

5. Выводы

Подведём итоги. Правительственные заявления, с которыми канцлер ФРГ выступает перед бундестагом вскоре после избрания на должность, представляют собой гибридный ориентационно-ритуальный жанр политического дискурса Германии, для которого характерны, прежде всего, стратегия информирования и интеграционная стратегия, а также самовосхваление и тактика обещаний. Тексты имеют относительно стандартную структуру: вначале звучат благодарности избирателям и предшественникам на посту. Основную часть речи составляет представление проблем и варианты их решения по отдельным сферам, завершают речь слова поддержки и веры в то, что новое правительство сможет достичь поставленных целей.

В проанализированных нами выступлениях А. Меркель (2018) и О. Шольца (2021) встретились гендерно-симметричные формы, однако в речи А. Меркель их было почти в 7 раз меньше, чем в речи О. Шольца, что может говорить как о том, что тенденция использовать эти формы за 4 года в немецком обществе усилилась, так и о том, что для канцлера-мужчины их использование более необходимо для того, чтобы быть политически корректным.

Характерно для правительственных заявлений канцлеров и употребление фразеологизмов и метафор, в том числе так называемых парных формул типа *Tag und Nacht*. В небольшом количестве встречаются в целом типичные для политического дискурса интертекстовые вкрапления (по 3 в каждой проанализированной речи). О. Шольц в качестве средства воздействия на слушателя прибегает также к языковой игре с однокоренными словами.

Ещё один неотъемлемый атрибут правительственных заявлений – обилие культурно-маркированной лексики, обусловленное тематикой выступлений. Сюда относятся политонимы, официонимы, документонимы, эргонимы, а также фоновая лексика, обозначающая реалии в разных сферах (политика и административно-территориальное деление, социальное страхование, здравоохранение, миграция, образование, экология, международные отношения).

Таким образом, в результате данного исследования был дополнен существующий перечень лингвостилистических особенностей правительственных заявлений канцлеров Германии, предложенный Д.С. Слюсаревым. Представляется перспективным проведение подобного анализа на более обширном материале, с привлечением выступлений предыдущих канцлеров ФРГ, чтобы можно было провести сопоставительный анализ и в диахронии.

© Елизарьева М.А., Быкова Е.А., Сигова А.А., 2023

Список литературы

1. Елизарьева М. А. Роль языковой игры в политическом дискурсе Германии (на примере «политической пепельной среды») / М. А. Елизарьева, А. П. Крячкова // Дискурс. 2022. Т. 8. № 6. С. 142-156.
2. Слюсарев Д.С. Лингвостилистические особенности жанра «правительственное заявление»: на материале выступлений немецких бундесканцлеров / Д.С. Слюсарев // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. Т.2. № 2. С. 137-139.
3. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие / А. П. Чудинов. Москва: ФЛИНТА, 2020. 256 с.
4. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Е. И. Шейгал. Волгоград, 2000. 440 с.
5. Chigasheva M. A. Analyse der Wiedergabe von Kulturspezifika des politischen Mediendiskurses von angehenden Diplomaten und Journalisten / M. A. Chigasheva, Zh. D. Egorova, V. V. Belikov // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. No 3. P. 154-168.
6. Hermann E. Die Regierungserklärungen der Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel. Eine vergleichende machtpolitische Analyse. / E. Hermann. GRIN Verlag, 2021. 28 S.
7. Korte K.F. (Hrg.). Das Wort hat der Herr Bundeskanzler. Eine Analyse der Großen Regierungserklärungen von Adenauer bis Schröder / K.F. Korte (Hrg.). Wiesbaden. Westdeutscher Verlag, 2002. 479 S.
8. Schwarze A., Walther A. Redenschriften für den Bundeskanzler: Formulieren, Koordinieren und Beraten / K.F. Korte (Hrg.). // Das Wort hat der Herr Bundeskanzler. Eine Analyse der Großen Regierungserklärungen von Adenauer bis Schröder. Wiesbaden. Westdeutscher Verlag, 2002. S. 33-55.

References

1. Elizar'eva, M. A., & Kriachkova, A. P. „Rol' iazykovoi igry v politicheskom diskurse Germanii (na primere «politicheskoi pepel'noi sredy») [The role of language game in German political discourse (on case of “Political Ash Wednesday”)]“ *Diskurs*, vol. 8, no. 6, 2022, S. 142-156.
2. Sliusarev, D. S. „Lingvostilisticheskie osobennosti zhanra «pravitel'svennoe zaiavlenie»: na materiale vystuplenii nemetskikh bundeskantslerov [Linguostylistic features of the “government statement” genre: based on the speeches by German chancellors]“ *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 2, no. 2, 2012, S. 137-139.
3. Chudinov, A. P. *Politicheskaya lingvistika: uchebnoe posobie* [Political linguistics: textbook]. FLINTA, 2020.
4. Sheigal, E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa: dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk: 10.02.01* [Semiotics of political discourse: dissertation for the degree of Doctor of Philology: 10.02.01]. Volgograd, 2000.
5. Chigasheva, M. A., et al. „Analyse der Wiedergabe von Kulturspezifika des politischen Mediendiskurses von angehenden Diplomaten und Journalisten.“ *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*, no. 3, 2022, S. 154-168.
6. Hermann, E. *Die Regierungserklärungen der Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel. Eine vergleichende machtpolitische Analyse*. GRIN Verlag, 2021.
7. Korte, K.F. (Hrg.) *Das Wort hat der Herr Bundeskanzler. Eine Analyse der Großen Regierungserklärungen von Adenauer bis Schröder*. Westdeutscher Verlag, 2002.

8. Schwarze, A., and Walther, A. „Redenschreiben für den Bundeskanzler: Formulieren, Koordinieren und Beraten.“ *Das Wort hat der Herr Bundeskanzler. Eine Analyse der Großen Regierungserklärungen von Adenauer bis Schröder*, K.F. Korte (Hrg.), Westdeutscher Verlag, 2002, S. 33-55.

Сведения об авторах:

Елизарьева Мария Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: политический дискурс, немецкий язык, языковые контакты, центральноевропейский языковой союз, чешский язык, семантика, политический дискурс Германии. E-Mail: marycreek@mail.ru.

Быкова Елизавета Александровна – студентка 4 курса факультета международных отношений МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных интересов: немецкий язык, внешняя и внутренняя политика Германии, история Германии, история Великобритании, балканский вектор внешней политики Великобритании. E-Mail: elizaveta.bikowa@yandex.ru.

Сигова Анастасия Арсентьевна – студентка 4 курса факультета международных отношений МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных интересов: немецкий язык, внешняя и внутренняя политика Германии, история Германии, история Великобритании, политика Великобритании в отношении стран Содружества, Брекзит. E-Mail: nastya.sigova@yandex.ru.

About the authors:

Maria A. Yelizaryeva, PhD in Philology, is Associate Professor at the Department of the German Language, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: political discourse, German language, language contacts, Central European Sprachbund, Czech language. E-Mail: marycreek@mail.ru.

Elizaveta A. Bykova is a student (4th year), Faculty of International Relations, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research interest: the German language, Germany's foreign and domestic affairs, German history, British history, British foreign policy in the Balkans. E-Mail: elizaveta.bikowa@yandex.ru.

Anastasia A. Sigova is student (4th year), Faculty of International Relations, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research interest: the German language, Germany's foreign and domestic affairs, German history, British history, British foreign policy in the Commonwealth, Brexit. E-Mail: nastya.sigova@yandex.ru.

* * *

PRECEDENT NAME: FROM THE SOURCE SPHERES “LITERATURE” AND “CINEMA” IN THE TARGET SPHERE “POLITICAL DISCOURSE” (BASED ON THE MATERIAL OF THE SPANISH-LANGUAGE MEDIA)

Iuriy P. Murzin

MGIMO UNIVERSITY,
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The article is devoted to the consideration of the metaphorical use of precedent names from the source spheres “literature” and “cinema” in the political discourse of modern Spanish-language mass media. The names of heroes of ancient mythology, works of classical Spanish and foreign literature, including children’s literature, as well as movie characters, carriers of certain qualities and properties, are widely used as precedents.

As a result of the study, the grounds for metaphorical transfer from the named source spheres to the target sphere are established. The function of precedent names is also revealed not only as actualizers of the precedent situation, but also as a means of characterization of political opponents in the sphere of political discourse in the context of the struggle of political forces for the possession, preservation and disposal of power.

The modern political discourse of the Spanish-language media as an arena of political confrontation is characterized by intolerance, agonality, the “language of hostility” marking opponents as “alien” in the “friend”– “alien” binary opposition with the predominance of discrediting characterization of political opponents aimed at debunking claims to leadership of a politician, demonstrating his incompetence and hanging labels.

In the context of the language game, precedent names are used as a metaphorical definition of the names of current politicians.

For characterization, precedent names are taken with both negative and positive connotations, but imparting a negative connotation to the object of characterization due to the emerging phenomenon of enantiosemy when using them as a metaphorical definition of proper names.

Thanks to the atmosphere of the language game created in journalistic texts by means of well-known precedent names from works of mass culture, through the game connection of the name of a politician with the precedent name of a characteristic hero, such texts acquire the property of information and entertainment journalism, they implement the pragmatic function of precedent names aimed at manipulating the addressee, at encouraging him to act for the purposes of one political actor or another, and a sign of political technologies is revealed with full evidence of the author’s intentions.

Keywords: language game, precedent name, precedent situation, media discourse, linguistic and cultural community, manipulative influence

For citation: Murzin, I. P. (2023). Precedent name: from the source spheres “literature” and “cinema” in the target sphere “political discourse” (based on the material of the Spanish-language media). *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(2), pp. 32–47. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-2-35-32-47>

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ: ИЗ СФЕР-ИСТОЧНИКОВ «ЛИТЕРАТУРА» И «КИНО» В СФЕРУ-МИШЕНЬ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС» (НА МАТЕРИАЛЕ СМИ ИСПАНИИ)

Ю.П. Мурзин

МГИМО УНИВЕРСИТЕТ МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению метафорического использования прецедентных имён из сфер-источников «литература» и «кино» в политическом дискурсе современных средств массовой информации Испании. В качестве прецедентных широко употребляются имена героев античной мифологии, произведений классической испанской и зарубежной литературы, в том числе и детской, а также имена героев кинофильмов, носителей тех или иных качеств и свойств.

В результате исследования установлены основания метафорического переноса из названных сфер-источников в сферу-мишень. Также выявлена функция прецедентных имён не только как актуализаторов прецедентной ситуации, но и как средства характеристики политических оппонентов в сфере политического дискурса в контексте борьбы политических сил за обладание властью, за её сохранение и распоряжение ею.

Для современного политического дискурса СМИ Испании как арены политического противоборства свойственны интолерантность, агональность, «язык вражды», маркированность политических оппонентов как «чужой» в бинарной оппозиции «свой» – «чужой» с преобладанием дискредитирующей их характеристики, направленной на развенчание их претензий на лидерство, демонстрацию их некомпетентности и навешивание ярлыков.

В контексте языковой игры прецедентные имена используются в качестве метафорического определения имён действующих политиков, их субъективной, эмотивной оценки.

Для характеристики берутся прецедентные имена как с отрицательной, так и с положительной коннотацией, придающие отрицательную коннотацию имени объекта характеристики вследствие возникающего явления энантиосемии при употреблении их в качестве метафорического определения имён собственных.

Благодаря атмосфере языковой игры, создаваемой в публицистических текстах посредством общеизвестных прецедентных имён из произведений массовой культуры, через игровое соединение имени политика с прецедентным именем характерного героя такие тексты приобретают свойство информационно-развлекательной журналистики, в них реализуется прагматическая

функция прецедентных имён, направленная на манипулирование адресатом, на побуждение его к действию в целях того или иного политического актора, и выявляется признак политтехнологий при полной очевидности интенций автора.

Результаты настоящего исследования могут найти применение в курсах межкультурной коммуникации, лингвокультурологии и стилистики.

Ключевые слова: языковая игра, прецедентное имя, прецедентная ситуация, дискурс СМИ, манипулятивное воздействие, лингвокультурное сообщество

Для цитирования: Мурзин Ю.П. (2023). Прецедентное имя: из сфер-источников «литература» и «кино» в сферу-мишень «политический дискурс» (На материале СМИ Испании). *Филологические науки в МГИМО*. 9(2), С. 32–47. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-2-35-32-47>

Материал исследования отобран методом случайной выборки из публикаций, размещённых на сайтах СМИ Испании.

Предмет исследования – литературно-кинематографическое прецедентное имя в сфере политического дискурса СМИ.

Цель исследования – выяснение семантико-стилистической функции прецедентного имени как феномена интертекстуальности в сфере политического дискурса и способов её реализации, описание лингвопрагматического потенциала прецедентного имени как средства вербальных атак в плане его способности изменить план содержания имиджа политика, а также установление признака, лежащего в основе метафорического переноса.

Методы исследования избраны с учётом поставленных целей: методы анализа и синтеза языкового материала и теоретических исследований, анализа контекстуальной реализации значения слова, описательный метод с применением приёмов сопоставления, обобщения и классификации, а также метод контекстного анализа, позволяющий выявить коммуникативные и лингвопрагматические параметры использования языковых единиц и контекстные особенности реализации их значения в тексте как продукте коммуникации.

Актуальность данного исследования обусловлена вниманием лингвистов к рассмотрению политического дискурса, находящего своё отражение в публикациях СМИ о борьбе за политическую власть, ведущуюся, в частности, с использованием прецедентных имён – одного из наиболее эффективных средств характеристики политического оппонента с целью изменить план содержания его имиджа.

Политический дискурс как динамическая система

В последние десятилетия возрос интерес лингвистов к исследованию политического дискурса (ПД) как отражения борьбы различных сил за обладание властью, представляющую собой основную проблему политики.

В настоящем исследовании понимаем ПД как сложное коммуникативное явление, как «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [12, с. 15].

В ПД выделяют, в частности, такие коммуникативно-речевые сегменты, как дискурс профессиональных политиков и дискурс журналистов [11, с. 35]. ПД являет собой динамическую систему: Е.С. Кубрякова отмечает, что дискурс – это всегда «детище своего времени, то есть весь стиль проведения дискурсивной деятельности, все его особенности определяются состоянием общества и теми социальными ролями, которые в этом обществе может играть человек» [8, с. 62].

К числу характерных особенностей ПД относят: *коннотативность*, при которой «оценки отличаются ярко выраженной полярностью, строятся на бинарных оппозициях, исключающих какую-либо градуальность» [3], что отвечает замыслу автора воздействовать на собеседника, на целевую аудиторию; *институциональность*, выражающуюся в том, что «говорящий выступает от имени определённого социального института» – органа власти или СМИ – и таким образом «происходит общение в рамках статусно-ролевых отношений» [6]; ПД и дискурс СМИ носят институциональный характер; *интертекстуальность* как диалогическое взаимодействие текстов, помогающее автору выразить приращение смысла высказывания.

ПД «конфликтен, агонален, в нём постоянно происходит борьба за номинации» [10], которая «оказывается борьбой за фундаментальные групповые ценности» [9, с. 5].

Термин «агональность» (от греч. *αγων* – «борьба, состязание») означает свойство дискурса выражать дух соперничества посредством речевых актов. Агональность проявляется в бинарной оппозиции «свой» – «чужой» [5], а также в интолерантности – несклонности к компромиссу, агрессивности, деструктивности как стратегии речевого поведения.

Агонистический характер ПД проявляется в состязательности между его участниками, в основе которой лежит борьба между партией власти и оппозицией, между представителями разных направлений в политике.

Прецедентное имя в дискурсе журналистов

В современной массовой коммуникации широко распространено метафорическое использование прецедентных имён для характеристики какого-либо лица, черты характера, позиция, действия или внешность которого сходны, по мнению автора публикации, с чертами носителя ПИ. Этот приём языковой игры (ЯИ) позволяет ярко и убедительно выразить отношение автора к данному лицу и донести его до адресата с целью оказать на него определённое воздействие.

Такие сферы искусства, как «литература» и «кино» относятся к числу наиболее продуктивных сфер-источников прецедентности и метафоризации в СМИ.

Вслед за Н.Д. Арутюновой и А.Н. Барановым мы понимаем метафору «в расширительном смысле, при котором этот термин применяется к любым видам употребления слов в непрямом значении» [1, с. 296].

Для характеристики и оценки героев своих публикаций журналисты широко используют прецедентные феномены (ПФ), как то: прецедентный текст (ПТ) – «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности», прецедентную ситуацию (ПС) – ситуацию, происшедшую в реальной действительности или созданную воображением художника; прецедентное имя (ПИ) – «индивидуальное имя, связанное или с широко известным ПТ или с ПС» [7, с. 171–172], при употреблении которого в сознании реципиента актуализируются дифференциальные признаки данного ПИ, при этом не требуется какой-либо экспликации ни данного имени, ни ситуации, поскольку само ПИ оказывается «самодостаточным». Каждый из ПФ способен функционировать как свёрнутая метафора.

Прецедентные имена – эффективное средство характеристики политика в условиях жесточайшей межпартийной конкуренции и информационного противостояния в современных СМИ, они активно вовлекаются в ЯИ, становясь мощным оценочным механизмом, управляющим общественным сознанием. Любая актуализация ПИ обусловлена конкретной экстралингвистической ситуацией, конкретными событиями, в которых то или иное лицо – объект характеристики – является активной стороной, или же мотивирована контекстуально, что обеспечивает её прозрачность и понимание.

При обращении к единому фонду знаний устанавливается кооперативный контакт с собеседником. В этом случае ПИ играет роль «пароля», служащего для идентификации «своих» [3], что делает более эффективным воздействие на адресата.

Анализ материала

Обращение к ПИ сфер-источников «литература» и «кино» даёт возможность в образной форме представить точку зрения автора, вызвать соответствующие ассоциации у реципиента, достичь прагматического и, нередко, манипулятивного эффекта.

Так, размышляя, после парламентских выборов, прошедших в декабре 2015 года, после которых Народная партия и Испанская социалистическая партия утратили право на формирование однопартийного правительства, о возможности создания коалиционного правительства из представителей социалистов, партии Подемос, коммунистов, националистов, радикальных сторонников независимости регионов и умеренных, Альфредо Перес Рубалькаба, бывший в то время генеральным секретарём ИСПП, высказал мнение, что это будет **Gobierno Frankenstein** – «**правительство типа Франкенштейна**»¹. Политик прибегнул к аллюзии на прецедентное имя – «Франкенштейн» из произведения английской писательницы Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей», главный герой которого – молодой учёный Виктор Франкенштейн одержим идеей создания искусственного человека, совершенного существа, которое положит начало новой породе людей. Ему удаётся сотворить антропоморфного монстра из различных частей, собранных в прозекторских, местах казни людей и на скотобойнях, и оживить его; однако монстр, получивший имя своего создателя, начинает мстить ему, уничтожает членов его семьи и доводит до гибели его самого.

Известны несколько киноверсий творения самой М. Шелли и фильмов, созданных по мотивам произведения, появившихся в период с 1931 по настоящее время, в которых воспроизводятся, с некоторыми сюжетными отличиями, как ПИ «Франкенштейн», так и соответствующая ПС.

Метафорический образ «Франкенштейна» возникает снова в СМИ в аналогичной ситуации в 2019 году, когда также по результатам парламентских выборов того же года социалисты, не набравшие большинства голосов, не смогли получить право на формирование однопартийного правительства и возникла лишь перспектива создания правительственной коалиции с теми же партиями, что и тремя годами ранее. ПИ «Франкенштейн» вновь становится метафорическим атрибутом – **Gobierno Frankenstein** – **правительство типа Франкенштейна** и частью телескопного образования **Gobierno Sánchezstein** – «**Правительства типа Санчесштейна**» – от полной фамилии генерального секретаря ИСПП Sánchez и конечного осколка фамилии литературного и киногероя Frankenstein². Такое правительство, собранное из чужеродных «кусков», по утверждению автора публикации, не жизнеспособно и вредоносно для страны. Он приводит аргументацию самого А. Переса Рубалькабы с собственным уточняющим дополнением для конкретизации дифференциальных признаков ПИ: ... *ese Ejecutivo “no puede ser” porque los socialistas “no pueden” ir a la investidura de la mano de partidos independentistas “que quieren romper aquello” que ellos quieren gobernar. Se refería a la Nación española.*³ – ... *такому правительству не бывать, потому что социалисты «не вправе» формировать правительство вместе с радикальными сторонниками независимости, «которые хотят разрушить то», чем они хотят управлять. Он имел в виду государство Испания.*

Таким образом, с использованием литературно-кинематографического ПИ «Франкенштейн», актуализирующего соответствующую ПС, возник целый ряд сочетаний, получивших распространение в прессе в качестве пейоративной квалификации правительства, процедуры его избрания,

¹ ¿Qué es un ‘Gobierno Frankenstein’? ¿Cuál es el significado de esta expresión? <https://www.lainformacion.espana/gobierno-frankenstein-que-es-significado-psoe-rubalcaba-sanchez/6349237/> (Дата доступа 23.06.2019).

² Rosell F. ‘Macguffin’ Sánchez y el ‘Valls’ de Rivera, <https://www.elmundo.es/opinion/2019/06/23/5d0e6823fc6c836f4f8b4619.html> (Дата доступа: 7.11.2019).

³ ¿Qué es un ‘Gobierno Frankenstein’? ¿Cuál es el significado de esta expresión? <https://www.lainformacion.espana/gobierno-frankenstein-que-es-significado-psoe-rubalcaba-sanchez/6349237/> (Дата доступа 23.06.2019).

а также правящей коалиции, как то: **Gobierno Frankenstein** – правительство типа Франкенштейна, **mayoría Frankenstein** – большинство типа Франкенштейна, **investidura Frankenstein** – избрание (премьера) по типу Франкенштейна, **reininvestidura Frankenstein** – переизбрание (премьера) по типу Франкенштейна, **alianza Frankenstein** – альянс типа Франкенштейна.

В другой публикации композит **Sáncheztein** – Санчесштейн⁴ появляется вновь: *Una mayoría Frankenstein no para gobernar España, sino para que Sáncheztein mandara cesáreamente sobre sus escombros cual Nerón sobre una Roma devorada por las llamas.*⁵ – Некое «большинство типа Франкенштейна», сформированное не для управления Испанией, а для того, чтобы «Санчесштейн» стал единоличным правителем на её обломках, подобно Нерону, правившему Римом, опустошённым пожаром.

В данном микротексте содержится апелляция к ПИ, характеризующему названное лицо и правящую коалицию в новой ситуации, способных привести к разрушениям. Очевидно наличие негативного значения у атрибута и его адресации – двух обязательных компонентов «языка вражды» [4].

Вторая часть фамилии – осколок **-stein**, имеющая в немецком языке собственное значение ‘камень’ и являющаяся формантом целого ряда фамилий, возникших в немецкой лингвокультуре, претерпела утрату внутренней формы и как член контаминанта **Sáncheztein** – в контексте публикаций, посвящённых текущему положению правительства Испании – однозначно служит отсылкой к названному литературному персонажу, общеизвестные качества которого служат оценочной характеристикой.

Автор одной из публикаций характеризует ныне действующее коалиционное правительство Испании через литературно-кинематографическое ПИ вампира, несущее исключительно негативную коннотацию: *El gobierno ha pasado de ser una coalición Frankenstein a la coalición Drácula. A todo el que pacta le contagia.*⁶ – Правительство из «коалиции типа Франкенштейна» превратилось в «коалицию типа Дракулы». Всякого, кто в неё вступает, она развращает.

Граф Дракула – вампир, прародитель оборотней, заглавный персонаж готического романа ирландского писателя Брэма Стокера «Дракула» (1897 г.). Дракула появляется во множестве произведений массовой культуры, в том числе в ряде экранизаций, и вынашивает долгосрочные планы на мировое господство и собственное правление путём кровавого террора; ему присущи хищные взгляды на мир.⁷

В одной из публикаций строятся предположения о намерениях руководителя правительства представить обществу возглавляемый им кабинет в привлекательном виде, апеллируя к мифотипу – ПИ античного бога: *Lo que pretende hacer Sánchez es convertir su gobierno Frankenstein en un gobierno Apolo dotado de todas las gracias y digno de la admiración universal.*⁸ – То, что Санчес намеревается сделать, – это превратить своё «правительство типа Франкенштейна» в некое «правительство типа Аполлона», наделённое привлекательностью и достойное всеобщего восхищения.

Образ мифологического персонажа – Аполлона, носителя целого ряда качеств и свойств, безусловно положителен: он и олицетворение мужской красоты, и покровитель искусств, и предсказатель будущего, и бог-врачеватель. Однако первый элемент противопоставления – устрашающее чудовище Франкенштейн – выделяет в полисемичном [2, с. 89], то есть обладающем сочетанием

⁴ Rosell F. Dorian Gray en la Moncloa, <https://www.almendron/tribuna/dorian-gray-en-la-moncloa/> (Дата доступа: 13.12.2020).

⁵ Rosell F. Cuando lo que prima es mandar, no gobernar, <https://www.almendron.com/tribuna/cuando-lo-que-prima-es-mandar-no-gobernar/> (Дата доступа: 31.08.2020).

⁶ Pablo Casado habla de Drácula, Frankenstein y se lío con los zombies y los vampiros, <https://www.marca/tiramillas/actualidad/2022/02/08/620298de46163f0e4c8b4631.html> (Дата доступа: 9.02.2022).

⁷ Дракула, <https://ru.wikipedia.org/wiki/Дракула> (Дата доступа: 23.10.2022).

⁸ González Quirós J.L. ¿Qué obtiene Sánchez a cambio de dos grandes mentiras? <https://www.almendron/tribuna/que-obtiene-sanchez-a-cambio-de-dos-grandes-mentiras/> (Дата доступа: 22.11.2022).

двух или более характеристик, образе Аполлона его общеизвестное качество – мужскую красоту, совершенство как комплексную характеристику бесспорных положительных качеств правительства в будущем. Противопоставление *Frankenstein vs. Apolo* дано в плане иронии для демонстрации очевидной невозможности превращения одной сущности в другую.

В следующем случае речь также идёт об аргументации определённого плана, касающейся властных структур, но с позиции «доказательство от обратного»: *Aunque abundan en el mundo gobiernos tiránicos, sin embargo, en las democracias occidentales el poder busca adoptar una faz suave, no desea mostrarse como **Leviatán** dominador.*⁹ – *Хотя в мире существует много тиранических правительств, но в западных демократиях власть стремится принять мягкий облик, не желая показывать себя всевластным Левиафаном.*

В ветхозаветных текстах Левиафан предстаёт как зверь, жуткое морское чудовище невероятной силы и величины, как воплощение всесокрушающей мощи. В современном же общекультурном знании в образе Левиафана видится то значение, которое ему придавал английский философ XVII века Томас Гоббс, согласно которому это имя является символом верховной власти, могущественного государства. В приведённом высказывании ПИ **Левиафан** служит обозначением полуса негативной оценки, не относящейся, по мнению автора, к власти западных демократий.

Основанием для характеристики лица может служить как его внешний вид, так полное отсутствие такового, когда предполагается некая сущность из категории «бестелесное»: *Video de Joe Biden estrechando su mano “a un hombre invisible” se ha reproducido en las redes miles de veces.*¹⁰ – *Видео с Джо Байденом, пожимающим руку «человеку-невидимке», воспроизведено в сети тысячи раз.*

Имя «человек-невидимка» не является ИС; это ставший названием романа апеллятив, созданный по признаку, которым наделён герой повествования. На прецедентность данного имени в приведённом примере указывают наличие кавычек и неопределённый артикль, употребляемый для обозначения подобия одного лица или объекта другому.

По сюжету романа Г. Уэллса «Человек-невидимка» и многих его одноимённых экранизаций учёный Гриффин, главный герой произведения, входит в число «злых гениев» в мировом искусстве; он вынашивает планы устрашения людей и установления власти над ними. Однако автор высказывания использует для характеристики Байдена не устремления персонажа романа, а лишь его дифференциальный признак – невидимость, которым он наделяет «визави» политика, демонстрируя тем самым отсутствие адекватной связи с реальностью у последнего, касательно физического и ментального состояния которого в обществе существуют серьёзные сомнения. Таким образом оценка состояния политика даётся не напрямую, а опосредованно, через ситуацию, проиллюстрированную видеорядом и соответствующим комментарием журналиста.

Для метафорической характеристики лица также используется и некогда нарицательное имя, перешедшее в разряд ИС и пишущееся с прописной буквы. Таковым является имя **Макгаффин** (англ. *MacGuffin*) – термин, обозначающий некий предмет, на поисках которого строится фабула повествования фильма «Тридцать девять ступеней» А. Хичкока. Это условный приём для конструирования сюжета. Макгаффин, сам по себе, в сущности, ничто, то, чего вообще не существует, но все заняты его поисками; это «пустое место»¹¹, что и подразумевается в следующем микро-

⁹ Rodríguez Magda R.M. Sobrevivir a la cultura de la cancelación, <https://elpais.es/opinion/2023-02-04/sobrevivir-a-la-cultura-de-la-cancelacion.html> (Дата доступа 4.02.2023).

¹⁰ Video de Joe Biden estrechando su mano “a un hombre invisible” se ha reproducido miles de veces, <https://www.msn/es-us/noticias/estados-unidos/video-de-joe-biden-estrechando-su-mano-a-un-hombre-invisible-se-ha-reproducido-miles-de-veces/ar-AAWg5UK?q=19> (Дата доступа: 15.04.2022).

¹¹ Макгаффин, <https://ru.wikipedia.org/wiki/Макгаффин> (Дата доступа: 3.08.2021).

тексте: *A ese Gobierno Sáncheztein solo le falta un Macguffin como ha sido Borrell, ministro-coartada, durante el último año.*¹² – Этому правительству типа Санчеситейна не хватает лишь такого **Макгаффина**, каким был Боррель – министр-«маскировка»¹³ в течение последнего года.

Данное ПИ выполняет функцию негативной оценки и дискредитации политика, не имеющего своего лица и представляющего собой «неизвестно что», использованного в качестве своеобразного прикрытия. *Mac* – традиционная приставка, с которой начинаются шотландские фамилии, *guff* переводится с английского как «пустая болтовня», «пустышка». То есть Макгаффин – это «мистер пустышка».

Автор другой статьи называет этим же именем самого главу правительства Педро Санчеса **MacGuffin Sánchez – Макгаффин Санчес**, но актуализирует при этом другие качества этого несуществующего героя «полисемичного образа», а именно: уникальность и незаменимость, умение всех запутывать, стремление оставаться во главе власти: *[Sánchez] Confunde a muchos hasta el grado insólito de hacerles creer que lo que busca lo hace obligado... Hay que reconocer la habilidad del equipo de efectos especiales y montajes para introducir incesantemente martingalas que sustraigan a la opinión publica de aquellos otros contenciosos que comprometen al Gobierno o de su negligente gestión sanitaria de la pandemia, así como de sus secuelas económicas con una cifra de parados sin parangón en Europa... MacGuffin Sánchez.*¹⁴ – [Санчес] Сбивает с толку многих до такой степени, что заставляет их поверить, что он **вынужден** добиваться своих целей... Следует признать изобретательность его команды спецэффектов и монтажа в использовании уловок, отвлекающих общественное мнение от спорных моментов, компрометирующих правительство, и от упущений в период борьбы с пандемией, а также от экономических последствий и от числа безработных – беспрецедентного для Европы ... **Макгаффин Санчес**.

В процесс вторичной номинации посредством создания контаминанта вовлекается и анималистическая метафора: некоторое сходство черт внешности и характера, по мнению автора публикации, между литературно-кинематографическим персонажем Бэмби – оленёнком, беззащитным существом, живущем в мире полном опасностей, главным героем книги австрийского писателя Феликса Зальтена «Бэмби» («Bambi»), по мотивам которой снят широко известный анимационный фильм, с одной стороны, и Барака Обамы, бывшего в то время президентом США, с другой, служит основанием для характеристики последнего посредством телескопного образования: *el veterano ex combatiente de Vietnam [John McCain] puede comerse con patatas al cervatillo ... al que Maureen Dowd ha bautizado como Obambi.*¹⁵ – ... ветеран вьетнамской войны [Дж. Макейн] может съесть с картофелем-фри оленёнка, ... которого Морин Дауд [обозреватель газеты The New York Times] окрестила «**Обамби**».

ПИ с положительной коннотацией также может быть использовано в контексте ЯИ для характеристики политика в противоположном смысле – соотнесением резко противопоставленных реальной и прецедентной ситуаций для выражения иронии. Так, в своё время мировая пресса широко освещала действия новоизбранного президента Франции Николя Саркози, активно включившегося в европейскую и мировую политику, в том числе его молниеносную поездку в Чад в 2007 году с целью освобождения французских журналистов и членов экипажа испанского самолёта, оказавшихся в тюрьме в этой стране.

¹² Rosell F. 'Macguffin' Sánchez y el 'Valls' de Rivera, <https://www.elmundo.es/opinion/2019/06/23/5d0e6823fc6c836f4f8b4619.html> (Дата доступа: 7.11.2019).

¹³ Назначение Жозепа Борреля, каталонца, противника идеи независимости Каталонии, министром иностранных дел Испании в 2019 году было истолковано в прессе как маскировка доказательства того факта, что ИСРП пришла к власти благодаря поддержке сепаратистских партий.

¹⁴ Rosell F. Macguffin Sánchez apisona la realidad, <https://www.elmundo.es/opinion/2021/03/06/6043b55dfdddfed528b460a.html> (Дата доступа: 10.03.2021).

¹⁵ Ramírez P. J. Mejor 'Billary' en mano que 'Obambi' volando, <https://www.almendron.com/tribuna/mejor-billary-en-mano-que-obambi-volando/> (Дата доступа: 16.01.2018).

Способность быстро реагировать, динамичность и эффектность действий Н. Саркози послужили основой для сравнения его с широко известным на Западе персонажем комикса – супергероем по имени **Superman**, обладающим неординарными физическими способностями («суперсилами»), которые он направляет на свершение подвигов во имя общего блага.

В итоге с лёгкой руки журналистов политик получил прозвище **Sarkoman** (*Sarkozy + Superman*), ставшее результатом контаминации его фамилии и имени литературного и впоследствии кинорежиссёра, полное сарказма и иронии: по мнению французской общественности и европейских политиков Саркози устраивает «политическое шоу» (*“política espectáculo”*), не спеша выполнять предвыборные обещания, данные согражданам.

Публикация сопровождалась визуальным образом – фотомонтажом, изображающим Николая Саркози в костюме Супермена, летящим над землёй.

Саркози также получил прозвище **Jack Bauer de la diplomacia** – **Джек Бауэр от дипломатии** – по имени вымышленного персонажа и главного героя телесериала Fox «24», работавшего на различных должностях, часто в качестве члена Контртеррористического подразделения, противостоявшего угрозам национальной безопасности США. Автор текста добавляет к ПИ уточняющую характеристику – «род занятий – дипломатия», мотивируя тем самым употребление данного имени применительно к названному политику.

В итоге делается следующий вывод, с апелляцией, однако, к другому ПИ: *No se puede dirigir un Estado creyéndose el Zorro*¹⁶ – *Нельзя руководить государством, считая себя Зорро* (от исп. *zorro* – «лис»; *Señor Zorro* – *сеньор Зорро*). Зорро – также вымышленный персонаж, вариация на тему Робин Гуда, герой народных легенд, который приходит на помощь обездоленным жителям Новой Испании; его образ воплощён в многочисленных экранизациях.

Применение данных ПИ в отношении Николая Саркози основано на явлении энантиосемии, или автоантонимии, – на способности слова, а в данном случае ИС персонажа, выражать антонимические значения. Это окказиональное явление служит для выражения эмотивной отрицательной оценки под видом положительной: указывается на личное качество, не свойственное названному лицу, и на его поведение, не соответствующее его реальным способностям. При этом ПИ приобретает свойства контекстуального автоантонима, давая политике определение: «никакой он не дипломат» и не «защитник обездоленных».

Апелляция к литературному ПИ Санчо Пансы служит средством стратегии дискредитации в отношении политика Пабло Иглесиаса, придерживающегося левых взглядов, соучредителя движения «Подемос», возглавлявшего одноименную партию и затем коалицию «Унидос-Подемос» в 2014–2021 годах и настойчиво добивавшегося высших постов в коалиционном правительстве ИСРП и «Унидас-Подемос»¹⁷. Получив, наконец, пост министра по социальным правам и «Повестке 2030» и должность второго вице-премьера 13 января 2020 года, уже 31 марта того же года он покинул правительство, чтобы возглавить партийный список на выборах 4 мая 2021 года в Ассамблею Автономного сообщества Мадрид.

Этот поступок вызвал в испанском обществе целый спектр суждений, в том числе и саркастических: в одной из публикаций газеты *El Español* Пабло Иглесиас был назван композитным именем **Pablo Panza** (*Pablo Iglesias + Sancho Panza*) – с аллюзией на ПИ оруженосца и на ПС, связанную с его самобичеванием, на которое он должен был пойти добровольно¹⁸: «...дабы возвратился прежний облик к прекраснейшей Тобосской Дульсинеи», которая «ужасным колдовством... пре-

¹⁶ Weinstein R. Sarkoman: “No me eligieron para mirar pasar los trenes”, <https://empresasargentinas.wordpress.com/2007/11/06/sarkomanno-me-eligieron-para-mirar-pasar-los-trenes/> (Дата доступа: 20.07.2019).

¹⁷ Избирательный блок Unidos Podemos («Вместе мы можем»), образованный «Объединёнными левыми», другими левыми и ультра-левыми партиями в мае 2016 года для участия во всеобщих выборах того же года в Испании, изменил название на женскую форму *Unidas Podemos* в преддверии всеобщих выборов в апреле 2019 года.

¹⁸ Ramírez P.J. La rebelión de Pablo Panza, https://www.elespanol.es/opinion/carta-del-director/20201227/rebelion-pablo-panza/546645332_20.html (Дата доступа: 9.08.2021).

вращена из знатной дамы в простую поселянку...», «Санчо должен сам себе влить три тысячи и триста плёток». Самобичеванием Санчо Панса мог бы освободить Дульсинею от колдовских чар, однако он воспринял его как условие вступить в губернаторство острова, чтобы «зашибить деньги», но отказывался хлестать себя.¹⁹

ПИ Санчо Панса относится к числу полисемичных имён: герой из народа охарактеризован в романе всесторонне и глубоко: это и верный оруженосец и добрый, благородный, отзывчивый, человечный, великодушный, мудрый, практичный, справедливый и милосердный правитель, но плут, корыстный человек, со своими слабостями, в каких угодно обстоятельствах ищущий материальную выгоду.

На это последнее качество литературного героя и обращает внимание автор публикации, проводя аналогию между ним и реальным политиком: *Pablo Iglesias no quiere ser Sancho Panza. O, mejor dicho, sólo quiere serlo para ejercer de gobernador de una ínsula en permanente expansión, a costa de la tierra ministerial. Y, desde luego, sin tener que pagar el precio de la sumisión a los autoinfligidos azotes del pragmatismo y la corresponsabilidad. Sánchez necesita a Sancho, como el caballero necesita al escudero. Pero en el ADN de Pablo Panza no está servir de acompañante. Él necesita ser protagonista autónomo de una parte del proyecto gubernamental, aun a costa de desnaturalizar el conjunto.*²⁰ – Пабло Иглесиас не желает быть Санчо Пансой. Или, вернее, желает стать им только для того, чтобы губернаторствовать на «острове», постоянно прирастающем министерским ресурсом. И, естественно, не ценой покорного исполнения добровольного самобичевания в виде соображений прагматизма и совместной ответственности. [Главе правительства] Санчесу нужен Санчо, как рыцарю нужен оруженосец. Однако в ДНК **Пабло Пансы** отсутствует ген компаньона. Ему нужно быть самостоятельным вершителем части правительственного проекта, даже ценой выхолащивания всего целого.

В описанном Сервантесом эпизоде образ Санчо Пансы связан с народной смеховой карнавальной культурой (не случайно однажды шутники подбрасывают его на одеяле – как чучело или собаку по древнему карнавальному обычаю Испании) и также в контексте традиционной культуры политик Пабло Иглесиас назван новым именем-характеристикой «Пабло Панса» как корыстолюбца, не желающего принимать на себя ответственность (т.е. «добровольное самобичевание») и стремящегося к неограниченной власти лишь занимая высокий государственный пост.

В данном случае автор публикации характеризует политика посредством контаминации-перекрещивания, объединив два сочетания сходной семантики, образованные по одинаковым синтаксическим моделям и состоящие из уродённого имени и фамилии лица. Контаминация-перекрещивание происходит по буквенной схеме **AB + CD = AD**.

По той же модели контаминации-перекрещивания образован ономастический окказионализм от прозвища реально существовавшего лица и фамилии политика, основанием для которого послужило частое изменение позиции и мнения председателем правительства Педро Санчесом: **Groucho Sánchez (Groucho Marx + Pedro Sánchez):** *Groucho Marx*²¹, *alardeaba de que siempre podía tener “otros principios”, caso de que los inicialmente proclamados no gustaran lo suficiente, Sánchez acaba de demostrar que él puede cambiar de enemigo con la misma facilidad, si el oficialmente nominado se le cae del caballo al cruzar el río.*²² – Граучо Маркс хвастался, что у него всегда могут быть «другие принципы», на тот случай, если изначально провозглашённые принципы ему не понравятся. Санчес только что доказал, что он может так же легко сменить врага, если официально названный [враг] свалится с лошади при переходе через реку.

¹⁹ Сервантес Сааведра М. де. Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский. Роман в 2 т. Т. 2/ Сервантес Сааведра М. де; Пер. с исп. Н.М. Любимова. М.: «Издательство АСТ», 2003. – С. 291–292, 300, 492–493.

²⁰ Ramírez P.J. La rebelión de Pablo Panza, https://www.elespanol.es/opinion/carta-del-director/20201227/rebelion-pablo-panza/546645332_20.html (Дата доступа: 9.08.2021).

²¹ Джулиус Генри «Граучо» Маркс – американский актёр, комик, участник комик-труппы, известной как Братья Маркс и выступавшей с представлениями в жанре театра абсурда.

²² Ramírez P.J. El puro de Groucho Sánchez, https://www.elespanol.es/opinion/carta-del-director/20220717/puro-groucho-sanchez/688381156_20.html (Дата доступа: 5.01.2023).

К характеристике посредством контаминации-перекрещивания, но в несколько изменённом виде, прибег автор публикации об Альберте Ривере, испанском политике, одном из наиболее последовательных противников каталонского национализма и сепаратизма, председателе партии «Граждане» с момента её основания в 2006 году до парламентских выборов 2019 года, после которых он заявил о своём уходе из политики из-за падения поддержки избирателей. Этот шаг был расценён как малодушное уклонение от достижения им самим же поставленных целей, в результате чего в испанской прессе появился контаминант **Peter Pan Rivera – Питер Пэн Ривера** – сложившийся из полного имени и фамилии **Питера Пэна** – популярного персонажа сказочных повестей шотландского писателя Джеймса Мэтью Барри «Питер и Венди» (1911) и пьесы «Питер Пэн» (1904) и фамилии самого политика по «формуле» **AB + CD = ABD (Peter Pan + Albert Rivera)**. Питер Пэн – это мальчик, который не хочет взрослеть и вечно остаётся юным.²³ Автор даёт такую характеристику А. Ривере: *Después de acusársele con reiteración a Peter Pan Rivera de no sacudirse del síndrome que impide aceptar las responsabilidades propias de la edad adulta y de no saber qué deseaba ser de mayor, en cuanto ha tratado de sustanciar un proyecto que no se limite a ser un partido bisagra..., el líder naranja afronta la mayor crisis de su partido desde su fundación.*²⁴ – После неоднократных обвинений **Питера Пэна Риверы** в том, что он не избавился от синдрома, мешающего ему принять на себя ответственность как полагается взрослому человеку, и в том, что он не знал, кем хочет стать, когда вырастет, как только он попытался выдвинуть проект партии, способной действовать не в коалиции с другими силами, то столкнулся с кризисом своей партии, глубочайшим с момента её основания.

Ирония использована как средство демонстрации несовпадения былых намерений политика с его реальными поступками.

В связи с увеличением продолжительности жизни и старением населения в Испании и, соответственно, с увеличением «срока дожития» пенсионеров, правительство Педро Санчеса высказало намерение сократить размер выплачиваемых пенсий, чтобы из накопленных средств иметь возможность выплачивать пенсии более длительное время, но в меньшем размере.

На планы урезания пенсий появились отрицательные отклики в прессе, в том числе и негативная квалификация самого председателя правительства Педро Санчеса, которого назвали **Sánchez Manostijeras – Санчес-Руки-ножницы** и **Pedro Manostijeras – Педро-Руки-ножницы**. Премьера однозначно связывают с героем широко известного в испаноязычном сообществе фильма американского режиссера Тима Бёртона **«Edward Scissorhands» – «Эдвард Руки-ножницы»** (1990 г.), снятого в жанре тёмного фэнтези с элементами романтического фильма и названного в кинопрокате **«El joven manos de tijera» – «Юноша Руки-ножницы»** в Латинской Америке и **«Eduardo Manostijeras» – «Эдвард Руки-ножницы»** в Испании.

Главный герой фильма – молодой человек Эдвард, созданный учёным-экспериментатором; у него вместо рук – некое подобие ножниц, благодаря чему он становится искусным парикмахером.

Существует предположение, что мотив рук-ножниц навеян сюжетом десяти назидательных стихотворений франкфуртского психиатра Генриха Гофмана, написанных им для детей с целью отучить их от вредных привычек и заставить соблюдать правила личной гигиены. Назидания облечены в устрашающую, а иногда и просто кровожадную форму.²⁵ Сборник вышел в 1845 году под названием **“Struwwelpeter”** (известен в испанском переводе под названием **«Pedro Melenas»**, также **«Pedro El Desgreñado» – «Педро Взлохмаченный»** и **«El Despeluzado» – «Взъерошенный»**). Герой стихотворений страдал от генетического нарушения под названием «синдром нерасчёсываемых волос» – редкой структурной аномалии волос, которые торчат на голове в разные стороны и не поддаются расчёсыванию и укладке. В богато иллюстрированном сборнике Педро изображён с торчащими в разные стороны лохмами волос на голове и длинными ногтями-крючьями на руках.

²³ Питер Пэн (персонаж), [https://ru.wikipedia.org/wiki/Питер_Пэн_\(персонаж\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Питер_Пэн_(персонаж)) (Дата доступа: 26.08.2021).

²⁴ Jiménez Losantos F. Tanto ego, tanto desastre, <https://www.elmundo.es/opinion/2019/07/17/5d2e0fc1fdddf6bb18b45f0.html> (Дата доступа: 17.07.2019).

²⁵ Стёпка-растрёпка, <https://ru.wikipedia.org/wiki/Стёпка-растрёпка> (Дата доступа: 11.12.2022).

Герой фильма назван именем Эдвард, но в заголовке статьи «Pedro Melenas y Eduardo Manos Tijeras» – «Педро Взлохмаченный и Эдвард Руки-ножницы» усматривается «проекция» от литературного ПИ Педро к кинематографическому образу, создающая аллюзию на испанского премьера Педро Санчеса²⁶, ИС которого однозначно соотносится как с «урождённым именем» его литературного «тёзки», так и с образом киногероя в публикациях, где его называют «**Педро-Руки-ножницы**» и «**Санчес-Руки-ножницы**»: он разрушает то, к чему прикасается.²⁷

Газетная публикация сопровождалась зловещей визуальной реализацией метафоры в виде коллажа – фотоизображения премьер-министра с руками в виде ножниц, занесёнными над головой пожилой пенсионерки.

Прозвище «Руки-ножницы» оказалось применимо и к женщине-политику Сусане Диас, члену Социалистической партии Испании. Поводом для актуализации атрибута *Manostijeras* со стороны представителя ныне оппозиционной Народной партии стало последовательное сокращение регионального бюджета Андалусии в период её пребывания главой правительства этой автономии: *Moreno, a Díaz: Los profesionales sanitarios la llaman “Susana Manostijeras”; que desde que llegó a la Presidencia de la Junta ha recortado 1.600 millones en sanidad.*²⁸ – Г-н Морено 2-же Диас: Медицинские работники называют Вас **Сусана Руки-ножницы**: за время руководства правительством региона Вы урезали финансирование здравоохранения на 1 млрд 600 млн евро.

Испанский журналист Федерико Хименес Лосантос за критические высказывания в адрес своих оппонентов удостоился сравнения с персонажем серии комиксов – капитаном Хэддоком. Это литературное ПИ служит характеристикой журналиста, причём описание его действий даётся в критическом ключе: *Quien mostró más agresividad fue Federico Jiménez Losantos, un artista del insulto en su programa de radio en el que la información es sólo el gancho con el que ir hilando toda una serie de invectivas contra sus enemigos. Es un poco el Capitán Haddock de la radio. No necesita un guion para lanzar sus epítetos ofensivos. Le salen de la boca a borbotones.*²⁹ – Самым агрессивным был Федерико Хименес Лосантос, мастер наносить оскорбления в своей программе на радио, где подача информации – это только повод для целого каскада нападков на недругов. Он смахивает на капитана Хэддока на радио. Ему не нужен сценарий, чтобы бросаться оскорбительными эпитетами – они сыплются у него изо рта один за другим.

Капитан Хэддок – капитан корабля дальнего плавания, персонаж, придуманный в 1940 году бельгийским художником Эрже; его образ эволюционировал в многочисленных изданиях рисованных историй вплоть до 1976 года. Герой склонен к эмоциональным вспышкам, его лексикон изобилует экзотическими для данного жанра словами, которые он извергает с гневом, употребляя их как сильные ругательства, как то: «троглодит», «анаколют», «катахреза», «эктоплазма», «паразит», «пират с карнавала», «башибузук», «вестготы», «клептоман», «вегетарианцы», «эктоморф», «утконос» и т. п. Автору пришлось заменить этими безобидными словами те грубые речения, которыми на самом деле мог бы изъясняться «морской волк», поскольку публикации предназначались также и для детской читательской аудитории.³⁰

²⁶ Sánchez 'Manostijeras': cuchillada a las pensiones, <https://okdiario/opinion/sanchez-manostijeras-cuchillada-pensiones-6804392> (Дата доступа: 31.02.2021).

²⁷ Bustos J. Pedro Manostijeras, <https://www.elmundo.es/opinion/columnistas/2022/02/08/620149e621efa0bf7c8b459c.html> (Дата доступа: 9.02.2022).

²⁸ Europa Press Andalucía. Moreno, a Díaz: Los profesionales sanitarios la llaman 'Susana Manostijeras', <https://www.europapress.es/andalucia/sevilla-00357/noticia-diaz-acusa-pp-dinamitar-sanidad-moreno-llama-susana-manostijeras-20160428143409.html> (Дата доступа: 12.01.2020).

²⁹ Sáenz de Ugarte I. Cuando la derecha mediática saca los cuchillos, llama a urgencias, https://www.eldiario/politica/derecha-mediatica-saca-cuchillos-llama-urgencias_129_9885780.html?itm_n=internal&itm_c=taboola (Дата доступа: 2.02.2023).

³⁰ Capitán Haddock, https://es.wikipedia.org/wiki/Capitán_Haddock (Дата доступа: 2.02.2023).

Род профессиональных занятий литературного и киногероя – агента секретной службы Джеймса Бонда и некоторые из его отличительных черт, в частности, авантюризм и страсть к женщинам, побудили автора публикации сравнить с ним оказавшегося в центре публичного скандала некоего полицейского, внедрённого в общественное и профсоюзное движение Барселоны с целью сбора информации и действовавшего без законных на то оснований: *Es grave que el Estado autorice o tolere que un policía nacional acceda a través del sexo a informaciones íntimas, personales y políticas con el objetivo de entrar en espacios legítimos de la sociedad civil... ¿Cómo es posible que una buena parte de la reacción en redes sociales haya sido reírse o atacar a estas mujeres activistas y tratar al agente como un James Bond patrio?*³¹ – Опасность в том, что Государство санкционирует или допускает, чтобы сотрудник Национальной полиции через секс получал доступ к личным, частным данным и к политической информации с целью проникновения в законное пространство гражданского общества... Как могло случиться, что реакция в социальных сетях заключалась преимущественно в осмеянии этих женщин-активисток, в нападках на них и в восприятии агента как отечественного Джеймса Бонда?

Названные черты вымышленного персонажа – носителя данного ПИ, могут оцениваться без отрицательной коннотации, но в отношении роли государства и действий реального лица, которому надлежит не выходить за рамки правового поля, даётся резко отрицательная оценка.

Оценка иного плана действиям властей ряда стран даётся в следующем случае. В связи с необходимостью поиска источников пополнения государственных средств в Европе было выдвинуто предложение ввести так называемый «налог Робин Гуда», получивший название по имени благородного разбойника, героя средневековых английских народных баллад, грабившего богатых и отдававшего добытое бедным: *Los gobiernos de diez países europeos han estado negociando la introducción de la Tasa Robin Hood o Impuesto a las Transacciones Financieras.*³² – Правительства десяти европейских стран вели переговоры о введении «налога Робин Гуда», или налога на транзакции банков.

ПИ **Робин Гуд**, за которым стоит положительный образ благородного, справедливого покровителя обездоленных, служит косвенным обозначением а) целевого назначения средств, направляемых на благо всего общества, и б) легитимного, в отличие от практиковавшегося названным героем, способа пополнения бюджета.

Из проанализированных контекстов следует, что образы литературных и киногероев, порождённые фантазией их создателей, превращаются в понятия, их имена будучи присвоенными реальному лицу, наполняются значением и смыслом; становясь коннотативно и дескриптивно насыщенными, они метафоризируются, благодаря чему приобретают свойства экспрессивно-оценочных средств.

Результаты исследования

Исследование, проведённое на отобранном массиве данных из сферы ПД, представляющих собой суждения политических оппонентов, даёт возможность установить, что в характеристике политиков посредством ПИ из сфер-источников «литература» и «кино» значительно преобладают дискредитирующие номинации, несущие определённую отрицательную, пейоративную коннотацию, устойчиво соотносящуюся с традициями и фоновыми знаниями испаноязычного лингвокультурного сообщества.

³¹ Marcos Oliva R. El infiltrado, las activistas y la responsabilidad del Estado, https://www.eldiario.es/opinion/zona-critica/infiltrado-activistas-responsabilidad_129_9920340.html (Дата доступа: 3.02.2023).

³² Los ministros de finanzas de la UE retrasan la Tasa Robin Hood, <https://actualidadhumanitaria/los-ministros-de-finanzas-de-la-ue-posponen-la-decision-sobre-la-tasa-robin-hood/> (Дата доступа: 10.12.2017).

Как через ПИ литературных и киногероев, являющихся воплощением абсолютного зла (*Frankenstein, Dracula*), так и через «говорящее» ПИ киногероя с «нулевым значением» (*MacGuffin*) «языком вражды» выражается интолерантность в отношении политика или органа власти. Для отрицательной характеристики оппонента также может служить и ПИ с положительной коннотацией, которое в соответствующем контексте приобретают антонимическое значение, становясь, вследствие этого, автоантонимом (*Jack Bauer de la diplomacia, el Zorro*).

ПИ активно используется в целях дискредитации политического оппонента, развенчания его притязаний на руководящую роль, представляя его в ироническом свете (*Peter Pan Rivera*) или в комической ситуации, для демонстрации его корыстолюбия, некомпетентности и иных отрицательных качеств (*Pablo Panza*), а также для навешивания ярлыков (*MacGuffin Sánchez*).

При этом политические акторы – объекты характеристики однозначно маркируются как «чужие», что подчёркивает атмосферу противостояния, агональный, интолерантный характер ПД.

Реальным лицам приписываются свойства, качества и поведенческие характеристики вымышленных литературных или киноперсонажей посредством метафорического переноса из сферы источника в сферу-мишень, основанием которому является реальное или приписываемое:

- сходство имён (*Pedro Melenas – Pedro Sánchez*);
- сходство свойств и качеств (*MacGuffin Sánchez*);
- сходство внешних черт (*Obambi*);
- сходство действий (*руки-ножницы – урезание средств*), путём соединения метафор «соматическое» + «артефакт»; в данном сочетании происходит реализация метафоры, сопровождающаяся графическим изображением в публикации;
- «морфологическое» сходство (*coalición Frankenstein*);
- сходство последствий деятельности (*Gobierno Frankenstein*);
- сходство жизненных принципов (*Groucho Sánchez*);
- явление контекстуальной автоантонимии (*Jack Bauer, Zorro*).

Явление контаминации (*Sáncheztein, Obambi*) позволяет в сжатой форме, с экономией речевых средств, охарактеризовать политика.

Метафорическое определение, выраженное прецедентным именем, может стоять как перед определяемым ИС, так и после него. Оно может состоять из одного (*Frankenstein*) или более элементов (*Peter Pan*), или быть представлено «не говорящим» осколком прецедентного имени (*-stein, -man*), но передающим полное значение ПИ благодаря контекстуальному окружению.

В ряде случаев очевидна утрата связи ПИ с исходными ПФ и в них отмечается только оценочный компонент семантики в целом.

Имя нарицательное, употребляемое как ИС, становится «говорящим» «урождённым именем» политика (*macguffin – MacGuffin Sánchez*); полное ПИ может стать «урождённым именем» (*Peter Pan Rivera*), присвоенным политику.

Для проанализированных примеров характерно употребление известного риторического приёма *argumentum ad personam* – переход на личности в форме высказывания, содержащего резко негативную оценку оппонента.

Выводы

Наделение известных политиков и государственных институтов эпитетами и квалификациями, несущими негативную оценку, помимо выражения субъективного, эмоционального отношения, служит достижению тактических целей – для аргументативного манипулирования адресатом, которому навязывается выбор в отношении характеристики того или иного объекта, и выполняет прагматическую функцию, побуждая людей действовать в соответствии с интересами какого-либо политического актора.

Обращение к сферам-источникам «литература» и «кино» основано на представлении автора о литературных и лингвокультурологических знаниях реципиента. ПИ литературного или киногероя служит в качестве метафорического атрибута ИС реального лица для создания эффекта экс-

прессивности, при этом актуализируются фоновые знания реципиента информации. Применяя то или иное ПИ, автор уверен в способности адресата понять его значение, среагировать должным образом и проявить эмпатию.

Создаваемая в публицистических текстах атмосфера языковой игры с использованием общеизвестных ПИ из произведений массовой культуры, а также само игровое представление ИС политика в сочетании с ПИ характерного персонажа, придают таким текстам свойство информационно-развлекательной журналистики и одновременно выявляют в подобных приёмах оттенки политтехнологий при всей очевидности интенций автора.

В языковой игре в сфере политического дискурса ПИ часто используются для вербальных атак на профессионально-личностную составляющую имиджа политика. Характеризация оппонента названными средствами, высказываемая в категорической, безапелляционной форме, подчёркивает агональность ПД.

Прецедентные имена экспрессивны в своей лаконичности, не требуют распространения, они самодостаточны, выражая целый комплекс качеств и свойств, и представляют собой эффективное средство борьбы с оппонентом в эпоху информационных войн.

© Мурзин Ю.П., 2023

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Метафора. Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. 685 с.
2. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: ЛЕНАНД, 2020. 152 с.
3. Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса. URL: <https://www.sinref.ru/razdel/03850poligrafia/02/394641.htm> (Дата доступа: 13.09.2022).
4. Евстафьева А.В. «Язык вражды» в средствах массовой информации: лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009. 26 с.
5. Иссерс О.С. Языковые маркеры этнической ксенофобии (на материале российской прессы) / О.С. Иссерс, М.Х. Рахимбергенова // Политическая лингвистика. 2007. №3 (23). С. 90–96.
6. Карасик В.И. Институциональный дискурс. URL: <https://studfile.net/preview/9125106/> (Дата доступа: 10.01.2023).
7. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
8. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании. М.: Языки славян. культуры А. Кошелев, 2004. 555 с.
9. Сорокин Ю.А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России. Материалы рабочего совещания. М.: НИОПИК, 1997. С. 57–62.
10. Феномен прецедентности и прецедентные феномены. URL: <https://www.sinref.ru/razdel/03850poligrafia/02/394641.htm> (Дата доступа: 23.08.2022).
11. Цуциева М.Г. Речевые и системные аспекты актуализации полисубъектности в современном немецком политическом дискурсе/ М.Г. Цуциева // Научное мнение. №12. СПб, 2014. С. 34–39
12. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.

References

1. Arutiunova, N.D. Metafora [A metaphor. Linguistic encyclopedic dictionary]. In: *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* Pod red. V.N. Iartsevoi. M.: Sovetskaiia entsiklopediia, 1990. 685 p.
2. Gudkov, D.B. *Pretsedentnoe imia i problemy pretsedentnosti* [Precedent name and precedent problems]. M.: LENAND, 2020. 152 P.
3. Gudkov, D.B. *Pretsedentnye fenomeny v tekstakh politicheskogo diskursa* [Precedent phenomena in the texts of political discourse], <https://www.sinref.ru/razdel/03850poligrafia/02/394641.htm> (Accessed 13 September 2022).
4. Evstaf'eva, A.V. *"Iazyk vrazhdy" v sredstvakh massovoi informatsii: lingvisticheskie i ekstralingvisticheskie factory funktsionirovaniia* ["The language of enmity" in the mass media: linguistic and extralinguistic factors of functioning]: avtoref.dis. ... kand. filol. nauk. Tambov, 2009. 26 P.
5. Issers, O.S., Rakhimbergenova, M.Kh. *Iazykovye markery etnicheskoi ksenofobii* [Linguistic markers of ethnic xenophobia] // *Politicheskaiia lingvistika* [Political Linguistics]. 2007. № 3(23). P. 90–96.
6. Karasik, V.I. *Institutsionalnyi diskurs* [Institutional discourse], studfile.net/preview/9125106/ (Accessed 10 January 2023).

7. Krasnykh, V.V. "Svoi" sredi "chuzhikh": mif ili realnost'? ["One's own" among "strangers": myth or reality?]. M.: ITDGK "Gnozis", 2003. 375 P.
8. Kubriakova, E.S. *Iazyk i znanie: Na puti polucheniia znaniia o iazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniia. Rol iazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. M.: Iazyki slavianskikh kultur A. Koshelev, 2004. 555 P.
9. Sorokin, Iu.A. Politicheskii diskurs: popytka istolkovaniia poniatii [Political discourse: an attempt to interpret the concept] // *Politicheskii diskurs v Rossii Materialy rabocheho soveshchaniia* [Political discourse in Russia. Materials of the workshop]. M.: NIOPIK, 1997. P. 57–62.
10. *Fenomen pretsedentnosti y pretsedentnye fenomeny* [The phenomenon of precedent and precedent phenomena], <https://www.sinref.ru/razdel/03850poligrafia/02/394641.htm> (Accessed 23 August 2022).
11. Tsutsieva, M.G. Rechevye i sistemnye aspekty aktualizatsii polisubektnosti v sovremennom nemetskom diskurse [Speech and system aspects of actualization of polysubjectivity in modern German political discourse] / M.G. Tsutsieva // *Nauchnoe mnenie* [Scientific opinion]. № 12. SPb, 2014. P. 34–39.
12. Sheigal, E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse], M.: ITDGK "Gnozis", 2004. 326 P.

Сведения об авторе:

Мурзин Юрий Петрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, семантика, лексикология, фразеология, исследование медиа-дискурса. E-mail: yu.p.murzin@inno.mgimo.ru

About the author:

Iuriy Murzin, PhD, is Associate Professor of the Department of Spanish at MGIMO (Moscow, Russia). Research interests: cognitive linguistics, semantics, lexicology, phraseology, media discourse research. E-mail: yu.p.murzin@inno.mgimo.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

* * *

OLD ENGLISH TERMINOLOGICAL WORD-COMPLEXES IN NATURAL PHILOSOPHIC WORLDVIEW (EXEMPLIFIED BY TERMS OF ASTRONOMY)

Sergey V. Mukhin, Daria A. Efremova

MGIMO UNIVERSITY,
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The research focuses on the study of terminological word-complexes in Old English. Following a complex multidisciplinary approach, it addresses the linguistic evidence from the viewpoint of terminology, phraseology and linguoculturology. The article analyzes the role of terminological word-complexes from the Anglo-Saxon Manual of Astronomy in the semiotic segment of natural philosophy in the Pre-Norman linguistic community of England. The research is conducted mainly within the framework of linguocultural approach. The 27 terminological word-complexes under analysis belong to the sphere of theoretical and observational astronomy and are taken from the text of the 10th century Anglo-Saxon Manual of Astronomy. The system of methods includes analysis of dictionary definitions, componential analysis, phraseological identification, contextual analysis, etc. The research proceeds from the assumption that Old English astronomic terms subsume culturally significant information on the Early Medieval prescientific worldview. Most terms are substantive phrases denoting heavenly bodies and their characteristics, peculiarities of the Universe's physical structure, and events of the astronomic calendar. A number of inherent characteristics, such as recurrence of use and metaphoric transformation of the components' semantics allow for treating the terminological word-complexes as phraseological entities. The entirety of word-complexes falls into two groups of word-combinations of idiomatic and phraseomatic type. The research consecutively puts to scrutiny the terminological word-complexes verbalizing the concepts 'heavenly body', 'outer space', and 'orbital rotation'. Attention is paid to the volume and character of culturally significant information conveyed by the astronomical terms in context and demonstrating the natural philosophical interpretation of the physical world structure as different from the modern scientific views. A conclusion is made that further research of phraseologically bound terminological word-complexes pertaining to various spheres of knowledge is needed to reconstruct the complete picture of natural philosophic worldview for the benefit of phraseology, terminology, linguoculturology and history of English.

Keywords: Old English, terminology, phraseology, linguoculturology, natural philosophy, semiotics, worldview

For citation: Mukhin, S.V., Efremova, D.A. (2023). Old English terminological word-complexes in natural philosophic worldview (exemplified by terms of astronomy). *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(2), pp. 48–61. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-2-35-48-61>

ДРЕВНЕАНГЛИЙСКАЯ СВЕРХСЛОВНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В НАТУРФИЛОСОФСКОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ АСТРОНОМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ)

С.В. Мухин, Д.А. Ефремова

МГИМО УНИВЕРСИТЕТ МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Статья посвящена изучению функционирования сверхсловных терминов в древнеанглийском языке. В рамках комплексного мультидисциплинарного подхода в фокусе внимания находится языковой материал, исследуемый с позиций терминологии, фразеологии и лингвокультурологии. В исследовании преимущественно в лингвокультурологическом ключе рассматривается роль сверхсловных терминов из англосаксонского учебника астрономии в репрезентации натурфилософского (преднаучного) представления о физическом устройстве мира, характерного для Древней Англии X века. С помощью методов семного, компонентного, контекстуального анализа, а также фразеологической идентификации анализируются 27 сверхсловных единиц, отобранных из оригинального текста учебника и относящихся к раннесредневековому терминологическому аппарату теоретической и наблюдательной астрономии. Устанавливаются основные признаки фразеологизации исследуемых терминологических словосочетаний: раздельнооформленность, переосмысление значения компонентов, регулярность употребления. Проводится различие между идиоматическими словосочетаниями терминологического характера и широко представленной в рассматриваемом учебнике терминологической фразеоматикой. Посредством анализа семантики, компонентного состава и особенностей узуса отобранных сверхсловных астрономических терминов в контексте выявляется, каким образом на фоне современного научного знания они выражают присущее англосаксонскому языковому сообществу X века натурфилософское осмысление физического устройства мира на примере трёх ключевых концептов НЕБЕСНОЕ ТЕЛО, ВНЕЗЕМНОЕ ПРОСТРАНСТВО и ОРБИТАЛЬНОЕ ВРАЩЕНИЕ. Особое внимание уделяется объёму значения сверхсловных терминов, вербализующих означенные концепты, в сопоставлении с объёмом современных значений. Статья, процедура исследования и выводы могут представлять интерес для филологов-англистов и культуроведов, специализирующихся на исследованиях в сферах фразеологии, терминоведения и истории английского языка, а также лингвокультурологии.

Ключевые слова: древнеанглийский язык, фразеология, терминология, астрономия, лингвокультурология, натурфилософия, семиотика, картина мира

Для цитирования: Мухин С.В., Ефремова Д.А. (2023). Древнеанглийская сверхсловная терминология в натурфилософской картине мира (на материале астрономических терминов). *Филологические науки в МГИМО*. 9(2), С. 48–61. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-2-35-48-61>

Введение

В настоящее время в сфере гуманитарного знания придаётся большое значение междисциплинарности исследований, поскольку в гуманитарных науках внимание обращено не только на самого человека, но и всё, что его окружает (среда, общество и т. д.). Это в полной мере относится к лингвистике, в рамках которой активно развивается лингвокультурология – «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка» [5, с. 37]. Неотъемлемой частью культуры развитого общества выступает научное знание, которое обслуживается метаязыком науки, представленном прежде всего на лексическом уровне терминологией. Большой интерес представляет собой зарождение терминологии в раннем периоде формирования умозрительного знания, который иногда называют преднаукой, или натурфилософией¹ – подготовительным этапом на пути становления собственно науки, предполагавшим накопление фактов и оттачивание научного мышления.

Применительно к Раннему Средневековью, безусловно, нельзя говорить о научном языке с развитой терминологией, однако уже в древнеанглийском языке формировались терминосистемы, соотносящиеся с различными сферами деятельности: закон и право [14], медицина [17], военное дело [4] и т. п. К XI веку в Древней Англии уже существовал довольно развитый для того времени аппарат астрономической терминологии. В сверхсловных терминах, зафиксированных в памятниках письменности древнеанглийского периода, отражено состояние преднаучного понимания мироустройства.

В исследованиях отмечается, что двумя фундаментальными движущими силами культурогенеза являются концептуализация и семиотизация мира, которые обусловлены познавательной деятельностью человека, осуществляемой благодаря таким «механизмам» познания, как переживание и осмысление действительности [8, с. 110]. В настоящей работе, выполненной в рамках лингвокультурологического подхода, ставится цель выяснить, как сверхсловные термины астрономии как части преднаучного знания выражают состояние данной семиотической области культуры Древней Англии в X веке. Анализ специальной терминологии способен предоставить ценную с историко-культурной точки зрения информацию о натурфилософской интерпретации картины мира в Раннем Средневековье.

Материал и методика исследования

В ходе исследования выполняется ряд задач: 1) даётся краткое описание текстового источника и производится отбор словосочетаний терминологического характера, относящихся к сфере астрономии; 2) рассматривается проблема фразеологической интерпретации отобранных терминологических словосочетаний; 3) на примере нескольких концептов анализируется, каким образом терминологические словосочетания выражают преднаучное осмысление устройства мира, характерное для Древней Англии; 4) предлагаются краткие выводы.

Цели и задачи работы обуславливают использование следующих методов: анализ словарных дефиниций, семный анализ, компонентный анализ, фразеологическая идентификация, контекстуальный анализ и др.

Языковой материал для настоящего исследования взят из текста X века, известного под условным названием «англосаксонский учебник астрономии» (*Anglo-Saxon Manual of Astronomy*). Авторство текста не установлено, однако в прологе к учебнику говорится, что он представляет собой сокращённый вариант трактата Беда Достопочтенного *De natura rerum*. Материал в учебнике изложен в довольно простой манере и, по-видимому, предназначался для учащихся, не владею-

¹ *Philosophia naturalis* – термин, введённый в обиход Сенекой [15, с. 198–199].

щих латинским языком. Очевидно, учебник пользовался популярностью, поскольку до наших дней дошло несколько его версий, различающихся объёмом. В настоящем исследовании рассматривается версия в рукописи *MS Cotton Tiberius B. V.*, датируемой приблизительно 990 г. Текст отредактирован, снабжён параллельным новоанглийским переводом и опубликован Т. Райтом в сборнике *Popular Treatises on Science Written during the Middle Ages, in Anglo-Saxon, Anglo-Norman, and English* [31].

В соответствии с целью и задачами исследования из текста учебника методом сплошной выборки отобраны словосочетания терминологического характера, удовлетворяющие базовому определению термина и демонстрирующие признаки такового. Термин понимается как слово или словосочетание специального (научного, технического и т. п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т. п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов [2, с. 474]. Основными признаками термина выступают: 1) системность, 2) наличие дефиниции, 3) тенденция к моносемичности в пределах своего терминологического поля, 4) отсутствие экспрессии, 5) стилистическая нейтральность [20, с. 508].

Нами учитываются словосочетания, называющие понятия, которыми традиционно оперирует наблюдательная и теоретическая астрономия: названия небесных тел, их характеристик, понятий физического строения Вселенной, событий астрономического календаря и т. п. На основании изложенных критериев методом сплошной выборки осуществлен отбор 27 в основном субстантивных словосочетаний, представляющих собой астрономические термины. Ниже приводится полный список отобранных сверхсловных терминов в том порядке и в той грамматической форме, в каких они присутствуют в тексте. Значение словосочетаний семантизируется посредством новоанглийских и латинских эквивалентов, данных в переводе, а также с помощью словарных дефиниций.

Таблица 1. Сверхсловные словосочетания терминологического характера в тексте Англосаксонского учебника астрономии²

Словосочетание	Новоанглийский и/или латинский контекстуальный эквивалент	Значение
heofenlicum tunzlum	heavenly stars	небесное тело
se niwa mona	the new moon	новая (молодая) луна
sunnan up-zanȝe	sun-rise	восход солнца
þære sunnan settlunȝe	the sun's setting	закат солнца
heofona heofonan	heaven of heavens	небеса небес, дальний космос
heo lenctenlice emnihte / ðaes lænctenlices ymnihtes dæg*	vernal equinox the spring equinox	весеннее равноденствие
zeares ymbrynum	a year's revolutions	цикл годового обращения Солнца
heofenlicum eðele	heavenly country	космическое пространство
twelf tunȝlena tacna	twelve celestial signs	12 знаков Зодиака
heofenlicum roderum / roderlice heofen*	ætherial region the ethereal heaven	небесный свод, сфера звёзд
ðære sunnan gear	the solar year	год по солнечному календарю
ðæs monan gear	the moon's year	год по лунному календарю
se monelica monað	the lunar month	месяц по лунному календарю
se sumerlica sunn-stede	the summer solstice	летнее противостояние
ðam winterlicum sunn-stede	the winter solstice	зимнее противостояние
heo hærfæstlice emnihte	the autumnal equinox	осеннее равноденствие
þære sunnan ymb-zanȝe	the sun's circuit	солнечная орбита, траектория движения Солнца

² Здесь и далее древнеанглийская орфография приводится в соответствии с отечественной учебно-исследовательской и издательской традицией.

Словосочетание	Новоанглийский и/или латинский контекстуальный эквивалент	Значение
fif zýrdlas	five girdles	климатические пояса Земли
ðæs monan hlyp	saltus lunæ	«скачок луны»
middere nihte	midnight	полночь
eorðlice lichaman	corporeal body, earthly body	земной объект
on weaxendum monan	at the increasing moon	при растущей луне
on waniendum monan	at the waning moon	при убывающей луне
feower ze-sceafta	the four elements	четыре стихии
lichamlic ze-sceaft	corporeal element	материальная стихия, воздух

*Примечание: синонимичные термины в таблице сгруппированы попарно.

Результаты исследования

Вопрос о соотношении терминологического и фразеологического значения словосочетания – это то, что одновременно объединяет и разграничивает терминологию и фразеологию. Нами принимается трактовка фразеологического значения как сложной концептуально-семантической сущности, отражающей культурно обусловленное мировосприятие, план содержания фразеологического знака, в котором выделяются два взаимосвязанных уровня: поверхностный, или собственно семантический, и глубинный, или концептуальный [3].

В зависимости от принадлежности к специальной терминологии или к общеупотребительной лексике, терминологические словосочетания подразделяются на три основные группы: 1) терминологические словосочетания, у которых все компоненты являются специальными терминами, употребляемыми самостоятельно вне данного сочетания; 2) терминологические словосочетания, один из компонентов которых является специальным термином, а другой – общеупотребительным словом; 3) терминологические словосочетания, у которых все компоненты являются общеупотребительными словами, приобретающими специальное значение лишь при сочетании друг с другом [13, с. 19].

Подавляющее большинство рассматриваемых словосочетаний, очевидно, относятся к третьей группе, если принять тот факт, что некоторые лексемы, называющие астрономические понятия, такие, как *sunna* (солнце), *mona* (луна), *heofon* (небо), относятся к ядерной лексике языка и обычно считаются общелитературными. В тексте анализируемого учебника в сочетании с другими лексемами перечисленные слова реализуют терминологическое значение. Рассмотрим в качестве примера терминологизацию значения лексического компонента *settlunz* в словосочетании *sunnan settlunz* (закат солнца). Словарь приводит два значения: 1) *a taking of a seat, a sitting down*; 2) *setting of the sun, occasus*. Даже на основании исключительно словарной дефиниции очевидно разделение значений по признаку терминологичности / нетерминологичности. При этом терминологическое значение развилось посредством фразеологизации словосочетания, а именно метафорического переосмысления значения существительного *settlunz*. Действие метафоры здесь состоит в том, что видимое движение Солнца вниз к горизонту сравнивается с движением человека, принимающего сидячее положение. Типичная, регулярная сочетаемость этих двух лексем – *sunna* и *settlunz* – позволяет предполагать наличие между ними идиоматического вида связи, основанного на метафоре, которая утратила свою образную оригинальность в различных культурах уже в древнейшие времена.

Следует отметить, что превращение словосочетания в сверхсловный термин не сводится исключительно к фразеологизации, предполагающей переосмысление значения компонента. Переосмысление занимает важное место в механизме терминологизации, однако без наличия упомянутых выше признаков термина рассматриваемое словосочетание осталось бы общелите-

ратурным выражением со значением «закат»³. Оно может функционировать как термин только в качестве элемента терминосистемы. Так, в следующем примере наглядно видно, что словосочетание *sunnan settlunz* противопоставлено другому терминологическому словосочетанию *sunnan up-zanz* (восход солнца), с которым оно находится в системных отношениях антонимии. Кроме того, в рамках рассматриваемого учебника системность данного словосочетания и ему подобных обусловлена прагматикой самого учебного текста, в котором речь идёт не о красоте природы, а об астрономических явлениях:

Seo niht hæfð seofan dælas fram þære sunnan settlunze oð hire up-zanz
(The night has seven parts from the **sun's setting** to her⁴ rising)

В проблеме фразеологического статуса терминологических словосочетаний ключевым фактором выступает семантика компонентов. Как можно видеть, около половины терминологических сочетаний характеризуются фразеоматическим типом связи компонентов и не развивают метафорического значения, таким образом наиболее приближаясь к статусу собственно терминов. Такие единицы, как *ðære sunnan gear* (солнечный год), *eorðlice lichaman* (земной объект), *heo hærfæstlice etniht* (осеннее равноденствие), *twelf tunzlena tacna* (12 звёздных знаков) и т. п. представляют собой не имеющие образной основы фразеологические выражения номинативного характера⁵.

Анализ результатов исследования

В пользу фразеологического статуса таких словосочетаний свидетельствует их раздельнооформленность и воспроизводимость. Последняя устанавливается с помощью лексикографических источников, дающих примеры употребления в различных письменных памятниках. Так, например, используемый нами *Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary*, приводя в качестве примера сочетаемости существительного *tunzol* словосочетание *heofonlic tunzol* (небесное тело) даёт пометы, согласно которым данное словосочетание помимо исследуемого трактата также встречается в книге Второзакония и в Эксетерской книге [23]. Кроме того, оно также употребляется в художественном произведении «Аполлоний Тирский» [22]:

seo sæ cnyste þa heofonlican tunzla and þæt zewealc þara uða hwaðerode mid windum.
(море билось о **звёзды небесные** и перекал волн ревел от ветра⁶).

Последнее обстоятельство может поставить под сомнение терминологичность словосочетания, однако сам факт использования термина в различных функциональных стилях в нетерминологическом значении никак не лишает его способности функционировать в качестве термина, поскольку термины – это не особые слова, а только слова в особой функции наименования специального понятия, предмета или явления⁷ [9].

Наряду с этим в приведённом списке присутствуют идиоматизированные словосочетания с метафорой в основе. Такие астрономические термины, как *ðæs monan hlup* (букв.: «скачок луны»⁸), *heofenlic eðel* (букв.: «небесная страна») и др., демонстрируют метафорический перенос значения

³ Даже в таком специальном тексте, как учебник астрономии, словосочетания с компонентами-названиями астрономических объектов могут употребляться не как термины, а как собственно фразеологизмы. Как правило, это отражает религиозную составляющую средневекового знания, например, в рассматриваемом учебнике: *Seo sunne ze-tacnað urne Hælend Crist, se ðe ys rihtwisnysse sunne* (The sun is typical of our Saviour Christ, who is the sun of righteousness), где *rihtwisnysse sunne* (Солнце Праведности) – одно из перифрастических имён Иисуса Христа.

⁴ Существительное *sunna* (солнце) в древнеанглийском и других древнегерманских языках (от пр.-герм. **sunnon*- [25, с. 463]) за несколькими исключениями относилось к женскому роду.

⁵ По определению Н. М. Шанского, «устойчивые в своём составе и употреблении фразеологические обороты, которые не только являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободным значением» [19, с. 69].

⁶ Зд. перевод наш. – Авт.

⁷ Представляется вполне оправданным распространить данный вывод на сверхсловные термины.

⁸ Увеличение епакты (возраста Луны) на 12 в конце Метонова цикла при пересчёте дат из лунно-солнечного календаря в даты солнечного календаря и обратно [12].

и с позиций фразеологии могут рассматриваться как идиомы – устойчивые сочетания лексем с полностью или частично переосмысленным значением [10, с. 26]. Следует, однако, отметить, что большинство подобных словосочетаний в нашем списке основаны на стёртых метафорах, которые, как уже упоминалось, были издревле распространены в различных языковых сообществах: *sunnaþ ur-zanþ* (восход солнца: *ur-zanþ* – букв.: «ход вверх»⁹), *se niwa mona* (букв.: «новая луна»), *weaxendū mona* (луна в фазе новолуния, букв.: «растущая луна»¹⁰ от глагола *weaxan* – расти), *fif zyrðlas* (пять климатических поясов Земли: *zyrðel* – букв.: пояс, ремень) и т. п.

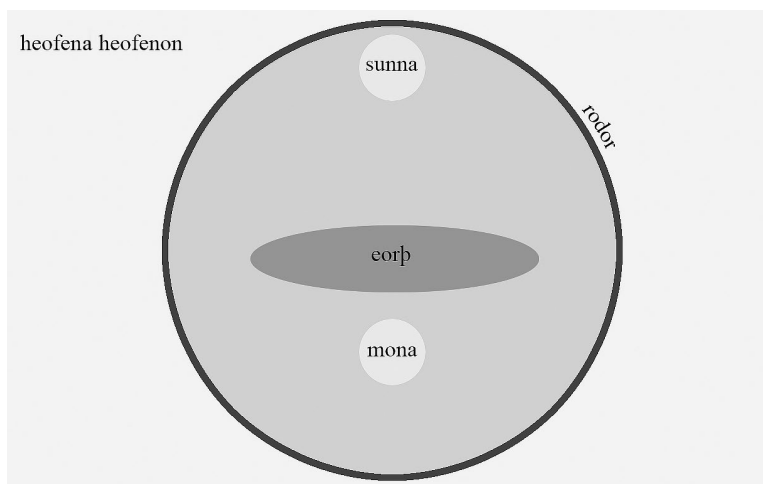
Некоторые из отобранных словосочетаний представляют собой кальки с соответствующих латинских выражений: *hærfæstlice emnihte* < *æquinotium autumnale* (осеннее равноденствие), *twelf tunzlena tacna* < *duodecim signa* (12 знаков Зодиака), *fif zyrðlas* < *quinque zonas* (пять климатических поясов) и др.

Обсуждение результатов исследования

Фразеологическая природа терминологических словосочетаний позволяет устанавливать их соотнесённость с кодами культуры – реалиями, которые человек уже наградил культурным смыслом и которые тематически объединены на основе свойств и действий самого человека, животного, растительного и т. п. миров, мира предметного (натуральных или сотворённых человеком вещей), природно-ландшафтного или духовно-религиозного [16, с. 13]. Применительно к рассматриваемым терминологическим словосочетаниям, очевидно, следует говорить о тематической комбинации природного и духовного кодов, поскольку древнеанглийские термины несут информацию о распространённых преднаучных представлениях об окружающем мире. Особенностью номинации в сфере астрономии является то, что названия космических объектов и явлений – это не просто специальные знаки, предназначенные для дифференциации последних, но одновременно и культурные памятники истории астрономии.

Следует принимать во внимание тот факт, что уровень средневекового естествознания и, соответственно, представление об устройстве мира и космосе значительно отличались от современного научного видения. Общепринятая картина строения Вселенной в Древней Англии существенно отличалась от современной. Суммируя сведения, содержащиеся в анализируемом учебнике, её можно представить в следующем виде (см. рис. 1).

Рисунок 1. Мир (*middanþeard*) согласно англосаксонскому учебнику астрономии: *heofena heofenon* – непостижимое для людей пространство, дальний космос; *sunna* – солнце, *eorþ* – земля; *mona* – луна, *rodor* – вращающаяся сфера неподвижных звёзд.

⁹ Ср. нем. *Sonnenaufgang* с тем же значением и по той же структурной модели, а также греч. *Ανατολή* (Анатолия от *Ανατολή ηλίου* букв. «восход солнца» [18, с. 77]).

¹⁰ Ср. лат.: *luna crescit* [7, с. 460].

Такое представление в целом соответствует средневековой общеевропейской картине строения Вселенной, основанной на учении Птолемея. Специфика средневековой картины мира не могла не найти отражение как в подборе конкретных лексем для построения сверхсловных терминов астрономии, так и в семантике конкретных единиц. Так, предлагаемые в таблице выше русские эквиваленты древнеанглийских словосочетаний в целом адекватно передают значения последних, но во многих случаях требуется уточнять, что современное и средневековое понимание одного и того же явления могут сильно различаться.

Это различие, в частности, просматривается в наборе концептов, которыми оперирует современная астрономия, и тех, которые были в центре внимания средневековых астрономов. Так, многие ключевые для современной науки понятия, такие, как «галактика», «инфляция», «пространство-время» и другие, очевидно, находились за пределами натурфилософского знания. В то же время рядом концептов астрономия оперирует изначально. В объёме настоящей статьи мы рассмотрим, как посредством сверхсловных терминов в средневековом учебнике астрономии вербализуются три концепта, имеющие первостепенное значение для астрономии как дисциплины на протяжении всей её истории: НЕБЕСНОЕ ТЕЛО, ВНЕЗЕМНОЕ ПРОСТРАНСТВО и ОРБИТАЛЬНОЕ ВРАЩЕНИЕ.

Концепт НЕБЕСНОЕ ТЕЛО

Одним из наиболее употребительных в учебнике слов выступает уже упоминавшееся существительное *tunzol*, входящее в состав терминологического сочетания *heofenlic* (также *heofenes*) *tunzol*. *Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary* приводит пять значений в словарной статье, описывающей данную лексику: 1) *a heavenly body*, 2) *a heavenly body other than sun or moon, a star*, 3) *a planet (including the sun and moon)*, 4) *a fixed star*, 5) *a group of stars, a constellation, division of the zodiac*. Такое лексикографическое представление соответствует обнаруженным вариантам новоанглийского перевода оригинального текста: *star, planet, sign, constellation, body*.

Очевидно, что в современном понимании слово *tunzol* следует трактовать как гипероним для обозначения различных типов астрономических объектов. Нужно учитывать, что для средневекового человека не существовало такой градации космических объектов, как в наше время. Любой единичный объект на небе, излучающий видимый свет, или даже группа таких объектов, воспринимаемых как одно целое, независимо от их астрономических характеристик, именовались словом *tunzol*. Так, в следующем примере употребление данного существительного даёт понять, что для носителей древнеанглийского языка не существовало характерного для современной науки различия между понятиями «созвездие» и «астеризм»:

Arhcton hatte an tunzol on norð dæle, se hæfð seofon steorran & is for ði oðrum naman ze-haten septemtrio, þone hatað læwede menn carles-wæn.

(*Arcton is the name of a constellation in the north part, which has seven stars and on that account is called by another name, septemtrio, which untaught men call carle's-wain.*).

В оригинальном тексте заявлено, что речь идёт о созвездии Большой Медведицы¹¹, что подтверждается новоанглийским переводом *constellation*. В то же время из дальнейшего описания становится очевидным, что в действительности автор говорит о группе звёзд, образующих Семизвездие Ковша¹² и входящих в созвездие Большой Медведицы. С позиций современной астрономии эта группа является астеризмом¹³, составной частью созвездия, тогда как в Раннем Средне-

¹¹ Др.-англ. *Arctos* от греч. *ἄρκτος* (медведь).

¹² Лат. *septemtrio*. Др.-англ. название *carles-wæn*, букв.: «карлова колесница», обычно ассоциируется с именем Карла Великого [28], современное просторечное название *Dipper* [11, с. 187].

¹³ Астеризм – широко известный узор или группа физически не связанных звёзд, которые могут быть замечены на ночном небе, визуально очевидный набор звёзд и линий, используемых для их мысленного соединения, в отличие от созвездия – участка звёздного неба, выделенного для удобства ориентировки на небесной сфере и обозначения звёзд [1]. До середины XVII в. термины «астеризм» и «созвездие» использовались как синонимы [6].

вековые такое деление не проводилось, и, таким образом, наименования *Arctos* и *carles-wæn* были семантически тождественны. Оба объекта, называемые этими именами, могли выступать денотатом слова *tunzol*. Соответственно, сверхсловный термин *heofenlic tunzol* также мог использоваться для номинации разнообразных астрономических объектов, как в следующих примерах:

Ðæt æmtize fæc bufon þære lyfte is æfre scinende of ðam heofenlicum tunzlum.
(*The empty space above the atmosphere is ever shining with the heavenly stars*).

Beah ðe we swiðor sprecað be heofenlicum tunzlum, ne mæz swa þeah se un-ze-læreda leornian hyra leoht-bæran ryne.

(*Though we should speak more of the heavenly constellations, still the unlearned may not learn their luminous course*).

Таким образом, словосочетание *heofenlic tunzol* является весьма информативным с культурно-исторической точки зрения. Оно говорит о том, что в англосаксонской преднаучной интерпретации мира: 1) небесное тело было широким понятием и подразумевало различные космические объекты и группы объектов; 2) небесный объект обязательно обладал такой характеристикой, как видимость, то есть способностью излучать или отражать свет.

Концепт ВНЕЗЕМНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Большой интерес представляют древнеанглийские сверхсловные термины, описывающие ту часть окружающего мира, которая современной наукой понимается как космическое пространство:

Seo heofon belycð on hyre bosme ealne middan-earð, and heo æfre tyrnð on butan us, swiftr þonne æniz mylnn-hweol, eall swa deop under þyssre eorðan swa heo is bufan. Eall heo is sinewealt & ansund mid steorrum amet. Soðlice þa oðre heofenan þe bufan hyre synd & beneoðan synd un-ze-sezenlice & mannun un-asmeazendlice. Synd swa þeah ma heofonan, swa swa se witeza cwæð, Cæli cælorum, þæt his, heofona heofonan.

(*The heaven encloses in its bosom all the world, and it ever turns about us, swifter than any mill-wheel, all as deep under this earth as it is above. It is all round and entire and studded with stars. Truly the other heavens that are above it and beneath are indescribable and unsearchable of men. There are indeed more heavens, as the prophet said, "the heaven of heavens"*).

Из приведённого отрывка следует, что автор, излагая современные ему космологические взгляды, отдаёт себе отчёт, что Вселенная не ограничивается наблюдаемым миром. Здесь словосочетание *heofona heofonan*¹⁴, в отличие от исходного библейского выражения, используется не в религиозном, метафизическом смысле¹⁵, а как астрономический термин. Оно называет пространство за видимым небом. Образ, лежащий в основе словосочетания, подразумевает масштабируемую структурированность мира: дальней, непостижимое пространство соотносится с видимым небом так же, как последнее соотносится с Землёй. Свойства этого пространства, как излагается в учебнике, человеку неизвестны, однако из приводимого там же описания особенностей видимой небесной сферы становится понятно, что за её пределами нет атмосферы, которая называется ещё одним терминологическим словосочетанием *lichamlic ze-scaft* (материальная стихия):

Lyft is lichamlic ze-scaft swyðe þynne; seo ofer-zæð ealne middan-eard, & up astihð fornean oð ðone monan, on ðam fleoð fuzelas swa swa fixas swimmað on wætere.

(*Aer is a very thin corporeal element; it goes over the whole world, and extends upwards nearly to the moon, in it fly fowls as fishes swim in the water*).

¹⁴ Фразеологическая калька с выражения, которое в Библии встречается семь раз в пяти книгах [24]. Автор древнеанглийского учебника, по-видимому, отсылает читателей к книге пророка Неемии (9:6): *Tu ipse, Domine, solus, tu fecisti cælum, et cælum cælorum* [26].

¹⁵ Ср.: псалом 67, стих 33: *sinzað zode se a-staz ofer heofenas heofena* [21] (воспевайте Господа, шествующего на небесах небес).

По аналогии с принятым в наше время пониманием структуры Вселенной можно заключить, что, используя в описании Вселенной словосочетание *heofona heofonan*, автор учебника демонстрирует попытку преднаучного осознания понятия «дальний космос». Это подтверждается употреблением словосочетаний, которые можно соотнести с современным термином «ближний космос»:

Pas twelf tacna synd swa zehiwode on ðam heofenlicum roderum, & synd swa brade þæt hi ze-fyllað twa tida mid hyra up-zanze obbe nyþer-zanze.

(These twelve signs are so formed in the ætherial region, and so large, that they occupy two hours with their rising or setting).

В приведённом отрывке в качестве компонента сверхсловного терминологического словосочетания использовано существительное *(h)roder*, словарное значение которого *the firmament, the heaven of the fixed stars*. Воображаемый небесный свод, небесная твердь доступна человеческому глазу, поэтому в пространственном отношении она может быть соотнесена с современным понятием «ближний космос». Примечательно то, что в современном английском языке выражение *heavenly firmament* (также *firmament of heaven*), функционирующее в основном в поэтическом стиле, воспринимается как метафорическое и, соответственно, является идиомой, в то время как для носителя древнеанглийского языка оно имело буквальный смысл «твердь, сфера неподвижных звёзд» [29]. Автор учебника полагает, что мир, постигаемый человеком, находится в пределах этого «твёрдого неба»:

Middan-eard is ze-haten eall þæt binnan þam firmamentum is. Firmamentum is þeos roderlice heofen, mid manezum steorrum amet. Seo heofen & sæ & eorðe synd ze-hatene middan-eard.

(All that is within the firmament is called the world. The firmament is the ethereal heaven, adorned with many stars; the heaven, and sea, and earth, are called the world).

Ещё одно словосочетание терминологического характера называет космическое пространство как таковое:

Soplice on þam heofenlicum eðele nis nan niht ze-hæfd, ac þaer is sinzal leoht buton ælcum þystrum.
(Truly in the heavenly country there is no night, but there is continual light without any darkness).

Данный отрывок взят из более широкого контекста, в котором описывается природа земной ночи. Ночная темнота правильно объясняется как нахождение земной поверхности в тени, не освещённой лучами солнца. Автор также заявляет, что внеземное пространство наполнено светом. Парадоксальным образом наивное представление средневекового астронома совпадает в этом с постулатами современной физики, согласно которым космос пронизан излучением, в том числе световым.

В составе словосочетания *heofenlic eðel* второй компонент – существительное *eðel* со значением *one's own residence or property, inheritance, country, realm, land, dwelling, home*, что подразумевает метафорическое осмысление космического пространства, которое представляется как обитель или страна. Астроном сопоставляет космос с географическим понятием, перенося значение слова, называющего земное понятие, на понятие внеземное.

Концепт ОРБИТАЛЬНОЕ ВРАЩЕНИЕ

В изучаемом учебнике присутствует общее понимание того, что все космические объекты находятся в движении, которое в своей основе является замкнутым. Однако представление об этом движении коренным образом отличается от современного понимания, согласно которому всякое движение тел осуществляется относительно друг друга. В рамках геоцентрической картины мира, излагаемой в англосаксонском учебнике астрономии, движение всех небесных тел совершается вокруг неподвижной Земли, которая служит отправной точкой всех координат. Таким образом, Земля не относится к космическим объектам. Основное внимание автора приковано к орбитальному вращению Солнца:

*ze-sceop se ælmihtiza scyppend sunnan, & ze-sette hi on ærne merzen on middan east dæle, þær ðæs emnihtes circul is ze-teald, þæt heo æfre ymbe **zeares ymbrynum** þær ðone dæg & þa niht ze-ymnytte on ze-licere wæzan.*

*(the Almighty Creator made the sun, and set her early in the morning in the mid-east where the circle of the equinox is reckoned, that she always after **a year's revolutions** equalize in like measure there the day and night).*

В приведённом контексте использован сверхсловный термин *zeares ymb-ryne*, что в современных терминах можно передать как «цикл орбитального вращения Солнца вокруг Земли продолжительностью один год». В основании древнеанглийского термина лежит стёртая метафора, передающая движение небесных тел как бег и обеспечивающая переосмысление значения композита *ymb-ryne* (*course of a moving body, course of time, revolution, period*, производного от глагола *rinnan* (*бежать*). Следует особо отметить, что здесь речь идёт о воображаемом цикличном изменении солнечной орбиты вокруг Земли¹⁶, годовой сумме орбитальных периодов, а не о единичном орбитальном периоде. Об этом свидетельствует форма множественного числа *ymbrynum* в составе сверхсловного термина. Собственно же понятие «оборот Солнца, солнечный орбитальный период, равный 24 часам» обозначается самим композитом *ymb-ryne* в единственном числе. В таком понимании орбитальных характеристик Солнце уподобляется Луне и является спутником Земли.

Словосочетание *zeares ymb-ryne* характеризовалось устойчивостью употребления и, судя по всему, обладало фразеологическим статусом. Это подтверждается фактами его употребления в других письменных памятниках. В частности, форма с прилагательным *zearlic* (*годовой, годичный*) встречается в гомиетике Эльфрика Грамматика [30, с. 96]:

*Des **zearlica ymryne** us zebrinç efne nu ða clænan tid Lenctenlices fæstenes.*

*(This **yearly course** just now brings us the pure time of the lenten fast).*

По такой же структурной модели построен ещё один сверхсловный термин со значением «траектория движения Солнца», который в анализируемом учебнике астрономии употребляется дважды:

*On sumum earde hi beoð lænzran, on sumon scyrtran, for þære eorðan sceadewunze, & **þære sunnan ymb-zanz**.*

*(In one country they are longer, in another shorter, on account of the earth's shadowing and **the sun's circuit**).*

*Nu is þære eorðan sinewealtnys, þæt **þære sunnan ym-zanz**, hremminz, þæt se dæg ne byð on ælcum earde ze-lice lanz.*

*(Now it is the earth's roundness, and **the sun's circuit**, which hinders the day from being in every country equally long).*

Насколько можно судить, в данных отрывках речь идёт о продолжительности светового дня в зависимости от географического местоположения наблюдателя. Сверхсловный термин *þære sunnan ymb-zanz* (*траектория движения Солнца*) включает в себя отглагольный композит *ymb-zanz* с развитой полисемией. Словарь фиксирует следующие значения: 1) *a going round*; 2) *a going about*; 3) *of extent: traversed or measured, circuit, circumference*; 4) *of position: (on ymbgange) about, around*; 5) *a winding course, bend*; 6) *a going about a business*. В приведённом контексте, очевидно, реализовано пятое значение: согласно автору, орбита Солнца вокруг Земли не зафиксирована, а подвержена цикличному изменению. Солнце движется не по прямой траектории, а по изогнутой, что, с одной стороны, меняет продолжительность светового дня в течение года и, с другой, делает эту продолжительность различной в разных географических точках.

¹⁶ Современный терминологический эквивалент – *nodal regression* (*прецессия линии узлов*) [27].

Заключение

В результате анализа значения, компонентного состава и контекстуального употребления сверхсловных терминов астрономии в тексте англосаксонского учебника астрономии представляется возможным сделать следующие основные выводы:

1) само появление в X веке такого памятника письменности, как учебник астрономии на древнеанглийском языке, свидетельствует о значимости этой дисциплины в обществе той эпохи. Потребность в публичном распространении астрономических знаний обусловила создание учебного текста для людей, не владеющих латинским языком. Наличие нескольких сохранившихся версий учебника и его популярный стиль изложения позволяет сделать предположение о широкой (применительно к Раннему Средневековью) распространённости астрономии как учебной дисциплины;

2) рассмотренные терминологические словосочетания демонстрируют определённые признаки фразеологизации, среди которых можно выделить: а) раздельнооформленность как универсальный для всех единиц признак; б) регулярность употребления – также универсальный признак. Для словосочетаний, не имеющих образной основы, данный признак является главным показателем фразеологического статуса в его фразеоматической разновидности; в) переосмысление значения лексических компонентов, основой которого выступают концептуальные метафоры. Данное явление характерно для каждого второго из рассмотренных словосочетаний, при этом речь в основном идёт о стёртых метафорах;

3) анализируемые фразеологически связанные терминологические словосочетания вербализуют астрономические концепты, принадлежащие к концептосфере культуры. Объём и характер культурно-исторической информации, передаваемой сверхсловными астрономическими терминами, отражают характерную для древнеанглийского общества X века натурфилософскую интерпретацию картины мира в той её части, которая представляет физическое устройство Вселенной.

4) дальнейшее изучение древнеанглийских сверхсловных терминов из различных областей знания имеет существенные перспективы с позиций нескольких лингвистических дисциплин:

- собственно терминологии, в рамках которой рассматривается вопрос о процессе образования и становления ранних терминосистем;
- фразеологии, рассматривающей проблемы фразообразования и фразеологизации, а также соотношения терминологического и фразеологического значений;
- лингвокультурологии, для которой представляет несомненный интерес взаимодействие культуры и языка в их древнем состоянии;
- истории языка, изучающей прошлое состояние и эволюцию языковых систем, в частности фразеологической подсистемы в древнеанглийский период, которая до сих пор не получила должного внимания исследователей.

© Мухин С.В., Ефремова Д.А., 2023

Список сокращений

греч. – греческий, др.-англ. – древнеанглийский, лат. – латинский, нем. – немецкий, пр.-герм. – протогерманский.

Список литературы

1. Астрономический словарь. URL: <http://es.niv.ru/doc/dictionary/astronomy/fc/slovar-209.htm#zag-803> (accessed: 26.06.2021).
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М.: КомКнига, 2007. 576 с.

3. Беляевская Е. Г. Концептуальный анализ: модифицированная версия методов структурной лингвистики? / Е. Г. Беляевская // Когнитивные исследования языка. Вып. 1: Концептуальный анализ языка. М.; Тамбов: Изд. дом Тамб. гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2009. С. 60–68.
4. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии / Г. О. Винокур // Труды МИНФЛИП: сб. статей по языкознанию. Т. V. М., 1939. С. 3–54.
5. Воробьев В. В. О статусе лингвокультурологии / В. В. Воробьев // IX Международный Конгресс МАПРЯЛ. Русский язык, литература и культура на рубеже веков. Т. 2. Братислава, 1999. С. 125–126.
6. Глоссарий. Astronet. URL: <http://www.astronet.ru/db/msg/1171953> (accessed: 07.07.2021).
7. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. М.: Русский язык, 2000. 846 с.
8. Зыкова И. В. Семиотика музыки в построении фразеологического значения (лингвокультурологический подход) / И. В. Зыкова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 4 (033). С. 108–117.
9. Ишмуратова Л. М. Семантическое поле «Война. Военные термины» в древнеанглийском языке / Л. М. Ишмуратова // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. № 2. С. 477–482.
10. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. М.: Высшая школа, Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.
11. Муртазов А. К. Русско-английский астрономический словарь / А. К. Муртазов. Рязань, 2010. 188 с.
12. Нестеренко Ю. В. Церковные календари и пасхалии (математический подход) / Ю. В. Нестеренко // Богословские труды. 2009. № 42. С. 318–362.
13. Никулина Е. А. Терминологизмы как результат взаимодействия и взаимовлияния терминологии и фразеологии современного английского языка / Е. А. Никулина: автореф. дис. ... докт. филол. н. 10.02.04. М., 2005. 40 с.
14. Попова Е. П. Эволюция лексико-семантического поля «правосудие» в английском языке VII–XVII вв. / Е. П. Попова: дис. ... канд. филол. н. 10.02.04. М., 2017. 256 с.
15. Сенека. Письма к Луцилию / Сенека. М., 1977. С. 198–199.
16. Телия В. Н. Предисловие // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / И. С. Брилева, Д. Б. Гудков, В. Н. Телия и др. / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ–ПРЕСС КНИГА, 2006. 782 с.
17. Тюнь А. М. Медицинская лексика в древнеанглийском языке / А. М. Тюнь: дис. ... канд. филол. н. 10.02.04. СПб., 1993. 172 с.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. Т. I. М.: Прогресс, 1986. 576 с.
19. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. СПб.: Специальная Литература, 1996. 192 с.
20. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
21. Anglo-Saxon And Early English Psalter. Vol. I. London, 1843. 351 p.
22. Apollonius of Tyre. URL: <http://genderi.org/apollonius-of-tyre.html?page=3> (accessed: 27.06.2021).
23. Bosworth J. An Anglo-Saxon Dictionary: Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth. London: Oxford University Press, 1964. 1302 p.
24. 'Heaven of Heavens' in the Bible. URL: <https://bible.knowing-jesus.com/phrases/Heaven-of-Heavens> (accessed: 25.06.2021).
25. Kroonen G. Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Lubotsky A. (ed.). Vol. II. Leiden, Boston, 2013. 836 p.
26. Nehemiae. Vulgata Clementina. URL: <https://biblehub.com/vul/nehemiah/9.htm> (accessed: 25.06.2021).
27. Nodal regression description from USENET. 1998. URL: https://yarchive.net/space/orbits/nodal_regression.html (accessed: 11.07.2021).
28. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/word/charles's%20wain> (accessed: 27.06.2021).
29. Report on the Firmament. URL: <https://creationconcept.info/FIRM/RFs.html> (accessed: 26.06.2021).
30. Thorpe B. The Homilies of Ælfric, with an English Translation. London, 1846. 614 p.
31. Wright T. Popular Treatises on Science Written during the Middle Ages, in Anglo-Saxon, Anglo-Norman, and English. London, 1841. 166 p.

References

1. *Astronomicheskii slovar'* [Dictionary of Astronomy], <http://es.niv.ru/doc/dictionary/astronomy/fc/slovar-209.htm#zag-803> (accessed: 26.06.2021).
2. Akhmanova, O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow: KomKniga, 2007. 576 p.
3. Beliaevskaia, E. G. "Kontseptual'nyi analiz: modifitsirovannaia versiia metodov strukturnoi lingvistiki?" [Conceptual Analysis: Modified Version of Structural Linguistics Methods?]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka. Issue 1: Kontseptual'nyi analiz iazyka*. Moscow; Tambov: Izd. dom Tamb. gos. un-ta im. G.R. Derzhavina, 2009, pp. 60–68.
4. Vinokur, G. O. "O nekotorykh iavleniiakh slovoobrazovaniia v russkoi tekhnicheskoi terminologii" [On Some Phenomena of Word-Building in Russian Technical Terminology]. *Trudy MINFLP: sb. statei po iazykoznaniiu*, vol. 5, Moscow, 1939, pp. 3–54.
5. Vorobjev, V. V. "O statuse lingvokul'turologii" [On the Status of Linguoculturology]. IX Mezhdunarodnyi Kongress MAPRIAL. *Russkii iazyk, literatura i kul'tura na rubezhe vekov*, vol. 2, Bratislava, 1999, pp. 125–126.
6. *Glossarii. Astronet* [Glossary. Astronet], <http://www.astronet.ru/db/msg/1171953> (accessed: 07.07.2021).
7. Dvoretiskii, I. Kh. *Latinsko-russkii slovar'* [Latin-Russian Dictionary]. Moscow: Russkii iazyk, 2000. 846 p.

8. Zykova, I. V. Semiotika muzyki v postroenii frazeologicheskogo znachenii (lingvokul'turologicheskii podkhod) [Semiotics of Music in Constructing Phraseological Meaning (Linguocultural Approach)]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2012, # 4 (033), pp. 108–117.
9. Ishmuratova, L. M. Semanticheskoe pole «Voina. Voennye terminy» v drevneangliiskom iazyke [Semantic Field War. War Terms in Old English]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 22, 2017, №2, pp. 477–482.
10. Kunin, A. V. *Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo iazyka* [Course of Modern English Phraseology]. Moscow: Vysshaia shkola, Dubna: Izd. tsentr «Feniks», 1996. 381 p.
11. Murtazov, A. K. *Russko-angliiskii astronomicheskii slovar'* [Russian-English Dictionary of Astronomy]. Riazan', 2010. 188 p.
12. Nesterenko, Iu. V. Tserkovnye kalendari i paskhaliia (matematicheskii podkhod) [Ecclesiastical Calendars and Paschal Cycles (Mathematical Approach)]. *Bogoslovskie trudy*, 2009, pp. 318–362.
13. Nikulina, E. A. *Terminologizmy kak rezul'tat vzaimodeistviia i vzaimovliianiia terminologii i frazeologii sovremennogo angliiskogo iazyka* [Terminologisms as a result of interaction and mutual influence of terminology and phraseology of Modern English]. Abstract of Philology Doct. Diss. Moscow, 2005. 40 p.
14. Popova, E. P. *Evolutsiia leksiko-semanticheskogo polia «pravosudie» v angliiskom iazyke VII–XVII vv.* [Evolution of Lexico-semantic Field Justice in English 7th–17th c.]. Philology Cand. Diss. Moscow, 2017. 256 p.
15. Seneka. *Pis'ma k Lutsiliu* [Letters to Lucilius]. Moscow, 1977. pp. 198–199.
16. Teliia, V. N. Predislovie [Foreword]. *Bol'shoi frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskii kommentarii* [Large Phraseological Dictionary of Russian. Meaning. Use. Culturological Commentary]. I. S. Brileva, D. B. Gudkov, V. N. Teliia et al. V. N. Teliia (ed.). Moscow: AST-PRESS KNIGA, 2006. 782 p.
17. Tiun', A. M. *Meditsinskaia leksika v drevneangliiskom iazyke* [Medical Lexis in Old English]. Philology Cand. Diss. Saint-Petersburg, 1993. 172 p.
18. Fasmer, M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of Russian], vol. 1, Moscow: Progress, 1986. 576 p.
19. Shanskii, N. M. *Frazeologiya sovremennogo russkogo iazyka* [Phraseology of Modern Russian]. Saint-Petersburg: Spetsial'naia Literatura, 1996. 192 p.
20. *Iazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistics. Large Encyclopaedic Dictionary]. V. N. Iartseva (ed.). Moscow: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia, 1998. 685 p.
21. *Anglo-Saxon And Early English Psalter*, vol. I. London, 1843. 351 p.
22. Apollonius of Tyre. [Online], <http://genderi.org/apollonius-of-tyre.html?page=3> (accessed: 27.06.2021).
23. Bosworth, J. *An Anglo-Saxon Dictionary: Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth*. London: Oxford University Press, 1964. 1302 p.
24. 'Heaven of Heavens' in the Bible, <https://bible.knowing-jesus.com/phrases/Heaven-of-Heavens> (accessed: 25.06.2021).
25. Kroonen, G. *Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series*. Lubotsky A. (ed.), vol. II, Leiden, Boston, 2013. 836 p.
26. *Nehemiah. Vulgata Clementina*, <https://biblehub.com/vul/nehemiah/9.htm> (accessed: 25.06.2021).
27. *Nodal regression description from USENET*, https://yarchive.net/space/orbits/nodal_regression.html (accessed: 11.07.2021).
28. Online Etymology Dictionary, <https://www.etymonline.com/word/charles's%20wain> (accessed: 27.06.2021).
29. *Report on the Firmament*, <https://creationconcept.info/FIRM/RFs.html> (accessed: 26.06.2021).
30. Thorpe, B. *The Homilies of Ælfric, with an English Translation*. London, 1846. 614 p.
31. Wright, T. *Popular Treatises on Science Written during the Middle Ages, in Anglo-Saxon, Anglo-Norman, and English*. London, 1841. 166 p.

Сведения об авторах:

Мухин Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1 МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: языковые контакты в области фразеологии, германистика, история английского языка. E-mail: s.muhin@inno.mgimo.ru.

Ефремова Дарья Андреевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка № 1 МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: стилистика текста, биографический жанр, история английского языка. E-mail: efremovadarya@yandex.ru.

About the authors:

Sergey V. Mukhin, PhD, is Assistant Professor of English Language Department №1, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: linguistic contacts in phraseology, Germanic studies, history of English. E-mail: s.muhin@inno.mgimo.ru.

Daria A. Efremova, PhD, is Lecturer of English Language Department №1, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: text stylistics, biographic genre, history of English. E-mail: efremovadarya@yandex.ru.

* * *

PHRASEOLOGICAL UNIT *UNE POMME DE DISCORDE* IN COGNITIVE-DISCURSIVE CONSIDERATION (ON THE MATERIAL OF THE MODERN FRENCH PRESS)

Yulia V. Stepanyuk

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, the Russian Federation

Abstract. This article is focused on the functioning of the phraseological unit *une pomme de discorde* in French from the standpoint of the cognitive-discursive paradigm. The purpose of the work is to present the foundations of the semiosis of the considered phraseological unit as a cognitive scenario, to establish its main components and their transformations in the target areas. The main material was publications in modern French periodicals *Le Monde*, *Le Figaro*, *Liberation*, *L'Obs*, *20 minutes*, *Le Point*, posted on the respective websites, for the period from 2018 to the first half of 2022. In the process of research, methods of observation, description, interpretation, modeling, lexicographic, linguistic, contextual, cognitive analysis were used. The study of the phraseological unit was carried out in several stages: first, its status was determined, then it was studied from the semantic-cognitive and functional-discursive aspects. It was found that *une pomme de discorde* belongs to the group of antique phraseological units and is a phraseological universal. Its phraseological meaning 'a subject of dispute and disagreement' was fixed in the French language in 1680 on the basis of a cognitive scenario dating back to the ancient Greek mythology. Four microsituations were identified in the scenario structure, but none of them is profiled completely in the target area. The transformations of the basic scenario of a dispute (conflict) affected all its main components: the sphere of manifestation, the type of conflict, its dynamics, structure (participants, their goals, the object of the conflict). Target areas – areas of conflicts manifestation, in which the baseline scenario is profiled, were grouped by territorial reference (France or other states) and by thematic areas (internal or international issues). The political, economic and social spheres are mainly represented, less often the cultural ones. By its type, the conflict has transformed from interpersonal to intergroup and interstate, from trilateral to bilateral. The object of conflict in the target areas are mainly material values, less often social and spiritual ones. In general, the objects of conflicts are things and phenomena, and only in exceptional cases – persons. The subjects of conflicts can strive both for the possession of an object or for its rejection. Thus, the phraseological unit of the French language *une pomme de discorde* actualizes the concepts of DISPUTE, CONFLICT and WAR. The wide use of the phraseological unit and a wide variety of areas of purpose prove the relevance of ancient images, the high viability of the phraseological unit under consideration and its high phraseological potential.

Keywords: phraseology of the French language, antique phraseological units, 'une pomme de discorde', cognitive-discursive paradigm, phraseosemiosis, scenario, microsituation, conflict

For citation: Stepanyuk, Y.V. (2023). Phraseological unit *une pomme de discorde* in cognitive-discursive consideration (on the material of the modern French press). *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(2), pp. 62–78. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-2-35-62-78>

ФРАЗЕОЛОГИЗМ *UNE POMME DE DISCORDE* В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОМ РАССМОТРЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ)

Ю.В. Степанюк

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д.1

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению функционирования фразеологизма *une pomme de discorde* во французском языке с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы. Целью работы является представление оснований семиозиса рассматриваемой фразеологической единицы как когнитивного сценария, установление его основных составляющих и их трансформаций в областях цели. Основным материалом послужили публикации в современных французских периодических изданиях «Le Monde», «Le Figaro», «Libération», «L'Obs», «20 minutes», «Le Point», размещённые на соответствующих интернет-сайтах за период с 2018 года по первую половину 2022 года. В процессе исследования использовались методы наблюдения, описания, интерпретации, моделирования, лексикографического, лингвистического, контекстуального, когнитивного анализа. Исследование фразеологизма проводилось в несколько этапов: определялся его статус, далее он изучался со стороны семантико-когнитивного и функционально-дискурсивного аспектов. Было установлено, что *une pomme de discorde* принадлежит к группе античных фразеологизмов и является фразеологической универсалией. Его фразеологическое значение как «предмета спора и разногласия» закрепилось во французском языке в 1680 году на основе когнитивного сценария, восходящего к древнегреческой мифологии. В структуре сценария были выделены четыре микроситуации, но ни одна из них не профилируется полностью в области цели. Трансформации базового сценария спора (конфликта) затронули все его основные составляющие: сферу проявления, тип конфликта, его динамику, структуру (участников, их цели, объект конфликта). Области цели – сферы проявления конфликтов, в которые профилируется базовый сценарий, были сгруппированы по территориальной отнесённости (Франция или другие государства) и по тематическим областям (внутренние или международные вопросы). В основном представлены политическая, экономическая и социальная сферы, реже – культурная. По своему типу конфликт трансформировался из межличностного в межгрупповой и межгосударственный, из трёхстороннего – в двусторонний. Объектом конфликта в областях цели выступают в основном материальные ценности, реже – социальные и духовные. В целом, объектами конфликтов являются предметы и явления и только в исключительных случаях – лица. Субъекты конфликтов могут стремиться как к обладанию объектом, так и к отказу от него. Таким образом, устойчивое словосочетание французского языка *une pomme de discorde* актуализирует концепты СПОР, КОНФЛИКТ и ВОЙНА. Широкая употребительность фразеологизма и большое разнообразие областей цели доказывают востребованность античных образов, высокую жизнеспособность рассматриваемого фразеологизма и его высокий фразеологический потенциал.

Ключевые слова: фразеология французского языка, античные фразеологизмы, *une pomme de discorde*, когнитивно-дискурсивная парадигма, фразеосемиозис, сценарий, микроситуация, конфликт

Для цитирования: Степанюк Ю.В. (2023). Фразеологизм *une pomme de discorde* в когнитивно-дискурсивном рассмотрении (на материале современной французской прессы). *Филологические науки в МГИМО*. 9(2), С. 62–78. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-2-35-62-78>

1. Введение

Исследования устойчивых словосочетаний начались с давних пор, но оформились в самостоятельную лингвистическую дисциплину лишь в начале XX века. И хотя со времён разработчика её основ Шарля Балли уже изучены самые разные аспекты данного пласта лексики, остаётся достаточно проблемных зон и спорных моментов в трактовке многих фразеологических понятий и явлений. В самом общем виде фразеология изучает фразеологизмы, или фразеологические единицы лексической системы языка. Одни исследователи используют термин «фразема» в том же значении, например, Н.Ф. Алефиренко [1], другие, среди которых А.Г. Назарян, рассматривают фразему как один из типов фразеологических единиц [11, с. 61]. Вслед за А.Г. Назаряном, фразеологизмом мы будем считать раздельнооформленную единицу языка, характеризующуюся «полным или частичным семантическим преобразованием компонентов» [11, с. 51].

С изучением фразеологии связаны имена таких отечественных исследователей, как В.В. Виноградов, В.Л. Архангельский, О.С. Ахманова, А.М. Бабкин, С.Г. Гаврин, В.П. Жуков, Б.П. Ларин, С.И. Ожегов, Л.И. Розензон, В.Н. Телия, Н.М. Шанский, А.И. Молотков, Н.Н. Амосова, А.В. Кунин, И.И. Чернышева, М.Д. Городникова, Л.А. Липская, А.Д. Райхштейн, Е.М. Вольф, В.С. Виноградов, Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко, А.М. Мелерович, Ю.А. Гвоздарев, В.М. Мокиенко, А.М. Эмирова, А.И. Федоров, Е.И. Диброва, М.М. Копыленко, З.Д. Попова, Р.Н. Попов, Л.Г. Золотых, М.Л. Ковшова, О.В. Ломакина и многие другие. В области фразеологии французского языка работали В.Г. Гак, Я.И. Рецкер, З.Н. Левит, О.М. Шварц, Э.И. Зибуцайте, А.Г. Назарян, Г.Г. Соколова, А.П. Василенко и другие.

Своего рода второе дыхание изучение фразеологии обрело благодаря использованию подходов и инструментария когнитивной науки в целом и когнитивной лингвистики в частности, что заставило многих авторов как пересмотреть некоторые результаты своих исследований, так и дополнить их новыми. Когнитивная наука изучает «восприятие мира и отражение воспринятого в голове человека», строение мозга, память и организацию «когнитивных способностей человека», в том числе языковую [9, с. 41]. Объектом исследования же когнитивной лингвистики является «язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформации информации» [7, с. 53]. При этом когнитивизм и когнитивная лингвистика лежат в основе когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания наряду с положениями коммуникативной парадигмы [8, с. 16].

Именно в терминах когнитивной лингвистики рассматриваются в последние годы вопросы фразеосемиозиса, поскольку в его основе лежат дискурсивно-событийные механизмы, а именно зафиксированный в языковом сознании концепт, отражающий соответствующее дискурсивное событие [6, с. 29]. Рассматриваемый в данной статье фразеологизм французского языка *une pomme de discorde* (яблоко раздора) относится к фразеологическим универсалиям, включающим «единицы, которые вошли в языки многих народов из исторических (главным образом, античных), мифологических, известных литературных источников...» и которые «в современной лингвокультуре выступают своеобразными семиотическими кодами, которые связаны дискурсивным пространством архетипных мифологем» [6, с. 14], иначе – дискурсивным пространством мифологии [6, с. 20].

Представление фразеосемиозиса в терминах пространства смыкается с теорией ментальных пространств Ж. Фоконье и с основанной на ней теории концептуальной интеграции (концептуального блендинга) Ж. Фоконье и М. Тернера. Также для интерпретации фразеосемиозиса в рамках когнитивной лингвистики в настоящее время регулярно привлекается теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [14], как и другие теории, моделирующие вторичный семиозис, которым характеризуется фразеология, в том числе теория когнитивных областей (профилирования) Р. Лэнекера [15]. Фразеологизмы также рассматриваются как репрезентанты концептов. Нередко обращение и к другим теориям, в частности, к теории прецедентности, где фразеологические универсалии изучаются как прецедентные феномены. Однако, как бы ни рассматривались

основания фразеосемиозиса – как отражение прецедентных феноменов или концептов различного типа, базы /профиля, ментальных пространств и прочее, глубинно эти основания являются сходными, так как они связаны с когнитивными механизмами человеческого мышления. По мнению Н.Н. Болдырева, многие когнитивные исследования объединяет «положение о том, что наши знания организуются с помощью определённых когнитивных моделей» [4, с. 10].

Таким образом, когнитивно-дискурсивный подход позволяет раскрыть глубинные основания фразеосемиозиса, установить и объяснить связи между событийной, концептуальной и языковой сферами. При этом и семантизация фразеологизмов, и когнитивная интерпретация её результатов должны базироваться на анализе словоупотреблений и их контекстов и – шире – на анализе дискурса, в нашем случае – газетно-публицистического как наиболее показательного отражающего современное состояние языка. В рамках любой теории когнитивно-дискурсивные исследования являются многоаспектными и многоэтапными. В настоящей статье рассматриваются семантико-когнитивный, а также функционально-дискурсивный аспекты изучения фразеологизма *une pomme de discorde*.

2. Цели и методы

Таким образом, объектом исследования в данной статье выступает одна из фразеологических универсалий – фразеологизм французского языка *une pomme de discorde* (яблоко раздора), а предметом – семантико-когнитивный и функционально-дискурсивный аспекты его рассмотрения в тесной связи с историко-культурным контекстом. Целью работы является представление оснований семиозиса рассматриваемого фразеологизма как когнитивного сценария, установление его основных составляющих и их трансформаций в областях цели.

Исследование проводилось на базе газетно-публицистического дискурса, а именно, материалов современных французских периодических изданий («Le Monde», «Le Figaro», «L'Obs», «20 minutes», «Le Point», «Libération») за период с 2018 г. по первую половину 2022 года. Методом сплошной выборки были привлечены статьи, содержащие рассматриваемую фразеологическую единицу и размещённые в свободном доступе на интернет-сайтах указанных изданий.

В задачи работы входило рассмотрение этимологии и семантики фразеологизма *une pomme de discorde*, типа данного фразеологизма и когнитивных оснований фразеосемиозиса, которые он репрезентирует, а также – на основе анализа словоупотреблений – установление трансформаций составляющих базового когнитивного сценария в областях цели. Последовательное решение указанных задач образует процедуру исследования.

В работе использовались методы наблюдения, описания, интерпретации, моделирования, лексикографического, лингвистического, контекстуального, когнитивного анализа и ряд других. Теоретическую базу исследования сформировали работы Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Р. Лэнекера, Н.Н. Болдырева, Н.Ф. Алефиренко, А.Г. Назаряна и других.

Новизна работы заключается, в частности, в рассмотрении семиозиса фразеологизма *une pomme de discorde* на основе когнитивного сценария, состоящего из нескольких микроситуаций, а также анализ функционирования рассматриваемого фразеологизма в материалах СМИ последних лет. Гипотеза исследования заключается в том, что когнитивный сценарий, лежащий в основе фразеосемиозиса *une pomme de discorde*, в областях цели претерпит трансформацию своих составляющих. Сам же фразеологизм будет достаточно употребительным, учитывая значительную конфликтогенность современного общества.

3. Анализ и результаты исследования

3.1. Фразеологический статус *une pomme de discorde*

Существуют различные классификации фразеологических единиц, наиболее распространённой из которых является классификация В.В. Виноградова, базирующаяся на признаке структурной устойчивости фразеологизмов и включающая фразеологические сращения, фразеологиче-

ские единства и фразеологические сочетания. Однако А.Г. Назарян высказывает ряд критических замечаний в отношении данной классификации [11, с. 25-28] и предлагает несколько критериев для выделения различных типов фразеологизмов.

Рассматриваемое в данной статье устойчивое словосочетание *une pomme de discorde* на уровне языка в структурном плане является непредикативным фразеологизмом, а именно субстантивной фраземой с подчинительной структурой, построенной по модели «имя существительное с постпозитивным предложным определением» [11, с. 72]. В функциональном плане *une pomme de discorde* представляет собой некоммуникативный фразеологизм, а именно, номинативный. Номинативные фразеологизмы «могут обозначать предметы (вещи и людей), явления, действия, состояние, качество и т.п.» [11, с. 63]. На уровне речи рассматриваемый фразеологизм может выполнять другие функции, например, атрибутивную. По степени смысловой взаимозависимости компонентов фразеологическая единица *une pomme de discorde* является идиомой как обладающая целостным, глобальным значением [11, с. 65], которое будет раскрыто ниже.

3.2. Семантико-когнитивный аспект

Несмотря на то, что фразеологизм *une pomme de discorde* является фразеологической универсалией, то есть он представлен во многих языках мира и имеет в них сходное, если не одинаковое, значение, для изучения семантики фразеологизма необходимо привлечь лексикографические источники на французском языке. Так, вхождение рассматриваемой единицы во французский язык датируется 1680 годом [17] и определяется в словаре «Le Petit Robert» как «sujet de discussion et de division (Allusion à la pomme que Pâris remit à Vénus, suscitant ainsi la haine de Junon et de Minerve)» («предмет спора и разногласия (намёк на яблоко, которое Парис вручил Венере, вызвав таким образом гнев Юноны и Минервы)» – здесь и далее перевод наш – Ю.С.) [16, с. 549]. В данном определении используются латинские эквиваленты имён греческих богинь Афродиты, Геры и Афины как более привычные для французов.

В словаре «Le Trésor de la langue française informatisé» представлено сходное толкование: «Sujet, cause de désaccord» («предмет, причина разногласий») [17]. Однако мифологическая справка содержит больше подробностей: «P. réf. plus ou moins implicite à la pomme d'or portant l'inscription «À la plus belle » que la Discorde offensée de n'avoir pas été invitée aux noces de Thétis et de Pelée, jeta parmi les dieux et qui fut attribuée par Pâris à Vénus, suscitant la haine des autres déesses» («с более или менее скрытой отсылкой к золотому яблоку с надписью “Прекраснейшей”, которое богиня Раздора, оскорблённая тем, что не была приглашена на свадьбу Фетиды и Пелея, подбросила богам и которое Парис присудил Венере, вызвав гнев остальных богинь») [17].

В электронном словаре «L'Internaute» даётся чуть более развёрнутое определение рассматриваемого фразеологизма: «Le sujet d'une dispute, le motif d'un désaccord, la source d'une mésentente» («Предмет спора, повод для разногласия, источник ссоры») [18], и происхождение его раскрывается ещё более подробно, чем в приведённых выше словарях. Однако, по некоторым данным, «яблоком» раздора было вовсе не яблоко, а гранат [13].

Переходя к когнитивному аспекту, отметим, что, в целом, концепт представляет собой «дискретное ментальное образование» [12, с. 24]. Что касается типа концепта, связанного с рассматриваемым фразеологизмом, то можно считать, что в содержательном плане (по тематической области) античные фразеологизмы репрезентируют культурно-обусловленные концепты, которые следует отнести к неязыковым, то есть событийным, или ситуационным концептам [3, с. 52]. Именно поэтому в структурном плане подобные концепты являются сложными.

Фразеологизм же *une pomme de discorde* репрезентирует такой вид сложного, многокомпонентного концепта, или концептуальной структуры, как сценарий (скрипт) [3, с. 53] – «динамически представленный фрейм как разворачиваемая во времени определённая последовательность конкретных этапов, эпизодов, фрагментов» [3, с. 55]. Фрейм же, в свою очередь, «определяется как когнитивная структура, которая формируется клише и штампами сознания и в итоге представляет собой “пучок” предсказуемых валентных связей (слотов) и ими предопределяемых ассоциаций» [1, с. 11]. По определению Н.Н. Болдырева, фрейм – это «объёмный многокомпонентный

концепт, представляющий собой “пакет” информации, знания о стереотипной, часто повторяющейся ситуации» [3, с. 54]. Н.Ф. Алефиренко считает сценарий (скрипт) «наиболее общей когнитивной единицей организации знания, вербализуемого фраземами» и понимает под ним связную «последовательность событий» [1, с. 12], или «стереотипную последовательность действий, выполняемых в динамичной ситуации» [1, с. 15]. По мнению исследователя, «сценарий состоит из так называемых *виньеток* – вербальных или невербальных репрезентаций событий коммуниканта, его поведения, окружения и т.д. Виньетка рассматривается как набор некоторых схем» [1, с. 12]. Виньетки и слоты отражают многокомпонентный характер сценариев и фреймов. Фразеологические универсалии, и в том числе *une pomme de discorde*, «возводя» к целому комплексу составляющих сценария, неизбежно вызывают появление инференций.

Функционально-дискурсивный анализ фразеологизма *une pomme de discorde* может быть проведён только после реализации семантико-когнитивного анализа оснований семиозиса данной единицы. Когнитивный анализ ведётся, в частности, с опорой на теорию концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [14] и понятия области цели и области источника, а также на теорию профилирования когнитивных областей Р. Лэнекера [15] и понятия базы и профиля. Также был привлечён понятийный аппарат конфликтологии. Целью данного анализа является, во-первых, установление составляющих базового когнитивного сценария, формирующих область источника, во-вторых, определение областей цели (тематических областей), в которые осуществляется профилирование при актуализации фразеологизма, и, в-третьих, выявление трансформаций составляющих базового когнитивного сценария в областях цели.

Так, базой для фразеосемиозиса фразеологизма *une pomme de discorde* является когнитивный сценарий спора (конфликта), восходящий к античной (древнегреческой) мифологии, все ситуации и участники которого закреплены как факты историко-культурного наследия Древней Греции [10, с. 188-189, 296]. Конфликт в общем виде определяется как «способ развития и завершения противоречий» [2, с. 39]. Конфликты изучаются в конфликтологии и рассматриваются в ней, прежде всего, со стороны их типологии, структуры, динамики, функций, генезиса и предупреждения. Единицей анализа конфликтов является конфликтная ситуация – «наименьшая целостная неделимая часть конфликта, обладающая всеми его основными свойствами» [2, с. 55]. В структуре сценария, репрезентируемого рассматриваемым фразеологизмом, можно выделить несколько коммуникативных микроситуаций, являющихся своеобразными «виньетками», или базовыми когнитивными областями. Данные ситуации представляют собой конфликтные ситуации, отражающие различные стадии развития конфликта. В самом сценарии можно выделить шесть основных участников и четыре микроситуации с разным набором участников и количеством речевых и неречевых действий [10, с. 188-189, 296].

Микроситуация 1. Косвенный участник: провокатор – каузатор последующих ситуаций и событий, введший предмет спора.

Обидевшись на то, что её не пригласили на свадьбу Пелея и Фетиды, морской богини, Эрида, богиня раздора, стремясь отомстить, подбрасывает на стол гостей золотое яблоко с надписью «прекраснейшей» – грядущий предмет спора и объект конфликта.

Микроситуация 2. Прямые участники: субъекты конфликта – три претендентки на обладание предметом спора.

Богини Гера, Афина и Афродита затеяли спор, так как каждая желала обладать яблоком.

Микроситуация 3. Участники: прямые участники, субъекты конфликта – три претендентки на обладание предметом спора; косвенный участник, третейский судья – стороннее лицо, привлечённое ими для разрешения спора.

Богини Гера, Афина и Афродита попросили Зевса, царя богов и людей, рассудить их, однако Зевс, не захотев участвовать в этом споре, направил их к Парису.

Микроситуация 4. Участники: прямые участники, субъекты конфликта – три претендентки на обладание предметом спора; косвенный участник, второй третейский судья – второе стороннее лицо, которому первое стороннее лицо делегировало полномочия для разрешения спора.

Богини Гера, Афина и Афродита, повинувшись Зевсу, обратились к Парису, троянскому царевичу, чтобы он их рассудил. Каждая сулила ему определённые блага: Гера – власть и богатство, Афина – мудрость и военную славу, Афродита – любовь Елены, жены царя Спарты Менелая. Парис разрешил спор, отдав яблоко Афродите, польстившись на её посулы и настроив против себя Геру и Афины.

Решение Париса, однако, имело намного более серьёзные последствия, так как последующее похищение им Елены (с помощью Афродиты) привело к Троянской войне и в итоге к смерти самого Париса. Однако фразеологизм *une pomme de discorde* напрямую с этими ситуациями уже не связан.

По своему типу рассматриваемый конфликт является стихийно возникшим, межличностным, трёхсторонним. В своей динамике данный конфликт проходит все основные периоды и стадии развития (предконфликт, собственно конфликт и послеконфликтная ситуация) [2, с. 135]. Интересно отметить, что в толкованиях фразеологизма *une pomme de discorde* в разных словарях могут отражаться разные микроситуации. Так, например, в приведённом выше толковании из словаря «Le Petit Robert» раскрывается микроситуация 4, а в словаре «Le Trésor de la langue française informatisé» – микроситуации 1 и 4. При этом собственно конфликт связан, прежде всего, с микроситуацией 2.

Устойчивое словосочетание *une pomme de discorde* номинирует объект конфликта, присутствующий во всех микроситуациях. В конфликтологии объект конфликта рассматривается как причина, повод к конфликту и может представлять собой материальную (ресурсы), социальную (власть, статус) или духовную (идея, норма, принцип) ценность [2, с. 101], [5, с. 37], «к обладанию или пользованию которой стремятся оба оппонента» [2, с. 101]. В рассматриваемом конфликте объектом его является, с одной стороны, статус «прекраснейшей», а с другой – золотое яблоко как символ обладания этим статусом, его материальное воплощение. Предмет конфликта представляет собой проблему, лежащую «в основе конфликта», «противоречие, из-за которого и ради разрешения которого стороны вступают в противоборство» [2, с. 101]. Политеистический характер среды – древнегреческой античной мифологии – является той почвой, на которой возникли многие античные конфликты. Поэтому предметом рассматриваемого конфликта можно считать постоянную борьбу древнегреческих богов за превосходство и за сферы влияния.

3.3. Функционально-дискурсивный аспект

При проведении функционально-дискурсивного анализа материала исследования (с привлечением понятийного аппарата конфликтологии) был поставлен ряд задач. Во-первых, выяснение, путём изучения контекстов словоупотреблений фразеологизма *une pomme de discorde*, к каким областям цели (сферам проявления конфликта) отсылает рассматриваемое устойчивое словосочетание. Во-вторых, определение таких основных составляющих сценария спора (структуры конфликта), как участники (субъекты, стороны) конфликта и их цели. В-третьих, выявление того, что именно выступает предметом спора (объектом конфликта), по мнению авторов статей из французских периодических изданий, и какой характер этот предмет носит – одушевлённый или неодушевлённый, абстрактный или конкретный, материальный, социальный или духовный. В-четвёртых, установление микроситуаций базового сценария (стадий развития конфликта), профилирующихся чаще, а также типов конфликтов, репрезентируемых рассматриваемым фразеологизмом.

А.Г. Назарян считал фразеологический контекст актуализатором фразеологической единицы и определял его как отрезок речи, состоящий «из переменных слов и словосочетаний», необходимых «для актуализации указанной единицы» [11, с. 67]. В рассмотренных материалах исследования фразеологизм *une pomme de discorde* в основном оказался включён в контексты, отражающие сферы проявления конфликта, иначе – когнитивные области цели.

3.3.1. Сферы проявления конфликта

Традиционно по сфере проявления конфликта выделяют экономические, политические, социальные, бытовые и культурные конфликты. Однако материал исследования заставляет более детально подойти к их классификации. Так, в результате функционально-дискурсивного и семантико-когнитивного анализа, области цели были сгруппированы, с одной стороны, по территориальной отнесённости (Франция или другие государства и территории), а с другой – по тематическим областям, то есть сферам проявления конфликта (внутренние вопросы, прежде всего, Франции; вопросы сотрудничества во Франции и с участием Франции; международные вопросы без участия Франции).

Что касается внутренних проблем французского государства, то за рассматриваемый период они возникали в самых разных сферах, а фразеологизм *une pomme de discorde* оказался связан с самыми разными областями цели, так как поводов для разногласий в стране наблюдалось немало. Области представлены в порядке от наиболее к наименее освещённым в рассматриваемых материалах на указанных выше ресурсах. В рамках широких тематических областей приводятся конкретные примеры ситуаций разногласий (номер примера указан в скобках):

- социальная сфера, например, взаимодействие правительства и профсоюзов (1), возраст выхода на пенсию (2), краткосрочные трудовые контракты (3), статус шофёров компании «Uber» (4):
 - (1) *Les pommes de discorde ne manquent pas entre le syndicat et l'Elysée* («L'Obs», 04.06.2018);
 - (2) *C'est une véritable pomme de discorde en France. Faut-il faire passer l'âge légal de départ à la retraite à 65 ans?* («Le Figaro», 26.03.2019);
 - (3) *Principale pomme de discorde : la lutte contre les contrats courts* («L'Obs», 15.02.2018);
 - (4) *Ce lundi, le conseil des prud'hommes de Paris devait rendre sa décision sur une pomme de discorde qui peut se résumer en une question: les chauffeurs Uber sont-ils des salariés de la plateforme de réservation en ligne de chauffeurs?* («Le Figaro», 11.03.2019);
- деятельность предприятий, например, условия заключения договоров между компаниями (5), приватизация «Aéroports de Paris» (6):
 - (5) *Le ton est monté d'un cran entre le groupement RATP-SNCF Voyageurs d'un côté et Alstom, de l'autre. La pomme de discorde porte sur les conditions du méga-contrat de 2,56 milliards d'euros visant à équiper le RER B de 146 nouvelles rames à compter de la fin 2025* («Le Figaro», 05.02.2021);
 - (6) *La privatisation de l'entreprise [Aéroports de Paris] est la pomme de discorde actuelle du projet de loi Pacte* («Le Figaro», 13.03.2019);
- энергетика, например, законодательство в области энергетики (7), конкурентоспособность возобновляемых источников энергии (8):
 - (7) *Autre pomme de discorde, la réglementation énergétique RE 2020, qui prévoit l'interdiction du gaz dans les bâtiments neufs d'ici 2024* («Le Figaro», 28.01.2021);
 - (8) *...la compétitivité des énergies vertes est aussi une pomme de discorde* («Le Figaro», 02.07.2019);
- экология, например, производство перерабатываемых упаковок (9), нарушение законов урбанизма и защиты окружающей среды (10), выдача автомобильных этикеток Crit'Air 1 (11):
 - (9) *La guerre est bel et bien déclarée entre les deux entreprises spécialisées dans les compotes. La pomme de discorde : l'emballage recyclable* («Le Monde», 24.10.2020);
 - (10) *Mais la principale pomme de discorde entre majorité et oppositions a porté sur les dérogations aux règles d'urbanisme et de protection de l'environnement prévues dans le texte pour accélérer les travaux* («Le Figaro», 16.07.2019);
 - (11) *La vignette Crit'Air 1, pomme de discorde au sein du gouvernement, a de nouveau été évoquée* («Le Figaro», 11.03.2019);
- работа и решения государственных органов власти (12); при этом ситуации можно рас-
пределить и по другим тематическим областям в зависимости от решаемого вопроса:
 - (12) *Pomme de discorde, le volet organique comporte bien une «diminution des effectifs qui aboutit à une réduction de 25%, en fixant à 433 le nombre de députés et à 261 le nombre de sénateurs...»* («L'Obs», 28.08.2019);

- межпартийные и внутрипартийные разногласия (13), (14), (15):

(13) *Derrière la guéguerre entre Hidalgo et les écolos, la pomme de discorde de la gauche* («L'Obs», 25.11.2020);

(14) *L'alliance avec La République en marche avait été la pomme de discorde entre M. Hénart et la co-présidente Sylvia Pinel, l'ancienne patronne du Parti radical de gauche...* («L'Obs», 10.03.2019);

(15) *Longtemps, cette question a constitué une pomme de discorde majeure au sein de la gauche entre révolutionnaires et réformistes* («L'Obs», 15.01.2019);
 - проблемы, вызванные пандемией Ковид-19, например, вопросы вакцинации, меры защиты от инфекции, санитарные пропуска (16), кризисный бюджет (17), оплата коммунальных услуг (18) и охота (19) в условиях пандемии:

(16) *Gestes barrière, vaccination, passe sanitaire... Ces pommes de discorde ont envahi tous les compartiments de la vie quotidienne, dans le cercle familial et amical, et le monde du travail ne fait pas exception* («Le Figaro», 31.08.2021);

(17) *Autre pomme de discorde, les 20 milliards d'euros prévus pour recapitaliser des entreprises stratégiques en difficulté, notamment dans l'aéronautique et l'automobile* («L'Obs», 18.04.2020);

(18) *Immobilier: bailleurs et commerçants s'affrontent sur le paiement des loyers du confinement. [...] Une pomme de discorde majeure* («Le Figaro», 08.06.2020);

(19) *La chasse autorisée en temps de confinement, une pomme de discorde* («Le Monde», 16.11.2020);
 - обращение с животными, в том числе вопросы содержания диких животных в передвижных цирках (20), вопросы стерилизации бродячих животных (21):

(20) *Principale pomme de discorde initiale, le devenir du millier d'animaux sauvages dans les 120 cirques itinérants actuels a fait l'objet d'un compromis* («L'Obs», 18.11.2021);

(21) *La question d'une possible obligation de stérilisation par les communes, prévue initialement, était une pomme de discorde entre Assemblée et Sénat* («L'Obs», 16.11.2021);
 - сельское хозяйство, например, калибровка фруктов для продажи: (22) «*L'abricot, pomme de discorde*». *La Confédération paysanne [...] conteste une norme sur la commercialisation des abricots en circuit court, qui impose de calibrer les fruits* («Le Monde», 18.05.2019);
 - указания Министерства национального образования экзаменаторам в школах: (23) *Autre pomme de discorde avec la Rue de Grenelle : les consignes de bienveillance qu'ont reçues les profs* («20 minutes», 16.06.2021);
 - феминизация языка: (24) *Seule la pomme de discorde a changé. [...] Faut-il féminiser la langue?* («Le Figaro», 10.10.2018);
 - локальные проблемы в крупных городах, таких как Руан, Лилль (25), Страсбург, а также ряд более мелких проблем разного уровня:

(25) *Baly a toutefois estimé que «le vent du changement a soufflé» à Lille et mis en garde la maire contre tout passage en force sur un projet d'aménagement d'une friche en centre-ville, grosse pomme de discorde entre les désormais ex-partenaires* («L'Obs», 29.06.2020).
- Международное сотрудничество Франции с другими государствами также не лишено разногласий, как и решение внутренних проблем. Фразеологизм *une pomme de discorde* маркирует различные спорные моменты во многих областях:
- экология: (26) *L'écologie, une pomme de discorde* («Le Figaro», 30.05.2021), Франция–Германия;
 - климат: (27) *...Emmanuel Macron a durci le ton ce mercredi sur la question du climat, pomme de discorde persistante avec les Etats-Unis* («Le Figaro», 26.06.2019), Франция–США;
 - энергетика, в особенности атомная энергетика (28) и ядерный вопрос (29):

(28) *Concernant le nucléaire, autre pomme de discorde, la Commission avait déjà prévu de différer sa possible qualification comme énergie «durable», en dépit de l'appui très actif de plusieurs pays – France en tête – en faveur de l'atome civil* («Le Figaro», 21.04.2021), Франция–Великобритания;

(29) *Emmanuel Macron entend aussi mettre sur la table une autre pomme de discorde avec Donald Trump, l'accord sur le nucléaire iranien...* («L'Obs» 24.08.2019), Франция–США;
 - сельское хозяйство (30) и продовольствие, например, рыбная ловля в британских водах (31):

(30) *La PAC, une pomme de discorde entre Macron et Merkel* («20 minutes», 24.02.2019), Франция–Германия;

(31) *Or, la pêche, et donc l'accès aux eaux britanniques très poissonneuses, fait partie des principales pommes de discorde* («Le Figaro», 03.12.2020), Франция–Великобритания;

- торговля, в том числе экспорт оружия: (32) *Ils essaieront aussi d'élaborer des règles communes sur les exportations d'armes, une des pommes de discorde entre Paris et Berlin* («L'Obs», 15.10.2019), Франция–Германия;

- пошлины: (33) *Les négociations internationales sur la taxation du numérique, pomme de discorde récurrente entre Washington et Paris, se retrouvent dans l'impasse...* («L'Obs», 18.06.2020), Франция–США;

- миграция населения: (34) *Mais le sujet le plus brûlant reste celui des migrants, principale pomme de discorde entre les deux capitales ces derniers mois* («20 minutes», 17.09.2019), Франция–Италия.

Среди стран, наиболее часто упоминающихся в контексте разногласий с французским государством, присутствуют США, Германия, Великобритания и Италия, являющиеся, за исключением США, ближайшими соседями Франции.

Достаточно острые конфликты между различными государствами возникают из-за территориальных притязаний. В этой сфере можно выделить несколько областей, связанных с рассматриваемым фразеологизмом:

- оспаривание государствами отдельных территорий, таких как, например, Иерусалим (35), Кашмир (36), треугольник Халайба (37), Фолклендские (Мальвинские) острова (38), Тайвань (39), Карабах (40):

(35) *Le statut de Jérusalem est l'une des principales pommes de discorde entre Israël et les Palestiniens* («L'Obs», 11.05.2021), Израиль–Палестина;

(36) *Le Cachemire, pomme de discorde entre l'Inde et le Pakistan depuis 1947...* («L'Obs», 05.08.2019), Индия–Пакистан;

(37) *Mais, pendant des années, la principale pomme de discorde a été le triangle de Halaïb, un territoire de 20.000 km² situé sur les rives de la mer Rouge, administré par l'Égypte mais sur lequel le Soudan affirme avoir un « droit de souveraineté »* («Le Figaro», 09.09.2019), Египет–Судан;

(38) *Les Malouines ont constitué une pomme de discorde récurrente entre les deux États, régulièrement utilisée pour raviver les sentiments nationalistes et anti-anglais* («L'Obs», 28.11.2020), Аргентина–США;

(39) *Taiwan, autre pomme de la discorde* («20 minutes», 26.05.2022), Китай–США;

(40) *La province disputée du Karabakh – peuplée d'Arméniens mais rattachée à dessein à l'Azerbaïdjan par Staline – est depuis un siècle une pomme de discorde entre les deux ex-républiques soviétiques* («L'Obs», 29.09.2020), Армения–Азербайджан;

- оспаривание государствами или территориями прав на разработку нефтегазовых месторождений, например, на Кипре (41) и на Ближнем Востоке (42), (43):

(41) *La pomme de discorde vient du gaz enfoui sous les fonds marins chypriotes* («Le Figaro», 03.06.2019), Турция–Евросоюз;

(42) *L'or noir est la principale pomme de discorde entre le Kurdistan et l'Etat irakien* («L'Obs», 13.07.2019), Курдистан–Ирак;

(43) *Le pétrole est la principale pomme de discorde entre Bagdad et Erbil...* («Le Figaro», 01.07.2020), Ирак–Курдистан;

- использование общих или нейтральных территорий, например, рыбная ловля в британских водах: (44) *Londres et Oslo avaient déjà annoncé fin septembre avoir conclu un accord sur la pêche, une des principales pommes de discorde qui demeurent entre Londres et l'Union européenne dans leurs négociations post-Brexit* («Le Figaro», 21.10.2020), Великобритания–Евросоюз;

- позиция по вышеуказанным вопросам других государств, например, обсуждение присоединения Крыма к России (45), ситуации на Украине (46), статуса Калининграда и Калининградской области (47):

(45) *Cet accrochage constitue une première et révèle les tensions persistantes en mer Noire depuis l'annexion de la Crimée par la Russie en 2014. Une pomme de discorde constante entre Moscou et les Occidentaux...* («Le Figaro», 25.06.2021), Россия – западные страны;

(46) *Pour ce qui est de la situation en Ukraine, autre pomme de discorde entre les Européens et la Russie, le président français a plaidé devant son homologue pour un sommet à quatre...* («L'Obs», 19.08.2019), Россия – европейские страны;

(47) *Pourquoi Kaliningrad est la nouvelle pomme de discorde avec la Russie* («Le Point», 23.06.2022).

Также разногласия могут вызывать другие аспекты международного сотрудничества в самых разных областях, на что указывает использование фразеологизма *une pomme de discorde*:

- широкое экономическое и торговое сотрудничество, например, условия договора между Евросоюзом и группой общего рынка МЕРКОСУР (48), перспективы договора Алена (49):

(48) *Seconde pomme de discorde: l'accord entre le Mercosur et l'Union européenne* («Le Figaro», 31.08.2019), страны Южной Америки – Евросоюз;

(49) *Autre pomme de discorde entre Ottawa et Washington, l'avenir de l'accord de libre-échange nord-américain (Aléna) qui lie Canada, Etats-Unis et Mexique* («L'Obs», 07.06.2018), Канада–США;

- энергетика, например, позиция по строительству газопровода Норд Стрим 2: (50) *Concernant le gazoduc Nord Stream 2, âpre pomme de discorde entre Washington et Berlin...* («Le Figaro», 23.06.2021), Германия–США;

- различные административные вопросы как на государственном уровне, например, связанные с Брекситом (51), так и на уровне отдельных организаций:

(51) *Il a notamment fait état mercredi de progrès sur la frontière irlandaise, principale pomme de discorde entre Londres et Bruxelles* («L'Obs», 25.09.2019), Великобритания–Евросоюз;

- миграция в Европе: (52) *Le règlement de Dublin est l'une des principales pommes de discorde de la question migratoire en Europe* («Le Figaro», 03.07.2019), европейские страны;

- торговля (53) и пошлины:

(53) *L'automobile – pomme de discorde entre le président américain et l'Europe...* («L'Obs», 28.06.2018), европейские страны – США;

- оборона: (54) *Armement : L'avion de combat F-16, nouvelle pomme de discorde entre Washington et Ankara?* («20 minutes», 29.10.2021), Турция–США;

- реституция культурных ценностей и исторических артефактов, например, таких как голова Тутанхамона (55), Розетский камень (56), и другие более частные спорные вопросы:

(55) *Pomme de discorde entre Londres et Le Caire, la tête de Toutankhamon vendue 5 millions d'euros* («Le Figaro», 05.07.2019), Египет–Великобритания;

(56) *Une pomme de discorde inscrite dans le temps. L'Égypte réclame à cor et à cri depuis des années à Londres la restitution de la pierre de Rosette, la stèle qui a permis à Champollion de déchiffrer les hiéroglyphes* («Le Figaro», 08.11.2018), Египет–Великобритания.

Внутренние проблемы отдельных стран не слишком часто маркируются с помощью фразеологизма *une pomme de discorde* в материалах французской периодической печати. Если же подобное употребление встречается, то тематические области и предметы разногласий могут быть самыми разными, от содержания учебников истории в Таиланде (57) и бетонирования территории вокруг Акрополя в Афинах (58) до утверждения состава независимой избирательной комиссии в Кот-д'Ивуар (59):

(57) *Les manuels d'histoire sont une pomme de discorde particulière dans un pays qui a connu une douzaine de coups d'État depuis la fin de la monarchie absolue en 1932* («L'Obs», 20.11.2020);

(58) *Les qualificatifs ne manquent pas, en Grèce, au sujet de la nouvelle pomme de discorde, au goût de ciment frais, qui a germé au sommet de l'Acropole athénienne* («Le Figaro», 28.04.2021);

(59) *Evoquant les prochaines élections, Alassane Ouattara a dit avoir demandé au gouvernement de «réexaminer la composition de la Commission électorale indépendante», une pomme de discorde depuis des années entre le régime et l'opposition...* («L'Obs», 07.08.2018).

Таким образом, фразеологизм *une pomme de discorde*, согласно материалам современных периодических изданий, в областях цели репрезентирует в основном политические, экономические и социальные конфликты, в редких случаях – культурные. При этом бытовых конфликтов выявлено не было.

3.3.2. Участники и объект конфликта

В базовом сценарии спора, репрезентируемого устойчивым словосочетанием *une pomme de discorde*, были выявлены три прямых участника и три косвенных (провокатор и двое медиаторов – третейских судей). Таким образом, конфликт был трёхсторонним и межличностным. Прямыми участниками же конфликтных ситуаций в различных областях цели, выявленных в материалах прессы, выступают не только и не столько отдельные лица, как в базовом сценарии. В подавляющем большинстве случаев речь идёт о совокупности лиц (*réformistes, commerçants, professeurs*), нередко обозначаемых именем существительным с собирательным или метонимическим значением (*syndicat, gouvernement, ministère*), о компаниях и предприятиях, о партиях и странах (нередко метонимически обозначаемых по названию столицы и /или по имени главы партии или государства), а также о группах стран (*l'Union européenne*). Нередко субъектами конфликта выступают отдельные группы лиц и государство (примеры №1, 2, 22, 23, 58 и др.). Таким образом, в областях цели реализуются в основном межгрупповые (примеры №4, 5, 9, 13, 15, 18, 21 и др.) и межгосударственные (примеры №26-56 и др.) конфликты.

Базовый сценарий конфликта включал трёх прямых участников (точнее, участниц), то есть конфликт был трёхсторонним. Однако анализ материала исследования показал, что трёхсторонние разногласия достаточно редко обозначаются эксплицитно (как, например, по условиям договора Алена между Канадой, Мексикой и США). Чаще, если участников конфликта оказывается больше двух, авторы публикаций стремятся свести подобные конфликты к двусторонним, максимально объединяя участников по общности интересов в конфликте, например, *les Occidentaux* (западные страны) – *la Russie* или *la Grande Bretagne* – *l'Union européenne*, ведущие переговоры по соглашению о рыбной ловле, хотя соглашения заключались Великобританией с отдельными странами, такими как Норвегия и Франция. В подавляющем большинстве материалов речь идёт о двусторонних конфликтах, при этом каждая из сторон может обозначаться собирательно. Интересно отметить, что разногласий между двумя или тремя отдельными лицами, то есть межличностных конфликтов (за исключением, например, глав государств, представляющих страны) в материалах практически не обнаружено. И даже конфликты, на первый взгляд кажущиеся межличностными, оказываются межгрупповыми. Так, в примере №25 речь идёт о разногласиях по вопросам благоустройства городской территории, но отдельные лица – субъекты конфликта – выступают выразителями воли групп лиц (горожан). Таким образом, в области цели профилируется самая общая ситуация конфликта, как правило, с двумя (или более) группами участников, что говорит в пользу того, что фразеологизм *une pomme de discorde* актуализирует общие концепты СПОР, КОНФЛИКТ и ВОЙНА.

В рамках базового сценария предметом спора выступало золотое яблоко как определённый символ превосходства, которое получала его обладательница над остальными претендентками. Как бы то ни было, *une pomme de discorde* – яблоко – являлось материальным предметом, обозначаемым неодушевлённым именем существительным с конкретным (предметным) значением. Из рассмотренных материалов следует, что лишь в двух случаях в качестве *une pomme de discorde* выступали лица (60), во всех остальных случаях речь шла о неодушевлённых предметах и явлениях, которые могут иметь как конкретный, так и абстрактный характер:

(60) *Figure controversée en Corse, Charles Pieri apparaît aujourd'hui comme une pomme de discorde entre les deux chefs de file de la majorité nationaliste qui dirigent les institutions corses* («L'Obs», 11.09.2018).

При этом разнообразие «предметов» разногласий значительно. Частично они были представлены выше при рассмотрении сфер проявления конфликта – тематических областей, в которые профилируются фрагменты базового сценария. Таким образом, к «предметам» разногласий могут относиться: условия договоров самого разного уровня; содержание различных постановлений, указов, распоряжений и реформ; внутренняя и внешняя политика государства, в том числе ценовая и зарплатная; позиция глав государств и партий по различным вопросам; строительство отдельных объектов; феминизация французского языка; отдельные территории и месторождения; материальные культурные ценности; содержание учебников истории и отдельных статей, а также многое другое.

В терминах конфликтологии, объектом конфликта, репрезентируемым фразеологизмом *une pomme de discorde*, могут выступать в настоящее время, согласно рассмотренным материалам, все виды ценностей: материальные, социальные и духовные. Так, к материальным ценностям относятся различного рода ресурсы: природно-сырьевые (примеры №42, 43 и др.), продовольственные (пример №44 и др.), промтоварные (пример №54 и др.), финансовые (примеры №5, 17 и др.), территориальные (примеры № 31, 34, 37-39, 41 и др.), культурные (примеры №56, 57 и др.) и даже человеческие (примеры №12, 35 и др.). Причём для участников конфликтов указанные материальные ценности представляют, как правило, самостоятельный интерес, а не символический, как в базовом сценарии. Социальные ценности в качестве объекта конфликта также представлены в корпусе исследования, так как нередко межгрупповые и межгосударственные разногласия оказываются прямо или косвенно связанными со статусом групп лиц, государств или отдельных территорий по тому или иному критерию (примеры № 4, 6, 36 и др.). Духовные ценности, связанные с различными идеями, нормами и принципами, также становятся объектами конфликтов в современном обществе, причём в самых разных сферах (примеры №10, 14, 23, 58 и др.). Таким образом, характер предмета спора также подвергся трансформации в областях цели по сравнению с базовым сценарием.

Помимо этого, «в конфликтологии выделяют три типа объектов конфликта: ... объекты, которые не могут быть разделены на части, владеть ими совместно с кем-нибудь невозможно; ... объекты, которые могут быть разделены на части в различных пропорциях; ... объекты, которыми участники конфликта могут владеть совместно» [5, с. 35]. В базовом сценарии прямые участники конфликта боролись за обладание объектом первого типа, носящим неделимый характер в обоих своих аспектах – социальном (статус «прекраснейшей») и материальном (золотое яблоко, подтверждающее этот статус). В материалах же современной прессы фразеологизм *une pomme de discorde* репрезентирует объекты всех трёх типов (хотя и не всегда поддающихся однозначной трактовке): неделимый (примеры №56, 57 и др.), делимый (примеры №6, 17 и др.), совместного пользования (примеры №31, 44 и др.). Однако восприятие одного и того же объекта субъектами конфликта может быть совершенно разным, что также доказывает трансформацию базового сценария. Так, например, Великобритания считала свои воды неделимым объектом, в отличие от Евросоюза, добивавшегося совместного пользования ими (примеры №31, 44). Кроме того, совмещение в одном объекте конфликта социального и материального аспектов, как в базовом сценарии, очень редко встречается в рассматриваемых материалах. К подобному объекту можно отнести автомобильные этикетки Crit'Air 1 (пример №11), выдаваемые автовладельцам и символизирующие степень экологичности транспортного средства. В целом, в рассматриваемых материалах фразеологизм *une pomme de discorde* имеет тенденцию к репрезентации неделимого объекта и объекта совместного пользования, связанных с материальными ценностями, обладание которыми ставят своей целью субъекты конфликтов.

Цели прямых участников (субъектов) конфликта обусловлены их интересами и потребностями. Потребности, в свою очередь, связаны с «нуждой в объектах» [2, с. 105], интересы «представляют собой осознанные потребности» [2, с. 105], целью же является «осознанный образ предвосхищаемого результата, на достижение которого направлены действия человека» [2, с. 105]. Учитывая тот факт, что субъектами конфликтов, рассматриваемых в материалах французской прессы, являются в основном те или иные общности лиц, предвосхищаемый полезный результат обладает не личностной, а групповой и общественной значимостью.

Рассматривая соотношение объектов конфликтов, репрезентируемых фразеологизмом *une pomme de discorde* в материалах французских периодических изданий, и целей, интересов и потребностей прямых участников конфликтов, можно установить ряд корреляций. Так, цель удовлетворения физиологических потребностей и материальных интересов связана, как правило, со стремлением к обладанию материальными ценностями (различного рода ресурсами), какими бы они ни были – делимыми, неделимыми или совместно используемыми (примеры №5, 6, 9, 17, 31, 36-38, 40-44 и др.). Однако другие потребности могут вызвать у субъектов конфликта необходи-

мость отказа от объекта. Так, например, потребность в безопасности (в широком смысле этого слова) вызвала обоюдный отказ Франции и Италии принимать потоки мигрантов (пример №35), угрожающие, по их мнению, безопасности. Или один субъект конфликта может требовать от другого субъекта отказа от использования объекта, в том числе по соображениям безопасности. Например, требование отмены краткосрочных трудовых контрактов (пример №3) также можно связать с безопасностью в области трудовых отношений. Однако требование отказа от объекта может быть обусловлено и другими потребностями. Так, потребность сохранения материальных и культурных ценностей вызвала протесты против бетонирования территории вокруг Акрополя (пример №58), которое искажает как исторический облик объекта мирового культурного наследия, так и историческую память о нём. Возможна и обратная ситуация: один субъект конфликта делает обязательным для других субъектов использование объекта, как, например, использование санитарных пропусков в период пандемии Ковид-19 (пример №16).

Удовлетворение социальных потребностей коррелирует с обладанием социальными ценностями (примеры №2, 4 и др.). Обеспечение высших потребностей (познавательных, творческих, духовных, нравственных и эстетических [5, с. 43]) связано с отстаиванием духовных ценностей, в том числе самых разных позиций, идей, норм и принципов, могущих быть закреплёнными и на официальном уровне (примеры №10, 22-24, 45, 46, 57 и др.). В целом, в рассмотренных материалах исследования в качестве объекта конфликта и предмета разногласий преобладают материальные ценности.

Что касается динамики конфликта и стадий его развития, то в материалах французской прессы фразеологизм *une romme de discorde* актуализирует в основном собственно конфликты в их проявлении (примеры №2, 5, 9, 11, 18, 22, 31, 34 и др.), но может быть представлен и послеконфликтный период с освещением результатов его завершения (примеры №20, 44 и др.).

По своему типу конфликты в областях цели также трансформировались по сравнению со спором в базовом сценарии. Так, в материалах выявлены не межличностные, а межгрупповые и межгосударственные конфликты; конфликты не только по горизонтали (примеры №9, 15, 27, 30-38, 40 и др.), но и по вертикали (примеры №1, 2, 4, 22, 23 и др.); не столько субъективные, сколько объективные конфликты; не только антагонистические, но и компромиссные (пример №20 и др.); а также сознательные и деловые (примеры №5, 9, 33, 48, 49, 54 и др.).

В структуре базового сценария спора, репрезентируемого фразеологизмом *une romme de discorde*, было выявлено четыре микроситуации, однако полного профилирования в сценариях областей цели они не находят, если учитывать совокупность основных составляющих структуры конфликта (участники, предмет, объект, потребности, цели, причины, среда). Однако по такому критерию, как субъекты конфликта, микроситуация 2 наиболее близка конфликтным ситуациям, отражённым в рассмотренных материалах. В данной микроситуации действуют только прямые участники спора – субъекты конфликта, тогда как в последующих ситуациях появляются третейские судьи, присутствие которых не было обнаружено в рассмотренных материалах.

4. Заключение

Таким образом, в настоящей статье было рассмотрено употребление фразеологизма *une romme de discorde* в материалах французской прессы с точки зрения семантико-когнитивного и функционально-дискурсивного аспектов. В основе фразеосемиозиса *une romme de discorde* лежит сценарий спора (конфликта) из античной (древнегреческой) мифологии, состоящий из нескольких микроситуаций. Трансформации базового сценария касались типа конфликта, его динамики, сферы проявления, структуры (участников, их целей, объекта конфликта). Рассматриваемый фразеологизм оказался связан с разными тематическими областями – сферами проявления конфликта – и имел разную территориальную отнесённость. При этом профилировалась скорее общая конфликтная ситуация в результате трансформаций базового сценария. Таким образом, начальная гипотеза исследования подтвердилась.

Достаточно широкая употребительность *une pomme de discorde* в материалах французских периодических изданий доказывает как востребованность античных образов в целом, так и высокую жизнеспособность данной фразеологической единицы, которая обладает, таким образом, высоким фразеологическим потенциалом, учитывая разнообразие областей цели и «предметов» разногласий.

Теоретическая значимость настоящей работы заключается в том, что изучение когнитивно-дискурсивного аспекта фразеологизма *une pomme de discorde* позволяет, с одной стороны, дополнить исследования фразеологии французского языка и античных фразеологизмов, а также концептов СПОР, КОНФЛИКТ и ВОЙНА, а с другой, лучше понять проблемы современного общества. Практическая ценность работы заключается в возможности использования результатов проведённого исследования в курсе теории французского языка (в разделе лексикологии), а также в курсе «Язык французских СМИ».

Перспективы исследования видятся в нескольких направлениях. Как показал анализ фразеологизма *une pomme de discorde*, античная фразеология представляет собой лишь языковую верхушку глубокого историко-культурного пласта, который чрезвычайно важен для понимания фразеосемиозиса и основательно изучать который целесообразнее с помощью методов когнитивной лингвистики. Поэтому исследование возможно продолжить, привлекая в качестве объекта другие античные фразеологизмы, а также иные группы фразеологических единиц, связанные с историей и культурой Франции. Материалом могут выступать как письменные, так и устные документы французских СМИ. Кроме того, возможно привлечение устных и письменных корпусов на французском языке. Также возможно продолжить исследование функционирования фразеологизма *une pomme de discorde* на другом материале и с точки зрения других аспектов, например, коннотативного. Помимо этого, интересным будет сопоставление семантики и функционирования античных фразеологизмов на материале нескольких языков.

© Степанюк Ю.В., 2023

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеологическое значение в свете фреймовой семантики / Н.Ф. Алефиренко // Ученые записки ЗабГГПУ. 2011. № 2 (37). С.11-17.
2. Анцупов А.Я. Конфликтология в схемах и комментариях: Учебное пособие / А.Я. Анцупов, С.В. Баклановский. 2-е изд., перераб. СПб.: Питер, 2009. 304 с.
3. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику / Н.Н. Болдырев. 4-е изд., испр. и доп. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 236 с.
4. Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. №4. С. 10-20.
5. Зеленков М.Ю. Конфликтология: Учебник / М.Ю. Зеленков. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2013. 324 с.
6. Золотых Л.Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики (на материале русского языка) / Л.Г. Золотых. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Белгород, 2008. 46 с.
7. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац и др. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 245 с.
8. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1. С. 6-17.
9. Кубрякова Е.С. Язык и знание / Е.С. Кубрякова. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
10. Мифологический словарь / М.Н. Ботвинник, М.А. Коган, М.Б. Рабинович и др. Изд. 3-е, доп. М.: Издательство «Просвещение», 1965. 300 с.
11. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка / А.Г. Назарян. (Для ин-тов и фак. иностр. яз.). Учеб. пособие. М.: «Высш. школа», 1976. 318 с.
12. Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка: Монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. 2-е изд., перераб. и доп. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2007. 250 с.
13. Labro C. La grenade, un produit, deux possibilités / C. Labro // Le Monde. [Электронный ресурс]. URL: https://www.lemonde.fr/le-monde-passe-a-table/article/2022/01/22/la-grenade-un-produit-deux-possibilites_6110555_6082232.html (Дата доступа: 05.02.2022).

14. Lakoff G. *Methaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. Chicago and London: University of Chicago Press, 1980. 256 p.
15. Langacker R.W. *Foundations of Cognitive Grammar. Vol 1. Theoretical Prerequisites* / R.W. Langacker. Stanford: Stanford University Press, 1987. 540 p.
16. Le Petit Robert. *Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*. / Réd. A. Rey et J. Rey-Debove. P.: Dictionnaires LE ROBERT, 1992. 2174 p.
17. Le Trésor de la langue française informatisé. [Электронный ресурс]. URL: <http://stella.atilf.fr/Dendien/scripts/tlfiv5/search.exe?23;s=2874463785;cat=1;m=talon+d%27+achille> (Дата доступа: 17.10.2021).
18. L'Internaute. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.linternaute.fr/expression/langue-francaise/84/la-pomme-de-discorde/> (Дата доступа: 17.10.2021).

Источники иллюстративного материала

1. Le Figaro. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lefigaro.fr/> (Дата доступа: 07.07.2022).
2. Le Monde. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lemonde.fr/> (Дата доступа: 11.07.2022).
3. Le Point. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lepoint.fr/> (Дата доступа: 10.07.2022).
4. Libération. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.liberation.fr/> (Дата доступа: 12.07.2022).
5. L'Obs. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nouvelobs.com/> (Дата доступа: 09.07.2022).
6. 20 minutes. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.20minutes.fr/> (Дата доступа: 08.07.2022).

References

1. Alefirenko, N.F. Frazеологическое значение в свете freimovoi semantiki [Phraseological meaning in the light of frame semantics] / N.F. Alefirenko // *Uchenye zapiski ZabGGPU*, 2011, No. 2 (37), pp.11-17.
2. Antsupov, A.Ia. *Konfliktologiya v skhemakh i kommentariiakh*: Uchebnoe posobie [Conflictology in Diagrams and Comments: Textbook] / A.Ia. Antsupov, S.V. Baklanovskii. 2-e izd., pererab. SPb.: Piter, 2009, 304 p.
3. Boldyrev, N.N. *Kognitivnaia semantika. Vvedenie v kognitivnuiu lingvistiku* [Cognitive semantics. Introduction to Cognitive Linguistics] / N.N. Boldyrev. 4-e izd., ispr. i dop. Tambov: Izd. dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2014, 236 p.
4. Boldyrev, N.N. *Kognitivnye skhemy iazykovoi interpretatsii* [Cognitive schemes of language interpretation] / N.N. Boldyrev // *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2016, No. 4, pp. 10-20.
5. Zelenkov, M.Iu. *Konfliktologiya*: Uchebnik [Conflictology: Textbook] / M.Iu. Zelenkov. M.: Izdatel'sko-torgovaia korporatsiia «Dashkov i Ko», 2013, 324 p.
6. Zolotykh, L.G. *Kognitivno-diskursivnye osnovy frazeologicheskoi semantiki (na materiale russkogo iazyka)*. Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk [Cognitive-discursive foundations of phraseological semantics (based on the Russian language). Extended abstract of PhD dissertation] / L.G. Zolotykh. Belgorod, 2008, 46 p.
7. Kubriakova, E.S. *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [Concise dictionary of cognitive terms] / E.S. Kubriakova, V.Z. Dem'iankov, I.U.G. Pankrats i dr. Moscow, Filol. f-t MGU im. M.V. Lomonosova, 1996, 245 p.
8. Kubriakova, E.S. *Ob ustanovkakh kognitivnoi nauki i aktual'nykh problemakh kognitivnoi lingvistiki* [On the principles of cognitive science and topical problems of cognitive linguistics] / E.S. Kubriakova // *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2004, No. 1. pp. 6-17.
9. Kubriakova, E.S. *Iazyk i znanie* [Language and knowledge] / E.S. Kubriakova. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004, 560 p.
10. *Mifologicheskii slovar'* [Mythological dictionary] / M.N. Botvinnik, M.A. Kogan, M.B. Rabinovich i dr. Izd. 3-e, dop. Moscow, Izdatel'stvo «Prosveshchenie», 1965, 300 p.
11. Nazarian, A.G. *Frazeologiya sovremennogo frantsuzskogo iazyka*. [Phraseology of Modern French] / A.G. Nazarian. (Dlia in-tov i fak. inostr. iaz.). Ucheb. posobie. Moscow, «Vyssh. shkola», 1976, 318 p.
12. Popova, Z.D. *Semantiko-kognitivnyi analiz iazyka*: Monografiia [Semantic-Cognitive Analysis of Language: Monograph] / Z.D. Popova, I.A. Sternin. 2-e izd., pererab. i dop. Voronezh, Izd-vo «Istoki», 2007, 250 p.
13. Labro, C. *La grenade, un produit, deux possibilités* / C. Labro // *Le Monde*, https://www.lemonde.fr/le-monde-passe-a-table/article/2022/01/22/la-grenade-un-produit-deux-possibilites_6110555_6082232.html (Accessed 05.02.2022).
14. Lakoff, G. *Methaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. Chicago and London, University of Chicago Press, 1980, 256 p.
15. Langacker, R.W. *Foundations of Cognitive Grammar. Vol 1. Theoretical Prerequisites* / R.W. Langacker. Stanford, Stanford University Press, 1987, 540 p.
16. *Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*. / Réd. A. Rey et J. Rey-Debove. Paris, Dictionnaires LE ROBERT, 1992, 2174 p.
17. *Le Trésor de la langue française informatisé*, <http://stella.atilf.fr/Dendien/scripts/tlfiv5/search.exe?23;s=2874463785;cat=1;m=talon+d%27+achille> (Accessed 17.10.2021).
18. *L'Internaute*, <https://www.linternaute.fr/expression/langue-francaise/84/la-pomme-de-discorde/> (Accessed 17.10.2021).

Sources of illustrative material

1. *Le Figaro*, www.lefigaro.fr/ (Accessed 07.07.2022).
2. *Le Monde*, www.lemonde.fr/ (Accessed 11.07.2022).
3. *Le Point*, www.lepoint.fr/ (Accessed 10.07.2022).
4. *Libération*, www.liberation.fr/ (Accessed 12.07.2022).
5. *L'Obs*, www.nouvelobs.com/ (Accessed 09.07.2022).
6. *20 minutes*, www.20minutes.fr/ (Accessed 08.07.2022).

Сведения об авторе:

Степанюк Юлия Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры французского языка для факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Сфера научных и профессиональных интересов: лексикология и грамматика французского языка, лингвистика текста, тестология. E-mail: cafryaz@yandex.ru.

About the author:

Yulia V. Stepanyuk, PhD in Philology, is Associate Professor, Associate Professor at the Department of the French Language for the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University. Spheres of research and professional interests: lexicology and grammar of the French language, text linguistics, testology. E-mail: cafryaz@yandex.ru.

* * *

EUPHEMISTIC NOMINATION OF POVERTY IN GERMAN JOURNALISM

Elvira L. Shubina, Julia A. Raikova

MGIMO UNIVERSITY,
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. This article explores euphemisms, which are a means of replacing one linguistic means with another, more euphonious for the sender or addressee. Euphemisms include concepts that embellish the linguistic description that they want to avoid. In journalistic texts that are devoted to economic issues, euphemisms have an intentionally given communicative and pragmatic effect on the recipient. The purpose of the study is to identify and linguistically describe the means of euphemizing poverty found in the German article “Endlich wieder Donnerstag!” (Finally Thursday again!), devoted to problems in the economic sphere. An attempt is made to linguistically describe the means of euphemization in German economic discourse based on one article. The research material was an article on economics from the German electronic edition of the daily newspaper “Die Tageszeitung”, containing various euphemized and non-euphemized variants of the poverty nomination. So far, no attempts have been made in domestic and foreign Germanistics to describe linguistically the means of euphemization in the economic discourse of Germany based on the material of one journalistic text. In the course of the study, euphemized and non-euphemized variants of poverty nominations were identified in the following thematic areas: “causes of poverty”, “characteristics of the financial situation”, “naming people in a difficult financial situation”, “ways to solve the problem of poverty on the part of the state, charitable organizations and citizens themselves”.

The analysis made it possible to reveal the fact that the authors of journalistic texts use euphemization techniques in order to hide, disguise concepts that are inconvenient to mention or discredit the ruling coalition, avoid creating a negative image of poor people in the reader, disguise their plight, and avoid spreading panic among German residents. In addition, the use of euphemisms in a journalistic text helps to soften the perception of financial difficulties and reduce communicative discomfort. The data obtained as a result of this study can be used in the analysis and interpretation of journalistic texts from the German-language press.

Keywords: euphemism, euphemized expressions, economic discourse, poverty nomination, German press, journalistic text

For citation: Shubina, E.L., Raikova, J.A. (2023). Euphemistic nomination of poverty in German journalism. *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(2), pp. 79–91. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-2-35-79-91>

ЭВФЕМИСТИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ БЕДНОСТИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ГЕРМАНИИ

Э.Л. Шубина, Ю.А. Райкова

МГИМО УНИВЕРСИТЕТ МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В настоящей статье исследуются эвфемизмы, которые являются средством замены одного языкового средства другим, более благозвучным для адресанта или адресата. К эвфемизмам причисляют понятия, приукрашивающие языковое описание, которого хотят избежать. В публицистических текстах, которые посвящены экономической проблематике, эвфемизмы оказывают интенционально заданное коммуникативно-прагматическое воздействие на реципиента. Цель исследования состоит в выявлении и лингвистическом описании языковых средств эвфемизации бедности, встречающихся в немецкой статье «Endlich wieder Donnerstag!» (Наконец-то снова четверг!), посвящённой проблемам в экономической сфере. Предпринимается попытка лингвистического описания средств эвфемизации в немецком экономическом дискурсе в рамках одной статьи. Материалом исследования послужила статья по экономике из немецкого электронного издания ежедневной газеты «Die Tageszeitung», содержащая различные эвфемизированные и неэвфемизированные варианты номинации бедности. До сих пор в отечественной и зарубежной германистике не было предпринято попыток лингвистического описания средств эвфемизации в экономическом дискурсе Германии на материале одного публицистического текста. В ходе исследования были выявлены эвфемизированные и неэвфемизированные варианты номинаций бедности в следующих тематических областях: «причины бедности», «характеристика финансового положения», «именование людей в тяжёлой финансовой ситуации», «пути решения проблемы бедности со стороны государства, благотворительной организации и самих граждан».

Проведённый анализ позволил выявить тот факт, что авторы публицистических текстов используют приёмы эвфемизации для того, чтобы скрыть, замаскировать понятия, являющиеся неудобными для упоминания или дискредитирующие правящую коалицию, избежать создания негативного образа малоимущих людей у читателя, завуалировать их бедственное положение, избежать распространения паники среди жителей Германии. Кроме того, употребление эвфемизмов в публицистическом тексте способствует смягчению представления о финансовых трудностях и уменьшению коммуникативного дискомфорта. Полученные в результате настоящего исследования данные могут быть использованы при анализе и интерпретации публицистических текстов из немецкоязычной прессы.

Ключевые слова: эвфемизм, эвфемизированные выражения, экономический дискурс, номинация бедности, немецкая пресса, публицистический текст

Для цитирования: Шубина Э.Л., Райкова Ю.А. (2023). Эвфемистическая номинация бедности в публицистике Германии. *Филологические науки в МГИМО*. 9(2), С. 79–91. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-2-35-79-91>

1. Введение

В последние десятилетия все сферы общественной жизни претерпели существенные изменения, оказавшие значительное влияние на людей по всему земному шару. После пандемии и начала Украинского конфликта под угрозой оказывается не только экономическая стабильность Германии, но и финансовое благополучие населения. В связи с постоянным ростом цен, повышением налогов, сокращением штата сотрудников и объявлениями многих известных компаний о банкротстве одним из ключевых вопросов для обсуждения в СМИ становится тема бедности. Эта проблема снижения доходов затрагивает большинство домохозяйств Германии и бюджеты федеральных земель. Бедность ставит людей в жёсткие рамки, заставляя приспосабливаться к новым непростым условиям. Частое упоминание бедности в новостях и сообщениях может негативно отразиться на настроениях в обществе. Вследствие этого в немецких публицистических текстах встречается всё больше так называемых специальных слов и выражений, которые способны нивелировать страх и тревогу местных жителей. Для сохранения спокойствия граждан авторы публицистических текстов прибегают к использованию эвфемизмов.

Цель исследования авторов данной статьи состоит в выявлении и лингвистическом описании языковых средств эвфемизации бедности, встречающихся в немецкой статье «Endlich wieder Donnerstag!» (Наконец-то снова четверг!), посвящённой проблемам в экономической сфере.

Новизна исследования заключается в том, что до сих пор в отечественной и зарубежной германистике не было предпринято попыток лингвистического описания средств эвфемизации в немецком экономическом дискурсе в рамках одной статьи.

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных учёных по теории эвфемизации: А.М. Кацев, М.Л. Ковшова, Л.П. Крысин, Б.А. Ларин, В.П. Москвин, В.А. Новосёлова, Е.П. Сеничкина, Е.А. Сидельникова, К. Allan, S. Luchtenberg, N. Zöllner.

Материалом для исследования послужила статья «Endlich wieder Donnerstag!» (Наконец-то снова четверг!) по экономике из немецкого электронного издания «Die Tageszeitung».

Обработка материала заключалась в выявлении эвфемизмов со значением бедности и её причин в немецкой экономической прессе и их функций.

2. Понятие эвфемизма в лингвистической литературе

Многие лингвисты, как, например, А.М. Кацев, Е.А. Сидельникова, Р.А. Будагов связывают необходимость использования эвфемизмов с табуированием, так как люди всегда пытались избежать прямого упоминания страшного или запретного [4, с. 33], [8, с. 34], [3, с. 9]. Так, Е.П. Сеничкина в словаре эвфемизмов русского языка выделяет специальную группу эвфемизмов-табуизмов для тех слов, которые запрещено употреблять социумом [7, с. 9].

В отечественной и зарубежной лингвистике понятие эвфемизма трактуется по-разному. Приведём некоторые определения данного понятия. Отечественные лингвисты, такие как Н.С. Арапова и О.С. Ахманова, причисляют эмоционально-нейтральные, вежливые выражения к эвфемизмам вместо грубых, нетактичных, неприличных для говорящего [1, с. 565], [2, с. 478].

Авторы немецкого электронного словаря dwds.de трактуют эвфемизм как понятие, приукрашивающее языковое описание, которого хотят избежать, например, *bildungsfern* (далёкий от образования) вместо *ungebildet* (необразованный) [10].

Как отечественные, так и зарубежные лингвисты едины во мнении, что при эвфемизации происходит замена одного языкового средства другим, более благозвучным для адресанта или адресата.

Что касается основных функций эвфемизмов, то российский лингвист Л.П. Крысин выделяет следующие: 1) избегание конфликтных ситуаций в коммуникации; 2) камуфляж, вуалирование неприятных или запрещённых в обществе понятий; 3) зашифровка денотата таким образом, чтобы он был понятен только конкретному собеседнику [6, с. 400].

Таким образом, с помощью эвфемизмов говорящий стремится смягчить или завуалировать высказывание. В нашей работе будут выявлены эвфемизированные и неэвфемизированные слова и выражения в рамках одной статьи, посвящённой обращениям немецких граждан в благотворительную организацию по раздаче продуктов питания.

3. Эвфемизированные и неэвфемизированные слова и выражения в статье на экономическую тематику

В лингвистической литературе подробно описаны темы, наиболее подверженные эвфемизации. Согласно классификации из обиходно-бытовой сферы, которой придерживаются Л.П. Крысин и М.Л. Ковшова, эвфемизации подлежат следующие области:

- 1) физиологические процессы и состояния: «in anderen Umständen» (в других обстоятельствах) вместо «schwanger» (беременна);
- 2) определённые части тела, связанные с «телесным низом», или внешние данные человека: «dritte Zähne/die Dritten» (третьи зубы) вместо «künstliches Gebiss» (вставная челюсть);
- 3) отношения между полами: «körperliche Liebe» (физическая любовь) вместо «Geschlechtsverkehr» (половой акт);
- 4) болезни и смерть: «das Zeitliche segnen» (отойти в мир иной) вместо «sterben» (умирать) [5, с. 88], [6, с. 401].

Данная классификация наглядно демонстрирует, что в современном мире запретными или неподходящими при коммуникации в прямом значении являются такие темы, которые отражают предметы и явления, считавшиеся табу ещё у древних племён.

Однако в зависимости от группы людей, исторической эпохи или дискурса можно найти и другие сферы, которые также считаются нежелательными для обсуждения. М.Л. Ковшова выделяет социально-политические эвфемизмы, а также отмечает использование скрытых камуфлирующих выражений в языке дипломатии, для которого характерны смысловая размытость и уклончивость [5, с. 274]. К этим группам можно отнести эвфемистические номинации расы и пола, внешне- и внутреннеполитических и экономических вопросов.

На фоне энергетического кризиса в Германии на первый план в публицистическом дискурсе выходит проблема снижения доходов населения. С помощью статьи «Endlich wieder Donnerstag!» (Наконец-то снова четверг!) из немецкой газеты «Die Tageszeitung» нами была предпринята попытка проследить, каким образом можно смягчить представление о реальных негативных событиях.

В статье показано, как люди, оказавшиеся в непростой финансовой ситуации, пытаются найти выход из положения. Так, житель Берлина Александр Кюлинг, чтобы как-то справиться с возникшими трудностями, вынужден обращаться за помощью в благотворительную организацию «Berliner Tafel». «Berliner Tafel» – компания с 30-летней историей, которая занимается раздачей продуктов питания нуждающимся людям. Волонтеры ежедневно посещают супермаркеты и пекарни Берлина для сбора товаров. Ассортимент разнообразный: многочисленные овощи и фрукты, молочные и мясные изделия. Хотя в организацию передаются в основном продукты с истекающим сроком годности, все они пригодны для употребления. Следует также отметить, что деятельность благотворительной организации, кроме помощи нуждающимся, решает также экологическую проблему, имеющую важное значение для всей Германии, то есть избавляет страну от лишнего мусора. Кроме того, любой равнодушный человек имеет возможность передать компании некоторую денежную сумму или пожертвование в натуральной форме, воспользовавшись сервисом на официальном сайте организации. За счёт этого и происходит финансирование. Согласно информации на сайте, в последнее время число людей, приходящих за продуктами в Берлине, значительно возросло. Если в начале 2022 года услугами «Berliner Tafel» пользовались около сорока тысяч человек, то сейчас их количество составляет почти сто тысяч [9].

Каждый желающий получить продукты имеет карточку определённого цвета, что позволяет лучше организовать раздачу. Несмотря на то, что для получения набора продуктов жителям Берлина необходимо каждую неделю стоять в очереди, ожидая распределения, подобные организации становятся всё более востребованными. И использование наречия «endlich» и восклицательного знака в заголовке статьи «Endlich wieder Donnerstag!» (Наконец-то снова четверг!) как бы подчёркивает долгожданное ожидание наступления очередного четверга.

В названии благотворительной организации «Berliner Tafel» лексему «die Tafel» в одном из значений с пометой «высок.» можно перевести с немецкого языка как «празднично накрытый стол». Поскольку срок годности истекает у всех продуктов, списанных с продажи, туда входят в том числе и деликатесы. То есть, обращаясь в «Berliner Tafel» за помощью, малоимущие жители немецкой столицы могут позволить себе настоящий праздничный стол, который иначе был бы им не по карману. В нашем случае речь может идти и о значении «обеденный стол», которое в данном контексте используется как метонимия «время приёма пищи, совместный приём пищи». В связи с появлением организаций, которые помогают гражданам в бедственном положении, в dwds.de указано ещё одно переносное значение лексемы «die Tafel» как «некоммерческое учреждение, которое организует бесплатную раздачу пожертвованных продуктов питания». При помощи газетного корпуса на этом же ресурсе прослеживается, как резко с конца 90-х годов прошлого века возросло употребление слова «Lebensmitteltafel» (рис 1.). Взаимосвязь этих двух значений позволяет нам считать само словосочетание «Berliner Tafel» эвфемизмом.

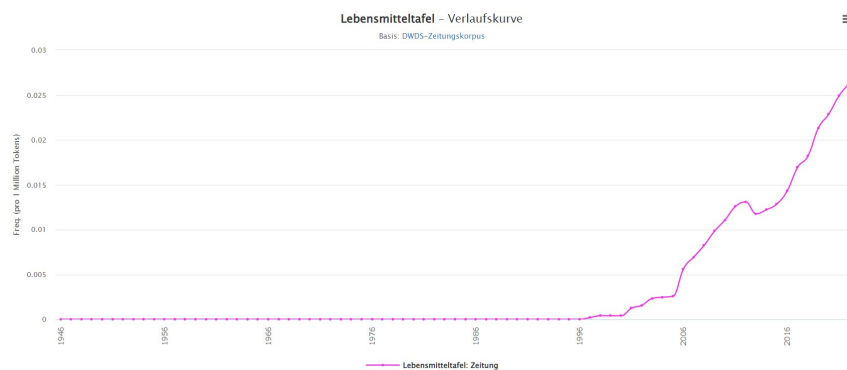

Рис 1. Частотность употребления лексемы «Lebensmitteltafel»

Для описания нуждающихся людей в немецкой прессе используется слово Tafelkunde (клиент благотворительной организации die Tafel). Слово «der Kunde» в немецком сознании нейтрально, оно никак не связано с бедностью (ср. клиент в магазине или банке). В немецком языке даже существует выражение «Kunde ist König», являющееся аналогом русскоязычного «клиент всегда прав». Так, в Германии клиент имеет ещё более высокую ценность, ведь в данном случае уподобляется королю (der König – король). В связи с этим в газетных статьях употребляется данный эвфемизм вместо прямого именованного нуждающегося человека.

Проводимая благотворительной организацией раздача продовольствия представлена в тексте статьи как в прямом, так и в эвфемизированном вариантах. Лексема «Essensausgaben» стилистически нейтральна и обозначает сам факт раздачи еды. В целях приукрашивания помощи бедным и придания ей особой значимости автор называет бесплатные товары продовольственным пожертвованием, используя выражения «Essensspenden» и «Lebensmittelspenden». В дефиниции немецкого слова «die Spende» (пожертвование) можно выделить семы с положительной коннотацией: что-либо, отданное добровольно, предназначенное для благого дела, для помощи другим. Это напрямую связано с основными принципами организации «Berliner Tafel», ведь она безвозмездно осуществляет свою деятельность, направленную на поддержку людей в сложившейся ситуации. Выражение «die Spende entgegen nehmen» (принимать пожертвование) характерно для высокого

стиля. Это делает поход в благотворительную организацию для жителей Берлина важным, даже торжественным событием, что соотносится с одним из значений, скрытых в названии «Berliner Tafel» (празднично накрытый стол).

Все эвфемизированные и неэвфемизированные номинации бедности мы распределили по тематическим подгруппам для наглядного представления (табл. 1).

Таблица 1. Соотношение эвфемизированных и неэвфемизированных вариантов номинаций бедности.

	Эвфемизированные варианты	Неэвфемизированные варианты
Причины бедности (рост цен, инфляция)		<i>die hohe Inflation</i> (высокий уровень инфляции) <i>gestiegene Lebensmittel- und Energiepreise</i> (возросшие цены на продовольственные товары и электроэнергию) <i>die erhobenen Preise</i> (возросшие цены) <i>die gestiegenen Kosten</i> (возросшие расходы) <i>die steigenden Energiepreise</i> (растущие цены) <i>exorbitant steigende Energiepreise</i> (непомерно быстро растущие цены)
Характеристика финансового положения	<i>die soziale Teilhabe ist erschwert</i> (участие в общественной жизни затруднено) <i>auf Sozialleistungen angewiesen sein</i> (зависеть от социальных пособий) <i>die Verschlechterung der finanziellen Situation</i> (ухудшение финансового положения) <i>sich den steigenden Energiepreisen gegenüber machtlos sehen</i> (считать себя бессильным перед растущими ценами на электроэнергию) <i>Anspruch auf Sozialleistungen</i> (право на получение социальных выплат) <i>vor finanziellen Herausforderungen stehen</i> (столкнуться с финансовыми трудностями)	<i>an der Armutsgrenze liegen</i> (находиться на границе бедности)
Именованье людей в тяжелой финансовой ситуации	<i>Tafelkunde</i> (клиент благотворительной организации) <i>Berliner*innen mit wenig Geld</i> (берлинцы с небольшим количеством денег) <i>Leistungsempfänger*Innen</i> (получатели социальных выплат) <i>Empfänger*Innen</i> (получатели, прим. социальных выплат) <i>Menschen, die auf staatliche Hilfe angewiesen sind</i> (люди, которые зависят от помощи государства) <i>Verbraucher*innen mit geringen oder mittleren Einkommen</i> (потребители с низкими или средними доходами) <i>all die anderen Menschen mit wenig Geld</i> (люди с небольшим количеством денег)	<i>bedürftige Menschen</i> (нуждающиеся люди) <i>arme Menschen</i> (бедные люди) <i>die Armen</i> (бедные) <i>die Ärmsten</i> (самые бедные, беднейшие)
Как решают проблему бедности: - государство	<i>der Bund hat weitreichende Maßnahmen beschlossen</i> (Германия приняла масштабные меры) <i>der gekippte Mietendeckel</i> (закрытая арендная крышка) <i>Entlastungspaket</i> (пакет помощи) <i>die Menschen in Deutschland von den gestiegenen Kosten entlasten</i> (освободить людей от возросших расходов)	
-благотворительная организация	<i>Berliner Tafel</i> (благотворительная организация) <i>Essensspenden</i> (продовольственные пожертвования) <i>Lebensmittelspenden</i> (продовольственные пожертвования)	<i>Essensausgaben</i> (раздача еды)

	Эвфемизированные варианты	Неэвфемизированные варианты
- граждане	<i>zu den Rabattkisten laufen</i> (бежать к ящикам с товарами по скидке) <i>von Kiste zu Kiste laufen</i> (бегать от ящика к ящику, прим. в поисках скидок) <i>von Hilfsangebot zu Hilfsangebot hangeln</i> (карабкаться от одного предложения помощи к другому) <i>in „Überlebensstrategien“ verfallen</i> (перейти к стратегии выживания) <i>die Spende entgegen nehmen</i> (принимать пожертвование) <i>essen, was billig ist</i> (есть то, что дёшево) <i>günstig essen</i> (есть то, что выгодно) <i>sich keinen Restaurantbesuch leisten</i> (не позволить себе пойти в ресторан) <i>sich warm anziehen</i> (тепло одеваться)	

Приведённая таблица иллюстрирует значительное преобладание эвфемизированных выражений (29 и 12 примеров соответственно).

Среди причин возникновения бедности можно выделить регионально-географические (например, неравномерное развитие отдельных регионов страны), политические (на фоне военных столкновений или вынужденной миграции), демографические (неполные семьи, наличие иждивенцев, не способных к трудовой деятельности), социальные или социально-медицинские (инвалидность, большие риски заболеваемости) и экономические (высокий уровень безработицы, низкая производительность труда).

В выбранной нами статье решающим фактором снижения доходов населения Германии является рост цен. При детальном анализе публицистического текста было выявлено, что в условиях данной проблемы автор статьи использует неэвфемизированные формулировки. К незавуалированным выражениям касательно динамики ценообразования относятся следующие: «gestiegene Lebensmittel- und Energiepreise» (возросшие цены на продовольственные товары и электроэнергию), «die erhobenen Preise» (поднятые цены), «die steigenden Energiepreise» (растущие цены) и как следствие «die gestiegenen Kosten» (возросшие расходы). Кроме того, адресант характеризует цены на электроэнергию как «exorbitant steigende Energiepreise» (непомерно быстро растущие цены на электроэнергию). Лексема «exorbitant» имеет в словаре помету «высок.» и в основном употребляется в коллокациях с существительными из сферы финансов (рис. 2). Во всех приведённых выше примерах процесс увеличения стоимости передаётся с помощью форм причастий (Partizip I, II), без использования скрытых камуфлирующих конструкций.

Typische Verbindungen zu ›exorbitant‹ (berechnet)

DWDS-Wortprofil

Detailliertere Informationen bietet das DWDS-Wortprofil zu ›exorbitant‹.

[Bonus](#) [Bonuszahlung](#) [Gage](#) [Gehalt](#) [Gewinn](#) [Höhe](#) [Immobilienpreis](#)

[Kosten](#) [Kostensteigerung](#) [Kursprung](#) [Lohnforderung](#)

[Managergehalt](#) [Managerlohn](#) [Miete](#) [Mietsteigerung](#)

[Preis](#) [Preissteigerung](#) [Privileg](#) [Prämie](#) [Salär](#) [Spielergeld](#)

[Staatsausgabe](#) [Staatsverschuldung](#) [Steigerung](#) [Summe](#)

[Verschuldung](#) [Vorschuß](#) [Wertsteigerung](#) [gestiegen](#) [steigend](#)

Рис. 2. Коллокации с лексемой «exorbitant»

В тексте статьи многократно (9 раз) упоминается понятие инфляции, например, в сочетании с прилагательным «die hohe Inflation» (высокий уровень инфляции) или в предложении «Tatsächlich ist die Inflation von Mai auf Juni sogar gestiegen» (Фактически, инфляция выросла в период с мая по июнь.) [12]. Этим термином в экономике обозначается повышение общего уровня цен на товары и услуги. Автор приводит этимологию данного слова, которое берёт свои корни из латыни: «Inflation ist dem Lateinischen Wort “inflatio” entlehnt und bedeutet “sich aufblasen”» (Слово “инфляция” было заимствовано из латинского “inflatio” и обозначает «раздуться») [там же].

За частотным использованием неэвфемизированных вариантов роста цен скрываются истинные причины этого неприятного для жителей Германии явления. Выросшие цены и расходы, с точки зрения автора статьи, представлены так, будто они поднялись самостоятельно, виновник увеличения стоимости на товары и услуги первой необходимости не называется. Однако стремительный рост цен является следствием энергетического кризиса, о котором в СМИ не принято говорить напрямую. Введение санкций в отношении других стран со стороны правительства не прошло бесследно и негативно отразилось на жизни немецких граждан, то есть привело к проблемам снижения доходов населения.

Чтобы дать читателю представление о том, в каком затруднительном положении оказалось население и при этом преподнести информацию деликатно, не вызвать у читателей коммуникативного дискомфорта, журналист использовал преимущественно языковые средства с эвфемизированной окраской.

В выражении «Anspruch auf Sozialleistungen» (право на получение социальных выплат) было завуалировано то, что в Германии необеспеченные граждане имеют право на получение при определённых условиях различного рода пособий. Однако автор статьи далее говорит, что люди, зависящие от государственной помощи, скоро оказываются в бедственном положении, ведь размеры таких социальных пособий, по его мнению, настолько малы, что находятся на уровне черты бедности (Regelsätze, die an der Armutsgrenze liegen) [12]. В выбранной нами статье похожее выражение встречается и применительно к ранее упомянутому Александру Кюлингу, который уже около девяти лет находится на попечении государства вследствие проблем со здоровьем (Alexander Kühling ist seit etwa neun Jahren wegen gesundheitlicher Probleme auf Sozialleistungen angewiesen) [там же]. Следует отметить, что автор не называет его бедным, а использует эвфемизированное словосочетание «auf Sozialleistungen angewiesen sein». И чтобы избежать определения «arm», он прибегает к использованию выражения «seine finanzielle Situation habe sich seit ein paar Monaten deutlich verschlechtert» (его финансовое положение значительно ухудшилось несколько месяцев назад). Это также можно считать эвфемизмом, ведь таким образом было замаскировано высказывание «Er ist arm geworden» (он стал бедным / обеднел).

Описывая непростую ситуацию, в которой оказался герой статьи, автор также подчёркивает, что Александр Кюлинг считает себя бессильным перед растущими ценами на электроэнергию (Alexander Kühling sieht sich den steigenden Energiepreisen gegenüber machtlos) [там же]. В данном высказывании за прилагательным «machtlos» (бессильный) скрывается нехватка денежных средств для оплаты счетов за электричество. Если снова сравнить два варианта: «Alexander Kühling sieht sich machtlos» или «Alexander Kühling sieht sich arm», видно, что в первом случае отсутствует неудобное и неприятное для читателей указание на бедность, что позволяет считать эпитет «machtlos» эвфемизмом.

Герой статьи Кюлинг отмечает, что за последнее время его участие в социальной жизни стало ограничено: «die soziale Teilhabe ist erschwert». Участие в жизни общества или вовлечённость в неё подразумевает широкий спектр видов деятельности, типичный для гражданина Германии, а именно культурная составляющая, активность в политической жизни, трудовая инициатива и, конечно же, социальное взаимодействие. Данное словосочетание имеет положительную коннотацию, то есть в предложении «die soziale Teilhabe ist erschwert» говорится не о том, как плохо живётся бедным, что они голодают или замерзают, а то, что их участие в жизни общества лишь затруднено. Это намекает на временные сложности, которые скоро пройдут, и наступит прежняя достойная жизнь.

С целью не вызвать смущения и избежать создания негативного образа малоимущих людей у читателя, в тексте статьи преобладают эвфемизированные именованные бедных.

Как эвфемизмы следует рассматривать выражения: «Berliner*innen mit wenig Geld» (берлинцы с небольшим количеством денег) и «all die anderen Menschen mit wenig Geld» (люди с небольшим количеством денег), так как автор статьи подобным образом пытается сгладить материальное положение жителей немецкой столицы, избегая прямого наименования бедности как остросоциальной проблемы. В данном случае на восприятие читателя также может оказать влияние употребление предлога mit, ведь жители Берлина представляются в статье всё же с деньгами (mit Geld), а не без них.

Деление граждан на социальные классы в зависимости от уровня дохода прослеживается в формулировке «Verbraucher*innen mit geringen oder mittleren Einkommen» (потребители с низкими или средними доходами). Мы также причисляем его к группе эвфемизированных, ведь, как и в предыдущих двух примерах, автор статьи акцентирует внимание не на отсутствии дохода, а на его наличии.

Скрытое указание на малообеспеченность имеет лексема «die Empfänger*Innen» (получатели). Согласно электронному словарю dwds.de, первым значением этого слова является адресат или получатель определённого сообщения, но в зависимости от ситуации оно может быть дефинировано по-другому. В контексте статьи словом «die Empfänger*In-nen» описываются те самые нуждающиеся люди, которые, как и герой статьи Александр Кюлинг, приходят на раздачу, чтобы получить хоть немного продуктов, на покупку которых им не хватает собственных средств. В последнее время в немецкой прессе появляется всё больше примеров употребления этого слова в значении «получатель определённой услуги от государства» (Leistungsempfänger). В частности это связано с изменениями в сфере безработицы, когда вместо системы пособий «Hartz», существовавшей в Германии с начала двадцать первого века вплоть до 1 января 2023 года, малоимущие люди имеют право на получение так называемых «Bürgergeld».

Несмотря на то, что указанные выше конкретные названия государственных выплат не приведены в выбранной нами статье, следует кратко пояснить разницу между ними. Основное отличие новой реформы заключается в увеличении стандартной ставки пособия на более чем 50 евро. Также в правительстве было принято решение снизить требования по жилплощади для претендующих на выплаты и обеспечить покрытие расходов на отопление центрами занятости. Помимо указанных различий, наблюдается лингвистическая особенность в изменении названия социальных пособий. Слово «Hartz» для номинации безработных получателей выплат Hartz IV имеет в электронном словаре dwds.de помету «грубо». Тогда как новое обозначение системы «Bürgergeld» состоит из двух стилистически нейтральных слов «Bürger» (гражданин/граждане) и «Geld» (деньги). Разобрав сложное слово на его компоненты, представляется очевидным, что современное название не причисляет безработных людей к какому-то классу, выплаты как бы направлены на любого гражданина, оказавшегося без работы. В связи с этим мы относим новое название социальных пособий «Bürgergeld» к классу эвфемизмов экономического дискурса.

Среди именованных малообеспеченных людей нами были выделены и незавуалированные номинации, отражающие действительную ситуацию. В нашей статье обнаружено 4 неэвфемизированных примера: «bedürftige Menschen» (нуждающиеся люди), «arme Menschen» (бедные люди), «die Armen» (бедные), «die Ärmsten» (самые бедные, беднейшие). Последняя лексема «die Ärmsten», где субстантивированное прилагательное употреблено в превосходной степени, в контексте статьи сочетается в одном предложении с эвфемизмом: «Und nicht nur die Ärmsten stehen vor finanziellen Herausforderungen» (И не только самые бедные сталкиваются с финансовыми трудностями) [12].

В нашей таблице мы классифицировали языковые средства, которые могут быть рассмотрены как возможные пути решения проблемы бедности со стороны государства, благотворительной организации и самих граждан.

Несмотря на то, что статья посвящена деятельности благотворительной организации, журналист не умаляет роли государства в поддержке граждан в трудном финансовом положении. Адресант сообщает, что в связи с этим Германия приняла масштабные меры: «Der Bund hat

weitreichende Maßnahmen beschlossen» [там же]. Данное выражение эвфемистически окрашено, так как под ним подразумевается денежная помощь нуждающимся, которая не конкретизируется, а преувеличивается и обобщается словосочетанием «*weitreichende Maßnahmen*» (масштабные меры).

К таким мерам относится так называемый «*Entlastungspaket*» (пакет помощи), в который входит, например, билет на общественный транспорт стоимостью 9 евро (*das 9-Euro-Ticket*). Это специальный субсидированный билет, который давал право пассажирам путешествовать за 9 евро в месяц по всей Германии на местном и региональном транспорте в период с 1 июня по 31 августа 2022 года. Частота употребления самого слова *Entlastungspaket*, согласно сервису «*Wortverlaufskurve*» электронного словаря *dwds.de*, начала увеличиваться с 2018 года и радикально повысилась в 2022 году (рис. 3). Слово «*Entlastungspaket*» образовано способом словосложения и содержит в себе компонент «*Entlastung*», который можно перевести как «освобождение или снижение нагрузки». Так, «*Entlastungspaket*» обозначает сочетание различных, в основном законодательно закреплённых мер для снижения нагрузки на граждан. Мы рассматриваем его в качестве эвфемизма, ведь данным словом в скрытом виде представлена помощь бедным людям со стороны государства, которую следует рассматривать как избавление граждан от тяжкого бремени и нужды. В статье также использована лексема «*entlasten*» в подобном значении, входящая в состав инфинитивной конструкции «*um die Menschen in Deutschland von den gestiegenen Kosten zu entlasten*» (чтобы *освободить* людей в Германии от возросших расходов) [там же].

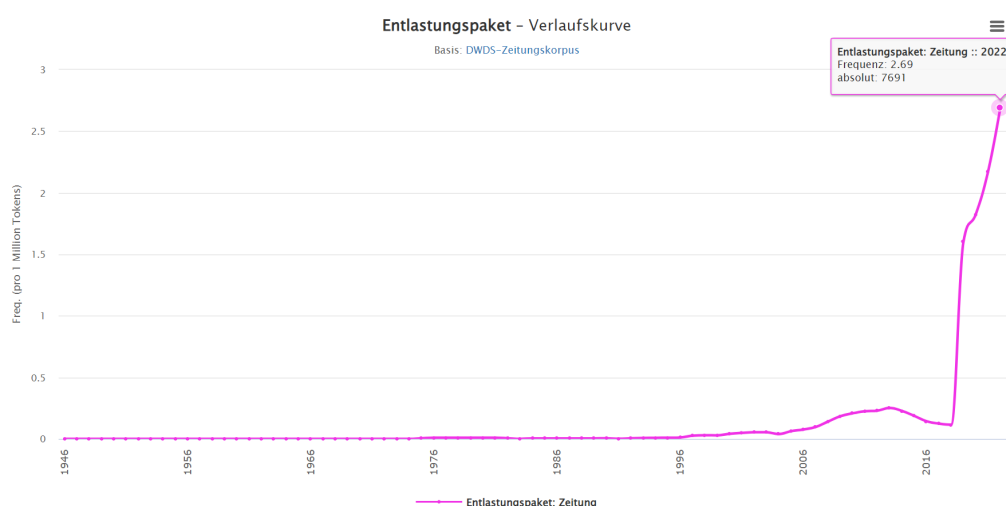

Рис. 3. Частотность употребления лексемы «*Entlastungspaket*»

Заслуживает внимания закон об ограничении арендной платы, вступивший в силу в начале 2020 года в Берлине и получивший название «*Mietendeckel*» (арендная крышка). Согласно этому положению, арендодатель обязан заморозить цены на аренду жилья, чтобы они соответствовали уровню 2019 года. Несмотря на то, что к настоящему моменту закон утратил свою силу, нами было выбрано это слово, так как наложение запрета на повышение платы за съёмное жилье сравнивается с крышкой (*der Deckel*), ср. «*Der Deckel eines Gefäßes*» (крышка сосуда). В отличие от выражения «*Festsetzung von Mietobergrenzen*» (установление верхних границ арендной платы), эвфемизированное «*Mietendeckel*» представляет собой очередную попытку размытия понятия. Так как выбранная нами статья была написана и опубликована уже после отмены этого закона, журналист использует данную лексему в словосочетании «*der gekippte Mietendeckel*» (закрытая арендная крышка). Такая мера государственной поддержки применима к арендодателям, которые вновь получили право поднимать цены на аренду с учётом инфляции в стране.

Исходя из того, что не все граждане имеют достаточные основания для получения выплат от государства или же по каким-либо причинам не посещают благотворительную организацию, оказавшись без достаточного количества денежных средств для поддержания прежней комфортной жизни, им приходится самим искать пути решения проблемы и ограничивать себя во многом. Используя выражение «von Hilfsangebot zu Hilfsangebot hangeln» (карабкаться от одного предложения помощи к другому), автор показывает, к каким мерам вынуждены прибегать люди из-за снижения доходов. Глагол «hangeln» в немецком языке относится к теме спорта и означает «передвигаться на руках в висающем положении, например, по горизонтальной или наклонной лестнице». Выбирая данный глагол, журналист сравнивает бедных жителей Германии со спортсменами, которые на весу держатся одними лишь руками и на исходе сил, перебираясь от одной перекладины до другой, как бы вынуждены хвататься за любое предложение помощи. Такими в статье представляются люди: слабыми, зависимыми, нуждающимися в помощи: либо со стороны государства, либо некоммерческой организации. Автор таким образом играет на чувствах читателей, ведь представленная картина может вызвать у них сочувствие и сострадание, но при этом не говорит в открытую, что люди становятся бедными.

Формулировки с похожим значением: «von Kiste zu Kiste laufen» (бегать от ящика к ящику, прим. в поисках скидок) и «zu den Rabattkisten laufen» (бежать к ящикам с товарами по скидке) могут быть восприняты по-разному. С одной стороны, если люди буквально ищут товары подешевле, пытаясь ухватиться за что угодно со скидкой, это раскрывает реальную картину бедности, когда денежных средств на другие товары попросту не хватает. С другой стороны, то, что было куплено по акции, представляется выгодным, ведь при этом не только были найдены нужные продукты, но и сэкономлена некоторая сумма денег.

В данном контексте следует рассмотреть высказывания героя статьи о его жизненных условиях. Так, в первом примере: «Ich esse nicht, worauf ich Appetit habe, sondern das, was gerade günstig ist» (я ем не то, что хочу, а то, что выгодно на сегодняшний день) он подчёркивает ограничения из-за нехватки финансов в своих собственных предпочтениях [12]. Во втором примере он рассказывает журналисту следующее: «Es ist mir peinlich, zuzugeben, dass ich mir einen Restaurantbesuch gar nicht leisten kann» (Мне стыдно признаться, что я вообще не могу позволить себе пойти в ресторан) [там же]. Отсутствие возможности пойти в ресторан заставляет его придумывать отговорки для своих знакомых, ведь наш герой испытывает стыд за своё положение.

Упомянутые выше высказывания имеют, по нашему мнению, эвфемистическую коннотацию, потому что герой статьи не заявляет прямо: «Ich bin arm» (я бедный) / «Ich werde arm» (я становлюсь бедным), а выбирает иные выражения для описания своего затруднительного финансового положения, например, «Ich kann mir einen Restaurantbesuch nicht leisten» (я не могу позволить себе визит в ресторан), тем самым вуалируя ситуацию.

Публицистический текст, являясь продуктом творчества журналиста, нередко содержит в себе оценочные языковые средства адресанта в отношении описываемого явления. В таком случае информационная функция в тексте статьи становится вторичной, а ключевую роль играет задача воздействия, состоящая в стремлении внушить читателям определённое мнение насчёт того или иного понятия. В этом контексте нам представляется интересным словосочетание «in „Überlebensstrategien“ verfallen» (перейти к стратегии выживания). Данное высказывание, как показатель оценки автора, заставляет читателя по-другому отнестись к факту бедности, задуматься о том, что страна действительно оказалась в непростом финансовом положении, если речь идёт не просто о жизненной стратегии, но о стратегии выживания. В широком смысле слово «Überlebensstrategie» (стратегия выживания) может употребляться в различных контекстах. В немецком языке эта лексема касается научной, социальной, экономической и других сфер. Переход к стратегии выживания не указывает на бедность напрямую. К тому же само понятие стратегии подразумевает поиск выхода из сложной ситуации, разработанный план для достижения определённой цели. В связи с этим выражение «in „Überlebensstrategien“ verfallen» также относится к категории эвфемизированных.

Автор статьи в заключение приводит фразу: «Alexander Kühling und all die anderen Menschen mit wenig Geld werden *sich* ohne weitere finanzielle Zuwendung buchstäblich *warm anziehen müssen*» (Александр Кюлинг и другие граждане с невысоким достатком без дальнейшей финансовой поддержки буквально будут *вынуждены тепло одеваться*) [12]. Это также является вынужденной мерой. В холодное время года возрастает потребность в тепле, но, как следствие повышения цен, немецкие граждане не могут позволить себе включить отопление. Мы трактуем выражение «*sich warm anziehen müssen*» в качестве эвфемизма, так как под ним подразумевается нехватка средств для оплаты отопления. Людям приходится экономить на тепле, чтобы сохранить деньги на товары первой необходимости. К тому же автор избежал прямой формулировки того, что люди замерзают (*frieren*), а выбрал иное выражение. Особенно заметна разница при сравнении с другим публицистическим текстом из немецкого журнала «*der Spiegel*», где журналист в открытую сообщает об условиях в период непростой экономической ситуации: «*In kaum einem Land Westeuropas frieren diesen Winter so viele Menschen in ihren Wohnungen wie in Portugal*» (Едва ли в какой-либо другой стране Западной Европы этой зимой так много людей *замерзают* в своих домах, как в Португалии) [11].

4. Заключение

Проведённый анализ позволил выявить соотношение эвфемизированных и неэвфемизированных номинаций бедности в рамках одной статьи по экономике.

В результате проведённого исследования было установлено, что в СМИ вопрос бедности не принято обсуждать открыто. Если журналист характеризует положение малоимущих граждан или перечисляет пути решения этой деликатной проблемы, он использует преимущественно языковые средства с эвфемистической окраской (*vor finanziellen Herausforderungen stehen, Lebensmittelpenden*). При именовании людей в тяжёлой жизненной ситуации в статье выявлены выражения как в прямом значении (*arme Menschen*), так и камуфлирующие (*Leistungsempfänger*Innen, Tafelkunde*). Для описания причин бедности автор статьи употребляет незавуалированные лексические единицы (*die erhobenen Preise, die gestiegenen Kosten*).

Превалирование в публицистическом тексте эвфемизированных выражений можно объяснить различными факторами. В нашем случае автор использует приём эвфемизации для того, чтобы представить ситуацию в более выгодном свете, избежать негативной оценки читателя и не вызвать коммуникативного дискомфорта у населения.

Исследование имеет практическую ценность, так как данные, полученные в результате анализа, могут быть использованы на практических занятиях по лексикологии и стилистике немецкого языка.

Перспективу для дальнейшего исследования мы видим в выявлении эвфемизированных выражений в других тематических областях экономического дискурса, например, эвфемистические номинации безработицы или налогообложения.

© Шубина Э.Л., Райкова Ю.А., 2023

Список литературы

1. Арапова Н.С. Эвфемизмы / Н.С. Арапова // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997. 636 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 3-е изд., стер. М.: КомКнига, 2005. 521 с.
3. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. М.: Просвещение, 1965. 492 с.
4. Кацев А.М. Языковые табу и эвфемия : учебное пособие к спецкурсу. Л. : Изд-во ЛГУ, 1988. 80 с.
5. Ковшова М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. М.: Гнозис. 2007. 320 с.
6. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русистика. 1994. № 1, 2. С. 28-49.
7. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 461 с.

8. Сидельникова Е. А. Коммуникативно-прагматическая и переводческая специфика эвфемизации и дисфемизации в газетно-публицистическом экономическом дискурсе : монография / С. В. Серебрякова; Е. А. Сидельникова. Ставрополь : изд-во СКФУ, 2017. 176 с.
9. Berliner Tafel E.V. URL: <https://www.berliner-tafel.de/> (дата обращения 5.12.22).
10. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS). URL: <https://www.dwds.de/wb/Euphemismus> (Accessed 5.12.22).
11. „Eltern müssen entscheiden, wer frieren soll“. Der Spiegel, 18. Jan. 2023, <https://www.spiegel.de/ausland/energiekrise-in-portugal-eltern-muessen-entscheiden-wer-frieren-soll-a-08a51ec1-d4dd-467e-ac9c-51eada4484cb> (Accessed 20.01.2023).
12. „Endlich wieder Donnerstag!“. Die Tageszeitung, 05. Jul. 2022, <https://taz.de/Inflation-und-Armut-in-Berlin/!5862270/> (Accessed 1.12.2022).

References

1. Arapova, N.S. Evfemizmy [Euphemisms]/ N.S. Arapova // *Russkiy iazyk: Entsiklopediia* [Russian language: Encyclopedia]/ Gl. red. Ju.N. Karaulov. M., 1997. 636 p.
2. Ahmanova, O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. [Dictionary of linguistic terms], 3-e izd., ster. M.: KomKniga, 2005. 521 p.
3. Budagov, P.A. *Vvedenie v nauku o iazyke* [Introduction to the science of language]. M.: Prosveshchenie, 1965. 492 p.
4. Katsev, A.M. *Iazykovye tabu i evfemiia* [Language taboo and euphemia] : uchebnoe posobie k spetskursu. L. : Izd-vo LGU, 1988. 80 p.
5. Kovshova, M. L. *Semantika i pragmatika evfemizmov* [Semantics and pragmatics of euphemisms]. M.: Gnozis. 2007. 320 p.
6. Krysin, L. P. *Evfemizmy v sovremennoy russkoy rechi* [Euphemisms in modern Russian speech] / L. P. Krysin // *Rusistika*. 1994. № 1, 2. P. 28-49.
7. Senichkina, E.P. *Slovar evfemizmov russkogo iazyka* [Dictionary of euphemisms of the Russian language]. M.: Flint: Science, 2008. 464 p.
8. Sidel'nikova, E. A. *Kommunikativno-pragmaticheskaya i perevodcheskaya spetsifika evfemizatsii i disfemizatsii v gazetno-publitsisticheskoy ekonomicheskoy diskurse* [Communicative-pragmatic and translation specificity of euphemization and disphemization in newspaper and journalistic economic discourse] : monografiia / S. V. Serebriakova; E. A. Sidel'nikova. Stavropol' : izd-vo SKFU, 2017. 176 s.
9. Berliner Tafel E.V., <https://www.berliner-tafel.de/> (Accessed 5.12.22).
10. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS), <https://www.dwds.de/wb/Euphemismus>
11. „Eltern müssen entscheiden, wer frieren soll“. Der Spiegel, 18. Jan. 2023, <https://www.spiegel.de/ausland/energiekrise-in-portugal-eltern-muessen-entscheiden-wer-frieren-soll-a-08a51ec1-d4dd-467e-ac9c-51eada4484cb> (Accessed 20.01.2023)
12. „Endlich wieder Donnerstag!“. Die Tageszeitung, 05. Jul. 2022, <https://taz.de/Inflation-und-Armut-in-Berlin/!5862270/> (Accessed 1.12.2022).

Сведения об авторах:

Шубина Эльвира Леонидовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкого языка МГИМО МИД России. Сфера научных и профессиональных интересов: грамматика, лексикология, фразеология, проблемы переводоведения. E-mail: elvira.shubina@mail.ru

Райкова Юлия Александровна – аспирант и преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО МИД России. Сфера научных и профессиональных интересов: лексикология, публицистический текст, экономический дискурс. E-mail: jrajkova@mail.ru

About the authors:

Elvira Shubina, Doctor of Philology, is Professor at the Department of the German Language, MGIMO. Spheres of research and professional interests: grammar, lexicology, phraseology, translation. E-mail: elvira.shubina@mail.ru

Julia Raikova is Postgraduate Student and Teacher of the Department of the German Language, MGIMO. Spheres of research and professional interests: lexicology, journalistic text, economic discourse. E-mail: jrajkova@mail.ru

* * *

IDENTIFYING AND INTERPRETING EUPHEMISMS AND DYSPHEMISMS IN RFL CLASSES (THE CASE OF POLITICAL DISCOURSE)

Kristina E. Agafonova

RUDN UNIVERSITY
6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia

Tatiana A. Krotova

MGIMO UNIVERSITY
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. This article is devoted to the issue of the need to include in the course of Russian as a foreign language the work on the analysis of Russian-speaking political discourse, the issues of identifying and interpreting euphemisms and dysphemisms in the political discourse, in particular. Euphemisms and dysphemisms are widely used by Russian speakers in a variety of communication situations and speech genres, including political discourse, which makes the research devoted to the systematic description of their functioning in modern Russian-language communication and their place in the Russian language picture of the world urgent.

The relevance of the present study is due to the need to integrate the results of cognitive and pragmatic research into the purposeful activities of the teacher of Russian as a foreign language to form the linguistic personality of a foreign student, capable of educational and professional activities in the conditions of multicultural dialogue.

The paper deals with the formation of foreign students' skills and abilities of discursive analysis of the Russian text, identification and interpretation of speech tactics and strategies, the strategy of dominance and resistance, implemented in speech through the use of euphemisms and dysphemisms, in particular. At high levels of proficiency in Russian as a foreign language B2-C1 these skills are a necessary element of the professional competence of humanities professionals. The choice of political texts as the material for the analysis is connected with the fact that for professionals in the humanities, in the field of international relations, in particular, political discourse is a significant sphere of official communication and professional interaction.

The aim of the present study is to analyze the theoretical foundations for describing euphemisms and dysphemisms for linguistic and pedagogical purposes, and to develop an approach to creating learning materials aimed at building the skills and abilities of foreign students to recognize hidden meanings and tools of indirect communication in Russian political discourse. The use of the proposed approach helps to develop in foreign students the ability to analyze political discourse and to identify the author's key and secondary intentions, as well as to improve the skill of operating political terminology and the selection of lexical and verbal means in accordance with the communicative situation and the communicative goals and intentions pursued.

The authors relied on the works of domestic and foreign linguists and methodologists in their research. The sociocultural, competence and systemic approaches were used in the research, and the method of complex text analysis and descriptive method were applied.

Keywords: cognitive-communicative linguistics, euphemism, dysphemism, meta-sense, political discourse, Russian as a foreign language

For citation: Agafonova, K.E., Krotova, T.A. (2023). Identifying and interpreting euphemisms and dysphemisms in RFL classes (the case of political discourse). *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(2), pp. 92–102. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-2-35-92-102>

ВЫЯВЛЕНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭВФЕМИЗМОВ И ДИСФЕМИЗМОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

К.Е. Агафонова

РУДН

117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Т.А. Кротова

МГИМО УНИВЕРСИТЕТ МИД России

119454, Москва, проспект Вернадского, 76

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу необходимости включения в курс русского языка как иностранного (РКИ) работы по анализу русскоязычного политического дискурса, в частности, вопросам выявления и интерпретации эвфемизмов и дисфемизмов в политическом высказывании. Эвфемизмы и дисфемизмы широко используются в речи носителями русского языка в самых разных ситуациях общения и речевых жанрах, в том числе в политическом дискурсе, что делает актуальными исследования, посвящённые системному описанию их функционирования в современной русскоязычной коммуникации и их места в русской языковой картине мира.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью интеграции результатов когнитивных и прагматических исследований в целенаправленную деятельность преподавателя русского языка как иностранного по формированию языковой личности иностранного учащегося, способной к образовательной и профессиональной деятельности в условиях полилога культур.

В работе рассматривается вопрос формирования у иностранных учащихся навыков и умений дискурсивного анализа русского текста, выявления и интерпретации речевых тактик и стратегий, в частности стратегии доминирования и сопротивления, реализуемой в речи через использование эвфемизмов и дисфемизмов. На высоких уровнях владения русским языком как иностранным В2-С1 данные умения являются необходимым элементом профессиональной компетенции специалистов гуманитарного профиля. Выбор политических текстов как материала для анализа связан с тем, что для профессионалов в гуманитарной области, в частности в области международных отношений, политический дискурс является значимой сферой официальной коммуникации и профессионального взаимодействия.

Целью настоящего исследования является анализ теоретических основ описания эвфемизмов и дисфемизмов в лингводидактических целях, а также выработка подхода к созданию учебных материалов, направленных на формирование у иностранных учащихся навыков и умения распознавания скрытых смыслов и инструментов не прямой коммуникации в русском политическом дискурсе. Использование предложенного подхода помогает развить у иностранных учащихся умение анализа политического дискурса и выявления ключевых и второстепенных интенций автора, а также улучшить навык оперирования политической терминологией и подбора лексико-речевых средств в соответствии с коммуникативной ситуацией и преследуемыми коммуникативными целями и интенциями.

В своём исследовании авторы опирались на работы отечественных и зарубежных лингвистов и методистов. При проведении исследования использовались социокультурный, компетентностный и системный подходы и применялись описательный и метод комплексного анализа текста.

Ключевые слова: когнитивно-коммуникативная лингвистика, эвфемизм, дисфемизм, метасмысл, политический дискурс, русский язык как иностранный

Для цитирования: Агафонова К.Е., Кротова Т.А. (2023). Выявление и интерпретация эвфемизмов и дисфемизмов на занятиях по РКИ (На примере политического дискурса). *Филологические науки в МГИМО*. 9(2), С. 92–102. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-2-35-92-102>

Введение

В центре исследований современной лингводидактики стоит человек, языковая личность. Обучение иностранному языку трактуется не как овладение той или иной языковой системой, а как овладение языком как средством общения, а точнее средством межкультурного общения. В рамках такого подхода центральной задачей преподавателя иностранного языка (в нашем случае – русского как иностранного (РКИ)) становится формирование вторичной языковой личности учащегося, способной к межкультурному общению. В лингводидактике последних нескольких десятилетий утвердилось мнение, что результатом образования в области иностранных языков является вторичная языковая личность, полностью готовая участвовать в межкультурном общении [13], [6]. По мере изучения русского языка иностранными студентами возникает потребность в решении всё более сложных коммуникативных задач, характерных для естественного общения на языке.

В рамках когнитивно-коммуникативного направления изучается языковое сознание, в том числе механизмы создания говорящим понятных текстов и механизмы восприятия этих текстов и их интерпретации другими людьми в речевом общении. В круг интересов когнитивной лингвистики и методики преподавания РКИ входит проблема понимания и применения скрытых средств речевого воздействия на интерпретацию событий участниками речевого взаимодействия, а также на их поведение и чувства. В исследованиях, посвящённых изучению политического дискурса, на первый план выходит анализ инструментов речевого воздействия (манипуляций). О.А. Бурукина отмечает, что политический дискурс в современном мире стал значимой частью официально-делового общения и занимает важное место в языке многих специальностей, например, в дипломатии. «Данный вид дискурса можно определить как совокупность коммуникативных актов, участники которых пытаются придать конкретное значение фактам и событиям и таким образом влиять на общество. Другими словами, политический дискурс можно определить как множество манипулятивных языковых стратегий, служащих конкретным идеологическим целям» [5, с. 69–70]. Исследователи полагают, что политический дискурс проявляется в том числе языковыми стратегиями, используя которые участники политической коммуникации, преследующие

определённые идеологические цели, могут манипулировать общественным сознанием. Вступая в коммуникацию, участники таким образом характеризуют происходящие события и так представляют факты, что это способствует возможности влиять на общество.

Политики и журналисты формируют мнение людей, транслируют определённое понимание актуальных и прошлых событий, влияют на массовое и индивидуальное сознание.

В политическом дискурсе используются речевые стратегии и тактики, в состав которых входят такие не прямые средства речевого воздействия, как метафоры, ирония, намеки, эвфемизмы и др. Обучение студентов узнаванию и пониманию скрытых смыслов в письменных и устных текстах относится к актуальным задачам методики преподавания русского языка как иностранного.

В этой статье основное внимание мы уделяем метасмыслу эвфемизмов и дисфемизмов, то есть всему тому, что не сказано прямо, а подразумевается, и рассматриваем формирование навыков и умений выявления и интерпретации эвфемизмов и дисфемизмов в русскоязычном политическом дискурсе как один из инструментов формирования межкультурной, коммуникативной и профессиональной компетенций у иностранных учащихся гуманитарного профиля.

Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, распространённостью употребления эвфемизмов и дисфемизмов в речи на разных уровнях языка, необходимостью выявления и описания функций эвфемизмов в современной русскоязычной коммуникации, в частности в политической коммуникации. С другой стороны, существует необходимость дальнейшей разработки системного подхода к процессу выявления семантических и функциональных особенностей эвфемизмов и дисфемизмов в языковой картине мира носителя русского языка в лингводидактических целях.

Научная и практическая значимость настоящего исследования заключается в анализе явлений эвфемии и дисфемии применительно к процессу обучения русскому языку как иностранному, а также разработке подхода к применению интерпретационных практик работы с политическим дискурсом в практическом курсе изучения русского языка как иностранного.

Объектом нашего исследования является русскоязычный политический дискурс.

Предметом выступает анализ функционирования эвфемизмов и дисфемизмов, используемых в русскоязычных политических текстах, и изучение их роли в формировании коммуникативной и межкультурной компетенций иностранных учащихся в рамках курса русского языка как иностранного, а также целенаправленная деятельность преподавателя русского языка по формированию коммуникативной компетенции иностранных учащихся путём овладения коммуникативными стратегиями, в частности стратегией речевого маневрирования.

В ходе исследования мы ставили перед собой следующие задачи:

- дать общее понимание явлений эвфемии и дисфемии в политическом дискурсе применимо к процессу обучения иностранных учащихся русскому языку;
- определить подход к разработке учебных материалов, ориентированных на включение экспланаторных и интерпретационных практик в работу с эвфемизмами и дисфемизмами в курсе русского языка как иностранного.

Материал и методология исследования

Теоретическую базу исследования составили работы отечественных и зарубежных лингвистов (Е.И. Шейгал, О.С. Иссерс, Ю.А. Сорокина, А.Н. Баранова, В.З. Демьянкова, Т. Ван Дейк и др.), педагогов и методистов (И.И. Халеевой, Л.Л. Вохминой, В.И. Шляхова, Э.Г. Азимова, Ю.Е. Прохорова и др.). Исследование проводилось в рамках системного, социокультурного и компетентностного подходов.

Материалом исследования послужили тексты реального и виртуального дискурса (в терминологии Е. И. Шейгал), содержащие примеры использования эвфемизмов и дисфемизмов как инструментов непрямого речевого воздействия. В работе с первоисточниками авторы использовали метод комплексного анализа текста, включающего как анализ собственно языкового материала (формальный и содержательный уровни), так и анализ событийного контекста.

Понятие эвфемизма и дисфемизма

В своём исследовании мы опираемся на следующее толкование термина «эвфемизм»: «Эвфемизмы – эмоционально нейтральные слова и выражения, употребляемые вместо...слов и выражений, представляющих говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [17, с. 590].

В научной литературе эвфемизмом считается «лексическая единица, при помощи которой говорящий перефразирует табуированное в конкретной речевой ситуации слово (исходное наименование) с целью нейтрализации негативного прагматического эффекта при его восприятии» [4, с. 8].

Е.И. Шейгал, анализируя использование эвфемизмов, приходит к выводу, что в дискурсе оно зависит от таких прагматических принципов, как принцип вежливости, табуирования, регулятивного воздействия, и должно подвергаться шифровке определённую информацию, произошедшее событие или деятельность [14].

По определению Е.В. Шишовой, дисфемизмы – это «слова с неприятными коннотациями, которые несёт в себе пейоративный ассоциат», использование таких слов или выражений придаёт высказыванию отрицательный эффект [16, с. 8]. Дисфемизмы используются в речи, когда говорящий намеренно употребляет ситуативно неуместные слова и выражения, как правило, стилистически маркированные. Цель говорящего – стратегическая и/или ироническая дискредитация собеседника, речевого партнёра. Следствием подобного использования дисфемизмов становится нарушение постулатов речевого общения.

Следует обратить внимание на то, что в процессе анализа дискурса необходимо разграничивать использование дисфемизмов как инструмента воздействия и речевой тактики и употребление в речи сленга, вульгаризмов и т. п. Как отмечают исследователи явления дисфемии, основной критерий различения дисфемизма и иных упомянутых лексических явлений – коммуникативная функция этих единиц. Дисфемизм выбирается говорящим намеренно, даже при существовании нейтрального обозначения того же денотата, более уместного в различных ситуациях, и выражение приобретает грубый иронический характер. Т.В. Бойко так описывает этот процесс: один из участников диалога понимает, что его высказывание имеет грубую форму, но не использует каких-либо вежливых форм и делает это намеренно. Его собеседник, ожидая вежливой или нейтральной формы высказывания, но получая вместо неё грубое выражение, воспринимает дисфемизм более эмоционально [4, с. 8].

В научной литературе отмечается, что выделение эвфемизмов и дисфемизмов в особый лексический пласт неоправданно. Значение эвфемизмов и дисфемизмов проясняется, как правило, только на уровне речи, в определённом социальном и культурном контексте, а не является исходной характеристикой слова. При изменении параметров исходного контекста эвфемистичность или дисфемистичность лексических единиц может сниматься, исчезать. Исследователи полагают, что эвфемия и дисфемия – это особые способы употребления слов в коммуникативной деятельности [14], [4]. Порождение и использование эвфемизмов и дисфемизмов определяется интенцией адресанта. При этом использование эвфемизмов и дисфемизмов в речи имеет противоположный прагматический эффект: эвфемизмы помогают нейтрализовать или ослабить негативный прагматический эффект, а дисфемизмы усиливают негативный прагматический эффект.

Отмечается, что в случае эвфемии и дисфемии грамматическая форма и смысл выражения часто не совпадают [8, с. 353]. Именно это несовпадение между знаком и означаемым, на наш взгляд, является источником трудностей в выделении и интерпретации эвфемизмов и дисфемизмов иностранными учащимися.

Об эвфемизации в политических текстах

В повседневном дискурсе эвфемизмы применяются для замены грубых, нетактичных, невежливых слов. Например, в США запрещено упоминать слово «негр», вместо него принято говорить «афроамериканец», вместо слова «инвалид» используется эвфемизм «лицо с ограниченными возможностями».

В своей работе «Семиотика политического дискурса» Е.И. Шейгал отмечает: «В политическом дискурсе эвфемистическое переименование является проявлением магической функции языка. Эвфемизм как разновидность референциальной манипуляции мотивируется предположением о том, что изменение имени может придать новые свойства денотату, то есть как бы меняет его природу» [14, с. 249]. Исследователь считает, что эвфемизация может служить инструментом устранения неприятного факта при условии изменения способа его констатации.

Л.П. Крысин выделяет следующие основные коммуникативные цели, определяющие употребление эвфемизмов в речи: необходимость донести до собеседника информацию так, чтобы только он понял содержание сообщения, желание создать собеседнику в коммуникативной ситуации благоприятную атмосферу [9, с. 391, 392, 396].

В настоящей статье мы рассматриваем феномен эвфемизации политического дискурса не только в рамках этикетных установлений, но и с позиции речевого воздействия на массового адресата.

Характеризуя современный политический дискурс и место эвфемизмов в нём, стоит также упомянуть и о том, что ещё в недалеком прошлом доминировали правила политкорректности, в политических спорах не говорилось о глупости политических конкурентов «открытым текстом», об их физических недостатках, об их семейных проблемах. Однако сегодня мы наблюдаем, как этикетные запреты утрачивают былую силу в обществе.

Приведём пример нарушения политического этикета в предвыборной борьбе за пост президента США в 2020 году.

Обстоятельства общения. Президент США Дональд Трамп дал в Твиттере характеристику своего оппонента – кандидата в президенты США от Демократической партии Дж. Байдена.

«Он был чудаковатым долгие годы, и все это знают. Средства массовой дезинформации с ним повязаны и просто пытаются обелить его действия. Вы замечаете, что обо всём плохом, например, о его очень низком IQ – больше не сообщается? Фейковые новости!» – написал президент США Трамп в своем твиттере [12].

Комментарий. Слова о «низком IQ» являются эвфемизмом и заменяют инвективы «дурак, глупец, тупица, болван». Однако все участники коммуникации понимают, какие умственные качества подразумеваются в словах президента США.

О дисфемизмах в политике

Дисфемизация устной и письменной политической речи – это намеренное использование в текстах бестактных, грубых слов и выражений для нанесения ущерба репутации политическим оппонентам.

Наряду с эвфемизацией дисфемизация занимает не последнее место в политическом дискурсе. Дисфемистическая и эвфемистическая речевые стратегии являются, по мнению ряда исследователей, основными инструментами манипулятивной технологии: с одной стороны, они способствуют созданию положительного образа политического деятеля и служат цели дискредитации образа политического оппонента, с другой стороны, теряя самоконтроль, политики нередко пользуются прямыми оскорблениями и обвинениями в адрес своих оппонентов, а также используют и дисфемизмы [15].

Дисфемистические обороты используются в жёсткой стратегии доминирования и широко применяются в современных политических баталиях. Официальная обстановка общения предполагает соблюдение собеседниками этикетных норм, проявление такта и толерантного отношения друг к другу. Стратегическое применение дисфемии противоречит требованиям ситуативной уместности, помогает отстраниться от ситуации и обеспечивает однозначность и неизменность точки зрения говорящего.

Кроме того, возможна ироническая стратегия дисфемизации дискурса. В этом случае адресант прикрывает смешным, комическим, ироническим высказыванием негативное отношение к предмету речи. Истинный смысл высказывания скрыт за нейтральной формой выражения или за оценкой, которая внешне выглядит положительной. Нередко дисфемизмы являются инструментами манипуляции, вызывающей негативные эмоции у целевой аудитории по поводу мыслительных способностей политических соперников, их моральных качеств и т. п.

Эвфемию и дисфемию сближает прежде всего то, что речевые действия призваны воздействовать на поведение, знания и эмоции участников речевого взаимодействия. Сравним эвфемистический оборот с дисфемизмом. Так, слова «глупец, дурак» передаются эвфемизмами «недалёкий, ограниченный человек, который звёзд с неба не хватает» и т. п., а в дисфемии – «балбес, балда, баран, бестолочь, болван, бревно» и т. п.

Дисфемизации в первую очередь подвергаются те темы, которые, в свою очередь, смягчаются эвфемизмами.

Приведём пример использования дисфемизмов в политическом дискурсе.

Обстоятельства общения. Приведённое высказывание содержит реакцию США Дональда Трампа, президента Соединённых Штатов Америки, на критику, высказанную экс-госсекретарём Рексом Тиллерсоном:

«Майк Помпео отлично работает, я им очень горжусь. Его предшественник Рекс Тиллерсон не обладал необходимыми умственными способностями. Он был глуп как пробка, и я должен был избавиться от него как можно скорее. Он был чертовски ленив. Теперь игра пошла совершенно по-новому, в Госдепе совсем другой настрой!» [7].

Комментарий. Политик использует фразеологический оборот «глуп как пробка», тем самым он даёт оценку умственных способностей оппонента, указывая на его профессиональную несостоятельность.

Обстоятельства общения. В статье автор высказывания критически относится к возрасту известных политических деятелей.

«Когда смотришь их интервью, видно, что <...> это абсолютно уставшие люди, из которых уже песок сыпется» [11].

Комментарий. Дисфемизм «песок сыпется» определяет старость и стоит в синонимическом ряду с такими эмотивно насыщенными дисфемизмами, как «старый пень», «выжить из ума» и др.

Обучая иностранных учащихся распознаванию подобных выражений, раскрывая вместе с ними истоки и смысл использованных лексических средств, мы способствуем расширению фоновых знаний наших студентов и формированию у них социокультурной компетенции, наравне с коммуникативной.

Итак, эвфемизмы и дисфемизмы являются скрытыми речевыми средствами воздействия. Они означают одни и те же явления и события в окружающем мире и в политической борьбе, но отличаются тем, что эвфемизмы в эмоциональном плане относятся к мягкому речевому воздействию, а дисфемизмы к речевым действиям, обладающим жёсткой, не щадящей чувств оппонента модальностью.

Эвфемизмы и дисфемизмы: лингводидактический аспект

Мы полагаем, что если студенты приобрели умения выражать свои мысли любыми способами (прямыми или косвенными), понимать коммуникативные интенции собеседников, лексико-грамматическую систему русского языка, специфику и оттенок речевых высказываний, то можно

признать, что коммуникативная компетенция сформирована. Основным элементом в политическом дискурсе является высказывание, которое выражает не только информацию, но и косвенно, скрыто — отношение говорящего к ней. Именно поэтому необходимо обращать внимание студентов на способы выражения этого отношения [5, с. 71]. К речевым компетенциям мы причисляем и «способность интерпретировать в речи такие фигуры непрямо́й коммуникации, как метафора, эвфемизм, дисфемизм, намёк или ирония и другие стратегические и динамические компоненты дискурса» [2, с. 17].

Актуальной задачей методики преподавания русского языка как иностранного является также создание алгоритма распознавания метасмысла, то есть того, что подразумевается, но не выражено словесно. С помощью подобного алгоритма иностранные учащиеся (самостоятельно или с преподавателем), анализируя средства устной и письменной коммуникации, смогут интерпретировать непрямо́е значение используемых слов и выражений, в том числе в политическом дискурсе.

Прежде чем охарактеризовать методические приёмы, направленные на формирование у иностранных студентов навыка опознавания и понимания эвфемизмов и дисфемизмов в современном политическом дискурсе, нам необходимо представить, как говорящий может достигнуть речевой цели, какую стратегию он избирает. При этом под речевой стратегией мы понимаем планирование «процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личности коммуникантов», а также реализацию этого плана в процессе реального общения [3, с. 252]. Речевая стратегия представляет собой «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей общения», то есть реализуется в выборе наиболее эффективных речевых тактик. Тем самым говорящий демонстрирует понимание необходимости последовательного решения задач, возникающих при общении [1].

Любая коммуникация подразумевает использование конкретной стратегии речевого взаимодействия, которая в свою очередь диктует выбор определённого лексического, грамматического и прагматического сопровождения. В этой связи альтруистический контекст мы находим частью стратегии сотрудничества и кооперации, тогда как контекст доминирования присутствует в речи, направленной на подавление или даже разрушение сопротивления адресата (различного по природе). Сопротивление и доминирование в речевой стратегии основывается на эвфемизмах и, в особенности, дисфемизмах.

Анализируя речевые события, выбранные стратегии и тактики участвующие в коммуникации, мы можем определить цель высказываний и истолковать речевые реакции собеседника (или массового адресата). Опираясь на теорию речевых стратегий, можно утверждать, что эвфемизмы используются в стратегии «мягкого» речевого доминирования, тогда как дисфемизмы можно отнести к «жёсткому» типу доминирования.

В обучении иностранных учащихся выявлению и интерпретации эвфемизмов и дисфемизмов мы предлагаем использовать экспланаторные практики, общепринятые в прагмалингвистике: практики комментирования, парафразирования, упрощения [17], а также выявления и описания речевых стратегий и тактик.

Используя парафразирование и упрощение, студент своими словами описывает контекст речевого события, выявляет скрытый смысл высказывания.

Работа с эвфемизмами и дисфемизмами в иностранной аудитории, в основе которой лежат практики выявления и интерпретации скрытых смыслов, на наш взгляд, должна проходить три стадии:

- опознание или идентификация явлений, обслуживающих определённые словесные стратегии и тактики, в частности выявление в политическом тексте эвфемизмов и дисфемизмов. На данном этапе мы предлагаем включить в работу поисковые упражнения, направленные на выявление как эвфемистических замен, так и дисфемистических актов, содержащих как адресную, ничем не прикрытую агрессию, так и замаскированные, имеющие непрямо́е значение выражения в политическом дискурсе. Переход к интерпретации политического текста подразумевает называние и понимание речевых тактик, реализующих скрытые словесные выпады;

- формирование умения понимать метасмысл сказанных слов: данный этап работы представлен упражнениями с практиками парафразирования, упрощения и комментирования. Важно, что на этом этапе преподаватель и студент работают не только с лексико-речевым материалом, но анализируют социокультурный контекст, наблюдают проявления русскоязычного языкового сознания в политическом дискурсе, что способствует формированию межкультурной компетенции иностранных учащихся;

- стадия вербализации, использования иностранными учащимися эвфемизмов и дисфемизмов в речи и на письме. На данном этапе возможно использовать метод кейс-анализа: предложить учащимся для анализа определённую ситуацию политического взаимодействия и попросить их сформулировать возможное речевое решение данной ситуации с использованием эвфемизмов и/или дисфемизмов.

Таким образом, выявление и интерпретация эвфемизмов и дисфемизмов на занятиях по РКИ проходят следующие стадии понимания учащимися метасмысла:

1. Ответ на вопрос, что имеется в виду, что подразумевается. Учащиеся осуществляют операцию по «выпрямлению» смысла: им необходимо передать мысль «прямым текстом» и ответить на вопрос «Почему в предлагаемой ситуации прямое понимание слов оказывается абсурдным?»;

2. Выяснение причин обращения к непрямым средствам воздействия. На этой стадии учащиеся раскрывают истинный смысл анализируемого высказывания и объясняют, почему участники коммуникации прибегают к непрямым средствам воздействия и каких коммуникативных целей они достигают путём использования подобных речевых средств;

3. Воссоздание коммуникативной ситуации и использование в речи фигур не прямой коммуникации как инструмента воздействия на собеседника.

На наш взгляд, методические разработки, созданные с учётом предлагаемого подхода, будут востребованы на уровнях владения русским языком как иностранным B1 и выше.

Организуя работу с эвфемизмами и дисфемизмами предложенным выше способом, мы не только формируем у иностранных учащихся умение анализировать политический дискурс, но также развиваем у них навык оперирования политической терминологией, учим их подбору контекстуальных синонимов и эквивалентов терминам исходного высказывания, совершенствуем навык выявления ключевых и второстепенных интенций автора, практикуем актуальное членение (темарематический анализ) высказывания. Кроме того, подобная работа способствует более глубокому знакомству с русской лексикой и формирует умение подбора лексико-речевых средств в соответствии с коммуникативной ситуацией и интенцией автора высказывания.

Выводы

Студентам, изучающим современный политический дискурс, необходимо научиться понимать метасмысл в эвфемизмах и дисфемизмах, определять цели их использования в политической коммуникации. Без данного знания невозможно достаточное овладение коммуникативной компетенцией. Аналитическая работа по выявлению и интерпретации эвфемизмов и дисфемизмов в русскоязычном политическом дискурсе требует от иностранного учащегося не только навыков лингвистического анализа, но и активного погружения в социальный, культурный и политический контекст анализируемого высказывания, оценку участников речевого акта, условия коммуникации и т. п.

На сегодняшний день в методике преподавания русского языка как иностранного, на наш взгляд, существует недостаток обучающих практик, направленных на формирование высших коммуникативных компетенций, в том числе коммуникативных приёмов опознания скрытых смыслов как в политическом дискурсе, так и в других типах русскоязычного дискурса. Примене-

ние результатов исследований, выполненных в рамках когнитивно-коммуникативного подхода, позволит не только повысить уровень владения русским языком у иностранных учащихся, но будет способствовать формированию у них навыков дискурсивного анализа, а также коммуникативной и межкультурной компетенций.

© Агафонова К.Е., Кротова Т.А., 2023

Список литературы

1. Агафонова К.Е. Речевая стратегия доминирования – основной инструмент воздействия в политическом дискурсе. Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2017. № 4. С. 73–75.
2. Агафонова К.Е. Проблема понимания скрытых и явных словесных выпадов в политическом дискурсе (на занятиях по русскому языку как иностранному). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Москва, 2019.
3. Азимов Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)/ Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
4. Бойко Т.В. Эвфемия и дисфемия в газетном тексте. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 2006.
5. Бурукина О.А. Алгоритмы работы с политическим высказыванием: стратегическая роль преподавателя // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 3. С. 68–77.
6. Гальскова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ./ Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. 3-е изд., стереотип. М.: Академия, 2006. 336 с.
7. «Глуп как пробка»: Трамп устроил перепалку с Тиллерсоном. Текст электронный: РИА Новости. 2018–07 дек. URL: <https://ria.ru/20181207/1547641612.html> (дата обращения 13.01.2023).
8. Кваскова Л.В. Дисфемизация речи как коммуникативная тактика в дискурсе // Преподаватель XXI век. 2016. № 2. С. 352–357.
9. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 384–406.
10. Лищук А.Ю. Роль эвфемизмов в политическом дискурсе/ А.Ю. Лищук, Л.К. Ланцова // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. Материалы докладов XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2020. С. 115–121.
11. Милов назвал Явлинского и Зюганова «продавшимися» людьми. Текст электронный: Политэксперт. 2021–22 июля. URL: <https://politexpert.net/254578-milov-nazval-yavlinskogo-i-zyuganova-prodavshimisya-lyudmi> (дата обращения 11.01.2023).
12. Трамп вновь усомнился в интеллектуальных способностях Байдена. Текст электронный: Интерфакс. 2020. 7 окт. URL: <https://www.interfax.ru/world/730460> (дата обращения 12.01.2023).
13. Халеева И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. М.: Изд-во «Высшая школа», 1989. 238 с.
14. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук. Волгоград, 2000. 431 с.
15. Шишова Е. В. Дисфемия в современном российском и американском политическом дискурсе. Автореферат на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Казань, 2017.
16. Шляхов В. И., Саакян Л. Н. Текст в коммуникативном пространстве. М.: ЛЕНАНД, 2017. 240 с.
17. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. 2-е изд. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. 685 с.

References:

1. Agafonova, K.E. Rechevaia strategiia dominirovaniia – osnovnoy instrument vozdeistviia v politicheskom diskurse [Speech strategy of dominance – the main tool of influence in political discourse]. *International Postgraduate Bulletin. Russian language abroad*. 2017. № 4. P. 73-75.
2. Agafonova, K. E. *Problema ponimaniia skrytykh smyslov i iavnykh slovesnykh vypadov v politicheskom diskurse (na zaniatiiakh po russkomu iaziku kak inostrannomu)* [The problem of understanding hidden and explicit verbal attacks in political discourse (in classes on Russian as a foreign language)]. Author's abstract of the thesis for the degree of candidate of pedagogical sciences. Moscow, 2019.
3. Azimov, E.G., Shchukin A.N. *Novyi slovar' metodicheskikh terminov i poniatii (teoriia i praktika obucheniia iazykam)* [New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching)], Moscow: IKAR Publishing House, 2009. 448 c.
4. Boyko, T.V. *Evfemiia disfemiia v gazetnom tekste* [Euphemia and dysphemia in the newspaper text]. Author's abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences. St. Petersburg, 2006.

5. Burukina, O.A. Algoritmy raboty s politicheskim vyskazyvaniem: strategicheskaya rol' prepodavatelya [Algorithms of work with political statement: strategic role of teacher] // *Bulletin of Russian State University of Humanities. Series "Psychology. Pedagogy. Education"*. 2020. № 3. P. 68-77.
6. Galskova, N.D., Gez, N.I. *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Lingvodidaktika i metodika: ucheb. posobie dlia stud. 3-e izd. stereotip*. [Theory of teaching foreign languages. Linguodidactics and methodology: a textbook for students. 3rd ed. stereotyped]. M.: Academy. 2006.
7. «Glup kak probka» Tramp ustroil perepalku s Tillersonom [«Stupid as a cork»: Trump had an altercation with Tillerson]. Text electronic: RIA Novosti. 2018-07 Dec., <https://ria.ru/20181207/1547641612.html> (accessed 13.01.2023).
8. Kvaskova, L.V. Disfemizatsiya rechi kak kommunikativnaya taktika v diskurse [Disphemization of speech as a communicative tactic in discourse] // *Teacher 21 century*. 2016. №2. P. 352-357.
9. Krysin, L.P. Evfemizmy v sovremennoy russkoy rechi // *Russkiy yazyk kontsa 20 stoletiya* (1985 – 1995) [Euphemisms in modern Russian speech// Russian language of the late 20th century (1985-1995)]. Moscow: Languages of Russian culture, 2000. P. 384-406.
10. Lishuk, A.Yu., Lantsova, L.K. Rol' evfemizmov v politicheskom diskurse [The role of euphemisms in political discourse] // *Foreign languages in the context of intercultural communication. Reports of the 12th All-Russian scientific-practical conference with international participation*. Saratov: Publishing house "Saratov source", 2020. C. 115-121.
11. Milov nazval Yavlinskogo i Zjuganova «prodavshimi» lyud'mi [Milov called Yavlinsky and Zyuganov «sold out» people]. Electronic text: Politekspert. 2021-22 July, <https://politekspert.net/254578-milov-nazval-yavlinskogo-i-zyuganova-prodavshimi-sya-lyudmi> (accessed 11.01.2023).
12. Tramp vnov' usomnilsia v intellektual'nykh sposobnostyakh Baidena [Trump again questioned Biden's intellectual abilities]. Text electronic: Interfax. 2020-Oct. 7, <https://www.interfax.ru/world/730460> (accessed 12.01.2023).
13. Khaleyeva, I.I. *Osnovy teorii obucheniya ponimaniyu inoazychnoy rechi* [Fundamentals of the theory of teaching the understanding of foreign language speech]. Moscow: Vysshaya Shkola Publishing House, 1989. 238 p.
14. Shegal, E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. D. thesis for the degree of Doctor of Philology. Volgograd, 2000. 431 p.
15. Shishova, E.V. *Disfemiya v sovremennoy rossiyskoy i amerikanskoy diskurse* [Dysphemism in contemporary Russian and American political discourse]. Author's abstract for the degree of Candidate of Philological Sciences. Kazan. 2017.
16. Shlyakhov, V.I., Saakyan L.N. *Tekst v kommunikativnom prostranstve* [Text in communicative space]. M.: LENAND, 2017. 240 p.
17. *Iazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistics. The Big Encyclopedic Dictionary. 2nd ed.] Big Russian Encyclopedia, 1998. 685 p.

Сведения об авторах:

Агафонова Кристина Евгеньевна, кандидат педагогических наук, преподаватель, Институт русского языка РУДН. Email: Agafonovake@yandex.ru

Кротова Татьяна Алексеевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка МГИМО Университет МИД России. Сфера научных интересов: методика преподавания русского языка как иностранного, межкультурная коммуникация, этнометодика. Email:tkrotova@gmail.com

About the authors:

Kristina Y. Agafonova, PhD in Educational Sciences, is Lecturer at the Institute of the Russian Language, RUDN UNIVERSITY. Email: Agafonovake@yandex.ru

Tatiana A. Krotova, PhD in Educational Sciences, is Associate Professor at the Department of the Russian Language for foreign students, MGIMO UNIVERSITY, the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Email:tkrotova@gmail.com

* * *

COGNITIVE RESEARCH IN PEDAGOGY: CONCEPTUAL METAPHOR IN CLIL-ECONOMICS

Tatiana V. Andryukhina

MGIMO UNIVERSITY
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The paper analyses a prominent topic of current research into implementing cognitive findings in pedagogy. The study pursues a threefold purpose. It aims to review research literature on the instructional application of cognitive research in general and Conceptual Metaphor Theory (CMT) in particular. Conceptual metaphor investigation is a broad strand of cognitive research that has promised to discover new insights in methodological approaches applicable to different specialist subjects including economics known for ubiquitous use of metaphors. The second focus of this study is to review research papers on the use of cognitive findings including Conceptual Metaphor Theory (CMT) in Content and Language Integrated Learning (CLIL) which names cognition as one of its key components indispensable for content and language coordination. The paper aims to ascertain whether conceptual metaphor research plays any role in CLIL pedagogy and whether the pedagogical potential of language and theory-constitutive metaphors is used in CLIL-economics instruction. This study finds that conceptual metaphor as a property of both language and thought ensuring the convergence of learning economic language and content has not yet been translated to CLIL practice despite its great potential. Thirdly, the paper looks into the pedagogical implications of CMT findings in CLIL-economics. The paper argues that conceptual metaphor agrees with the tenets of integrated economic language and content learning. A cognitive interface between metaphor-based economic language and content which ensures their integration in CLIL methodology is postulated. Some steps in applying a metaphor-based approach in CLIL-economics are suggested.

Keywords: cognitive linguistics, conceptual metaphor, CLIL, economic metaphor, economic subject, metaphor-based instruction

For citation: Andryukhina, T.V. (2023). Cognitive research in pedagogy: conceptual metaphor in CLIL-economics. *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(2), pp. 103–115. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-2-35-103-115>

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПЕДАГОГИКЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ПРЕДМЕТНО-ЯЗЫКОВОМ ИНТЕГРИРОВАННОМ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ-ЭКОНОМИСТОВ

Т.В. Андрюхина

МГИМО УНИВЕРСИТЕТ МИД России
119454, Москва, проспект Вернадского, 76

Аннотация. Статья посвящена актуальному направлению современных исследований в русле использования достижений когнитивной лингвистики в педагогике. Данная работа преследует триединую цель. Во-первых, провести обзор научной литературы, посвящённой применению в педагогике когнитивных исследований и теории концептуальной метафоры (СМТ), в частности, так как изучение концептуальной метафоры – это широкое направление когнитивистики, которое обещает открыть новые подходы в методологии преподавания и изучения различных предметных областей и профессиональных дискурсов, включая экономику, известную широким использованием научных метафор. Во-вторых, ставится задача сделать обзор научных публикаций, посвящённых использованию достижений когнитивной науки и теории концептуальной метафоры при осуществлении предметно-языкового интегрированного обучения (CLIL), в рамках которого познание/когниция признаётся одним из ключевых компонентов, необходимых для координации предметного и языкового содержания обучения. Цель статьи на этом этапе состоит в том, чтобы выяснить, играют ли исследования концептуальной метафоры какую-либо роль в практике предметно-языкового интегрированного обучения и используется ли педагогический потенциал метафоры как средства создания новых экономических теорий и понятий и их вербализации. В-третьих, в статье делается попытка аргументировать важную роль концептуальной метафоры в интегрированном изучении английского языка и предмета экономики. Исследование показывает, что концептуальная метафора как свойство языка и мышления обеспечивает совпадение когнитивных механизмов изучения этих дисциплин. Однако приём обучения на основе метафоры ещё не нашёл достаточного применения в практике предметно-языкового интегрированного обучения. В работе постулируется наличие когнитивного интерфейса между экономическим языком и содержанием, который обеспечивает их интеграцию в процессе предметно-языкового обучения. Предлагаются некоторые пути использования концептуальной метафоры и её моделей при предметно-языковом интегрированном обучении английскому языку и экономике.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концептуальная метафора, предметно-языковое интегрированное обучение экономике и английскому языку, метафора как приём обучения

Для цитирования: Андрюхина Т.В. (2023). Когнитивные исследования в педагогике: концептуальная метафора в предметно-языковом интегрированном обучении студентов-экономистов. *Филологические науки в МГИМО*. 9(2), С. 103–115. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-2-35-103-115>

1. Introduction

Cognitive linguistics is considered a fruitful framework for different areas of second/foreign language (S/FL) acquisition [37], [9], [10], [7], [8], [25] and subject content learning/teaching [4], [31], [34]. Based on the recognition of its benefits, CLIL theorists also expect further investigations in CLIL to depend on cognitive research findings and note that there are “efforts to bring cognitive science and education together in dialogue” [41, p. 77]. CL is instrumental in explaining the role of the cognitive processes of content and language integration in the construction of knowledge [51].

Content and Language Integrated Learning (CLIL) is the study of a certain subject through a foreign language [14], [41]. Hence the combination of the content and the language serve as a learning medium. Though CLIL is supposed to be a dual-focused approach, many instructors admit that, in fact, subject-specific content comes to the fore to the detriment of language. Cognitive findings prompt that a more language-led approach in CLIL can reinforce the learning process by making it more meaningful and learners more content aware. Figurative language is one of cognitive research numerous foci [47]. Conceptual metaphor – a cognitive mechanism underlying both linguistic meanings and numerous subject specific concepts – agrees with CLIL tenets. So, incorporating conceptual metaphor awareness in CLIL instruction should gain greater topicality.

Conceptual Metaphor Theory (CMT) [29] argues that metaphor is a property of concepts rather than words, that it has an explanatory function and that it is a process of human thought and reasoning. CMT application to pedagogy is a noticeable strand in CL-oriented instructional research [38], [39], [53], [8], [40], [48] and the study of specialist discourses. Among other discourses, metaphors are particularly abundant in economic discourse. More than that, they are not only ubiquitous but also systemic in this discourse type [33], [34], [22], [23], [31].

Though importance is attributed to metaphor-oriented instruction, most scholars note that this line of research has not reached mainstream practice and is still regarded as something marginal in textbooks for English as S/FL [40]. Neither does metaphor feature in the descriptors established for the Common European Framework of Reference for Languages though, as shown by Littlemore and Low [38], it plays an important role in all aspects of communicative competence.

As for the CLIL model, despite its solid theoretical underpinning, there is still a wide gap in CLIL methodology of language learning [32], [17], in practices of learning specialist domains and sciences [19], [45] especially at university level [21], [46]. The CLIL pedagogical approach with its principle of content learning through a foreign language [14], [41] is now expected to be further advanced and the gap to be bridged by the application of the latest findings in cognitive science research [13]. The need to raise metaphor awareness in CLIL is stressed by Piquer-Píriz and Alejo-González [47]. However, a metaphor-focused cognitive approach has been taken only in very few CLIL studies [6], [1] and is undoubtedly under-researched. The fact that conceptual metaphor-based approach has not been so far widely implemented in CLIL pedagogy makes this angle of research an area of major interest.

This study suggests that a cognitive stance towards CLIL-economics with a focus on conceptual metaphor has a great potential for classroom practice. The purpose of this research is to analyse the state of knowledge on cognitive, in particular conceptual metaphor research in pedagogy in general and in CLIL instruction in particular. As conceptual metaphor underlies both economic language and content, review of research literature on CMT finding in CLIL-economics is carried out. As another focus, this study attempts to throw light on the relevance of conceptual metaphor cognitive mechanism to the process of economic language and subject acquisition because metaphoric language and metaphoric thought/reasoning are integrated in creating economic knowledge.

In this regard, we set a goal to analyse research literature on cognitive and CMT research pedagogical application as our first research objective. The second one is to review publications on the use of cognitive findings including Conceptual Metaphor Theory (CMT) in Content and Language Integrated Learning (CLIL) pedagogical approach which names cognition as one of its key components indispensable for content and language coordination. The paper aims to ascertain whether conceptual metaphor research plays

any role in CLIL pedagogy and whether the pedagogical potential of language and theory-constitutive metaphors is used in CLIL-economics instruction. The paper also looks into the pedagogical implications of conceptual metaphor in CLIL-economics. Its third research objective is to postulate an interface the cognitive mechanism of conceptual metaphor provides between economic language and content, which makes metaphor-based approach relevant to CLIL-economics instruction.

This study is designed in three phases preceded by the description of its research methods. In the first and second phases, research literature on the application of CL and CMT findings to pedagogy in general and to CLIL and CLIL-economics pedagogy is reviewed. The third stage explains the role of metaphor in language and content integration in CLIL context and suggests some steps in applying a metaphor-based approach in CLIL-economics.

2. Methodology

Three initial literature corpora for analysis were compiled in CLIL pedagogy, CMT in CLIL pedagogy and metaphor in economic discourse, including the latest works by prominent researchers in the corresponding fields. Research papers in these fields were retrieved from Google databases using the search terms “Cognitive Linguistics in S/FL learning”, “CLIL-related bibliography”, “cognitive linguistics in CLIL”, “metaphor in CLIL”, “economic metaphors”. Still other research literature comes from the author’s previous research on the CLIL model, conceptual metaphor in economic discourse and ESP economics [2], [3]. The final corpus of research materials for consideration had a functional perspective to serve the purpose of this research and included 62 manuscripts.

3. Literature Review

3.1. Pedagogical application of CL and CMT

This study takes a cognitive stance on pedagogy. Cognitive findings are believed to be consistent with instruction, which is proved by the appearance of a practice-oriented direction in cognitive research called Applied Cognitive Linguistics (ACL) concerned with acquisitional and pedagogical implications of cognitive science in S/FL teaching/learning [50]. The advocates of this approach suggest that construal, prototypicality, categorization, embodiment, metaphor/metonymy, language awareness are the cognitive operations or mechanisms that are relevant to didactic application to S/FL learning [35], [36], [50], [25].

As it emerges from the reviewed materials, cognitive research findings are applied to S/FL learning to improve its efficiency and overcome pedagogical problems that hinder it. Cognitive research helps to understand general mechanisms of learning [62], acquire/develop language competencies or abilities [38], [40], [3], enhance techniques of S/FL learning [37], overcome cross-cultural differences, cultural interference and cross-language negative transfer [5], etc. CMT as a part of cognitive research has also been instrumental in pedagogy. Instructional application of conceptual metaphor has a particularly solid theoretical foundation in general aspects of S/FL teaching/learning. Metaphor’s cognitive potential was widely studied in acquiring vocabulary [7], [8], [9], [10], grammar [30], improving translation skills [55], intercultural communication skills [26] and understanding discourse [12], [56], [57], etc. Whichever the application of conceptual metaphor research, each of them benefits learning by enhancing meaning processing, construction and acquisition, memory retention, improving the understanding of discourse.

Researchers have also identified the benefits of a cognitive approach to teaching/learning specialised varieties of English, which corroborates our suggestion of the potency of pedagogical application of conceptual metaphor research in acquiring language and subject skills in the economic domain. Reif [52] suggests discovering the cognitive mechanisms underlying the scientific phenomenon under study and building on these mechanisms. A really effective approach to teaching/learning specialist or academic discourse should aim at a better understanding of the underlying human scientific thought processes and knowledge acquisition processes in a particular scientific domain [53], [54]. Dalton-Puffer [18] argues that subject content is learned through language when cognitive processes involving subject-specific facts, concepts and categories are verbalised in recurring and patterned ways throughout the learning of a

particular subject. The scholar calls for establishing “a zone of convergence between content and language pedagogies” [18, c. 216]. This idea accords with our hypothesis that there is an interface between replete with metaphors economic language and content and that teaching/learning methods should exploit the cognitive mechanisms of conceptual metaphor to foster both specialised language and subject learning.

Common to some specialist/scientific domains and discourses is the language and theory forming function of metaphor. Metaphor’s centrality to many discourse types is supported by our literature review showing that metaphorical conceptualisation is linked to specialist discourse [24]. Among plentiful metaphor studies in a range of specialist domains and discourse types [43], [44], [57], [49], [26], metaphor use was widely studied in economic discourse, which encompasses science, academic and media varieties of economic writing and in which metaphor has a systemic function [22], [23]. Among its numerous functions, metaphor in economic discourse is used to define the scientific paradigms which to a great extent determine the scope of scientific reasoning and theoretical creativity [22], [23], [27], [11] as well as form economic theories [20]. Given its pervasiveness as well as ability to establish convergence between specialised content and language, metaphor use and its ‘operationalisation’ in academic discourse is strongly recommended [24] to make complex metaphorical scientific concepts accessible to learners.

Despite the fact that the latest findings in cognitive science and cognitive linguistics have been found promising in pedagogy, the gap in metaphor-based teaching methodology in specialist subjects is still to be filled [34], which has been corroborated by our literature analysis that has revealed only a few such studies in classroom setting. A translation approach and some types of tasks for raising metaphor awareness in a business English syllabus are suggested in Velasco-Sacristan [60], [61]. Muelas-Gil [42] points out metaphor’s instructional potential in the form of an organized corpus of conventional for the discourse in question metaphors. Littlemore and Low [38] show ways to develop metaphorical competence. Scholars also stress the explanatory and heuristic value of conceptual metaphor in scientific discourse contributing to students’ understanding of scientific concepts and their ambiguous conceptual mappings. It is stressed that elucidating economic metaphors can become a relevant way of approaching students with complex economic concepts [4], [31].

Though far from being thoroughly studied, metaphor as a cognitive instructional tool is gradually gaining ground in classroom practice.

3.2. CMT application to CLIL

CLIL is one of the latest pedagogical approaches. An important aspect of this model is its principle of content learning through a foreign language [14], [41]. Despite a solid theoretical underpinning, there is still a gap in CLIL methodology research [32], [17] in particular in classroom practices of learning science [19], [45] at university level [21], [46]. The CLIL pedagogical model is expected to be further advanced and the gap to be bridged by the application of the latest findings in cognitive science research [13].

Though further development of content and language integrated learning is thought to be enhanced by cognitive science findings and metaphor is found to be indispensable in the specialist and academic discourse, our literature review attests to a paucity of cognitive, including metaphor research implementation in CLIL instruction especially in science learning and specialist discourse at tertiary level, which resonates with other researchers’ opinion [46]. For example, in a volume summarising the ways of using metaphor in pedagogy [47] only one of the contributed studies [1] stresses the importance of incorporating a cognitive-linguistic perspective on CLIL but it does not give any theoretical substantiation of the relevance of using cognitive methods as a learning tool in CLIL classroom.

The same is true of CLIL-economics. Out of the sizable body of analysed publications only one deals with conceptual metaphor in CLIL-economics classroom. Birdsell [6] attests to the pedagogical potential of conceptual metaphor as a cognitive and linguistic mechanism which performs a theory-forming, explanatory and constructivist role in economic discourse. In the researcher’s opinion, metaphor awareness is instrumental in learning new economic metaphorical vocabulary and understanding economic content. Admitting that the understanding of metaphorical structures in a foreign language may be difficult, the scholar suggests making use of corpus examples and visual aids, such as cover images in the Economist. Analysis of language and visual multimodal metaphors is suggested as a teaching tool in

order to facilitate the comprehension of economic metaphors. However, no theoretical underpinning of metaphor's potency in acquiring both economic language and content is given. As for metaphor-based tasks, the scholar expresses his disappointment with their absence in the resource book of CLIL activities for teachers [15]. However, no examples of activities exploiting the instructional potential of metaphors in CLIL-economics classroom are given by the researcher, either.

In summary, metaphor's instructional potential as a cognitive process underlying both numerous subject-specific concepts and their verbalisation throughout the learning of the economic subject is greatly overlooked.

4. Pedagogical Implications of CMT in CLIL-economics

4.1. Metaphorical interface between economic language and content

The analysis of research literature on cognitive findings in pedagogy showed that scholars argue for an approach in CLIL teaching which is consistent with metaphor and figurative language research. This approach calls for a methodological justification. This part of our research is concerned with postulating a cognitive interface between metaphor-based economic vocabulary (subject-specific language) and metaphorical conceptualisation of economic concepts and theories (content) which facilitates language and subject acquisition in CLIL-economics classroom. For example, such economic metaphors as 'currency flow, liquid funds, to pump resources, finances drain', etc. represent the theory of money circulation in the economy; 'the demise/the birth of the company, a mature company', etc. represent the theory of 'the corporate life cycle'; 'competition for the contract, outpace/outcompete a rival, rat race', etc. reflect 'the competitive nature of economy' and perform a language and theory-constitutive function.

According to CLIL theory, learning a subject is not only about acquiring knowledge and skills, it is about learners constructing their own knowledge and skills. Acquiring subject knowledge is related to cognition: processing, understanding and remembering information, recognizing patterns, thinking and reasoning about the subject. To enable learners to construct the understanding of a subject, the linguistic, discourse and cultural features of its content should be explained to them. The research area at the intersection of cognition, linguistics, discourse studies and pedagogy is considered to be very promising for CLIL. Dalton-Puffer [16] finds strong affinity between cognitive skills and academic language and is sure that an explicit focus on linguistic means might enhance cognition. More than that, as a promising research direction, she suggests conceptualising language and curricular content not as separate entities but instead thinking of them as one process [17]. Since conceptual metaphor is not only ubiquitous but also systemic in economic discourse (both in language and theory formation) making it a focus of an integrated learning of economic language and content seems to be a promising research agenda. Littlemore and Low (2006a) think along the same lines and argue that "learners are likely to engage in metaphoric thinking more frequently than native speakers and that this active mental and social engagement can be harnessed to facilitate both understanding and learning" [38, c. 8].

Investigating the integration of content and language in chemistry and physics CLIL lessons Tarja Nikula also highlights the affinity between subject-specific language and content. She observes that various subjects have their specific 'cultures' ('subject-cultures') and their ways of using language. She makes a conclusion that subjects have their own 'languages' and calls for learning subject-specific language and subject-specific ways of constructing meaning in discourse [45]. In this regard, it can be argued that the 'culture' of the economic subject is formed by its specific highly metaphorical language and metaphorical way of conceptualizing numerous economic theories.

Our hypothesis of a metaphorical interface between economic language and theory formation is in accord with the economic metaphor linguistic and instructional research [33], [34], [53], [22], [42], as well as the CLIL pedagogical model research [45], [6], [48] which highlights the importance of metaphors as means of structuring economic discourse itself and as a vehicle of understanding and learning economic concepts and the ways of their linguistic expression. A better understanding of metaphorical networks in the language of economics opens "the first entry door into the field of economics" [53, c. 92].

Scientific knowledge is thought to be constructed by language and conceptual structures in academic and specialist domains. In economic discourse these are conventional metaphorical models, their networks and scenarios. That is why being aware of these conceptual structures and ways of their verbalization, being able to recognize and understand them helps to cope with standard problematic features of economic discourse and is essential for its understanding and acquisition. However, metaphor dual nature can be difficult to understand. As a result, CLIL theorists find it indispensable for teachers to elucidate the interrelationship between two domains by providing assistance or mediation in a comprehensible to learners way, which leads to higher content awareness [59].

Further in the article we present some ideas for establishing an interface between economic content and language in CLIL-economics classroom.

4.2. Metaphor-based approach in CLIL-economics

A metaphor-based approach in CLIL-economics can be viewed as a didactic approach that considers metaphorical cognitive mechanism to be a vehicle of acquiring economic language and content. Awareness of metaphorical conceptualization and core economic conceptual metaphors opens a way to “the language the learners need to access basic concepts and skills related to content” [14, c. 11]. To ensure a balanced focus on language and content in CLIL-economics lessons, it seems necessary to give closer attention to metaphorical language to facilitate the acquisition of content. This approach can become more effective if instruction is organized in a few steps (see Appendix):

1. Explanation and illustration of metaphor dual nature and mappings from a source domain into a target domain.
2. Making learners aware of common economic metaphorical models and their linguistic illustration.
3. Organising metaphors according to economic subtopics.
4. Establishing links between various metaphors (and their models) and the related concepts in a diagram which exemplifies how metaphors can be extended in different directions and create the whole metaphorical network which can structure both reasoning and discourse.
5. Exemplifying and elucidating a metaphor scenario in economic discourse stretches.
6. Illustrating metaphor networks which combine different metaphorical models in one stretch of economic discourse.
7. Elucidating the ‘off-line’ and ‘on-line’ nature of conceptual metaphor uses when conceptual metaphors can turn into contextual metaphors due to the factors of discourse [28].

Importantly, the suggested metaphor-based approach can play a pivotal role in CLIL-economics classroom only if teacher’s support for both content and foreign language acquisition is provided. This support is understood here as an instruction principle when learners are assisted during their learning process in identifying metaphors and their models and explicating the motivation of abundant figurative concepts and terms. The use of metaphor as a way to mediate and facilitate subject acquisition is similar to that of scaffolding. In scaffolding the teacher establishes analogy between a concrete and an abstract domain leveraging the structure of the concrete source domain to think about the target domain [58]. Using metaphor scaffolding as an instructional tool, teachers employ their own ‘outside’ metaphors which seem suitable for explaining a difficult concept. It is suggested here that economic discourse own metaphors created by theorists to verbalise their economic ideas require a similar approach and should be step by step explained to learners in classroom communication making economic concepts transparent to learners.

Teacher’s support in processing conceptual metaphor is also indispensable in structuring learners’ cognitive activity and enabling them to become more independent in their attempts to identify and understand their own metaphorical thinking processes [38]. Unless students become aware of the metaphorical networks formed by theory-constitutive metaphors, economic language and content can hardly be integrated effectively. The suggested metaphor-based approach in CLIL-economics looks at metaphors as vehicles for the integrated learning of economic terms and understanding economic concepts because conceptual metaphor mechanism provides a cognitive interface between economic concepts, the reasoning behind them and their linguistic expression.

5. Conclusion

This paper gave a comprehensive review of modern research publications on the application of cognitive science and CMT findings in general pedagogy and CLIL pedagogy in particular. A paucity and a strong need for metaphor application in CLIL classroom practice was revealed. The study confirmed our hypothesis that conceptual metaphor is an effective instructional tool in CLIL context as it serves as an interface between verbalising and conceptualising economic language and content. The theoretical research as well as the suggested methodological metaphor-based approach verified our suggestion that making a focus on metaphorical language and metaphorical conceptualization, explaining the workings of economic metaphors in economic discourse, assisting learners in identifying and understanding metaphors, their networks and scenarios facilitate the acquisition of both relevant economic language and content thanks to metaphorical cognitive mechanism which underlies both. Cognitive and CMT findings as well as the suggested metaphor-based teaching approach can have positive implications for CLIL teacher assisted instruction. Creating an economic metaphor word bank, networks of economic topic-related metaphors and a system of metaphor mediation techniques for understanding both economic language and content can set an agenda for further conceptual metaphor research application in CLIL pedagogy.

Appendix

1. Metaphor dual nature and mappings from a source domain into a target domain, e.g.,

Source domain	Metaphor	Target economic domain
	Bull and bear – their actions are related metaphorically to the market movement.	Market conditions: whether a market is appreciating or depreciating in value.
A bull will thrust its horns up into the air.	→	Stock prices are rising.
A bear will swipe down.	→	Stocks are declining in value.

2. Common economic metaphorical models and their linguistic illustration, e.g.,

Biological metaphor	Mechanical metaphor
Economy is human beings The European Central Bank is only in its <i>infancy</i> . Mature market should not be mistaken for a stagnant market. The Korean economy is in great danger of becoming <i>an aging economy</i> . Bruised Indian economy to be <i>battered</i> further by coronavirus. The <i>heart</i> of global economy. The <i>backbone</i> of the economy, etc. Economy is animals The Tech <i>Dragon</i> Stumbles American companies are killing the <i>goose that lays the golden eggs</i> . Overcoming the 'White <i>Elephant</i> ' Syndrome in the Public and Private Sectors. That should generate <i>lion's</i> share of revenues. What Is a <i>Tiger</i> Economy? Economy is plants Established firms have rediscovered their appetite for <i>seed</i> funding. The <i>green shoots</i> of economy Branches of economy Unemployment has deep <i>roots</i> . Cross-border commerce has <i>flourished</i> , etc.	Economy is a machine, vehicle, equipment Low interest rates <i>spark</i> growth. Christmas cash keeps <i>the wheels of the economy oiled</i> . Get the economy <i>back on the road</i> . Speed up reforms Chinese economic <i>machine</i> is so voracious the price <i>mechanism</i> Farmers may find a <i>lever</i> to persuade supermarkets to stock more local produce Economy is a ship <i>Captains</i> of economy A manager at the <i>hilt</i> A <i>buoyant</i> company Small businesses keep <i>afloat</i> Suffer through the economic <i>storm</i> , etc. Economy is a train Get the British economy back on <i>track</i> . Economic rivalry must continue in full <i>steam</i> . The economy is going like a <i>train</i> .

3. Organising metaphors according to economic subtopics, e.g.,

Economic subtopic	Metaphors	Examples
Finance	Money is liquid	cash <i>flow</i> return on investment <i>inject</i> cash into the business cash <i>sloshes</i> around the world in unexpected ways
Product development	Product is a living organism	product <i>family</i> product <i>evolution</i> product <i>life</i> product <i>life-cycle</i> product <i>life expectancy</i>
Company organizational structure	Companies are buildings	hierarchical/flat <i>structure</i> <i>layers</i> of management <i>build</i> a company company <i>reconstruction</i> <i>glass ceiling</i>
Career and promotion	Career is a ladder Career is vertically oriented	career <i>ladder</i> <i>rungs</i> of a career <i>ladder</i> on the <i>first/lower rung</i> of a career a few <i>rungs</i> above <i>go up the career ladder</i> <i>top</i> management
M&A	Merger is a marriage	The two companies intend to go <i>down the aisle</i> . The <i>divorce</i> of the companies was announced. <i>unequal marriage</i> The alliance is a <i>marriage of convenience</i> .
Supply and demand. Budget. Risks. Trade.	Economy is a state of equilibrium	bank/credit/debit/trade <i>balance</i> They tried to <i>balance</i> the risks of the new strategy against the possible benefits. This year's profits will <i>balance out</i> previous losses. Supply and demand on the currency market will generally <i>balance</i> .
Economic situation/state of the market.	Economy is health and treatment	to <i>revive</i> the economy an <i>ailing</i> economy a <i>healthy</i> economy and increased consumer confidence an economy is <i>recovering</i> The economy is humming along at a <i>healthy</i> 4% pace.

4. Metaphor scenarios in economic discourse, e.g.,

(1) The first rule, as always, is do no harm

Global corporations have raised nearly \$2 trillion in public and private markets this year, a clear sign *the economy has begun to heal*.

This process shouldn't surprise investors any more than it would surprise a *critical-care doctor* that *the immune system* plays a key role in restoring *a patient's health*. As the chairman of an economic think tank and a *physician* respectively, we see a remarkable alignment between *treatment regimens for sick economies* and sick people. In both cases, it's important at some point to *let the patient's immune system* carry the load of *recovery*. *Overtreatment is bad medicine*. (The Wall Street Journal, 2019).

(2) M&A — is it a wedding or a marriage?

A successful corporate “marriage” is not about inking agreements; that is just the “wedding” for the acquirer to exercise its rights under contract. It is only when you start living with your “spouse” that you have to deal with their idiosyncrasies and unusual habits.

Be it domestic or cross-border deals, there will definitely be integration issues and challenges. Integration success starts by swiftly taking control of your investment to realise its deal value and “giving birth” to synergies, so it is important that you get it right from the start (The Edge, 2012).

5. Metaphor networks, e.g.,

(1) “Hitting the monetary *brakes* (*economy is a vehicle: vehicle parts*), though necessary, endangers growth. History suggests that the Fed finds it difficult *to cool* (*economy is a vehicle: engine overheating*) the jobs market without eventually *tipping* (*economy is a state of equilibrium: breaking equilibrium*) the economy into recession.” The Economist, 2022.

(2) “New investors have *flooded in* and, *buoyed* (*economy is element*) by pandemic stimulus, most have had an incredible *ride* (*economy is a vehicle*). But as policymakers *put the brakes on* (*economy is a vehicle*), global financial markets are starting *to wobble* (*economy is a person*)”. “The Economist, 2022.

6. ‘Off-line’ and ‘on-line’ nature of conceptual metaphor, e.g.,

Covid-19 *unmasks* weakness of English economy (FT, 2020).

The political instability that used to mark Italy out has fully *infected* Britain. (The Economist, 2022).

The coronavirus *recession hit like a derailed train* (CBS News, 2021).

The American *economy is facing a plunge into uncharted waters*. THE NYT, 2020.

International Expansion in a *Quarantine Economy* (Economist, 2020).

7. Diagram of conceptual links between various metaphors and related concepts, e.g.,

economy is a machine/vehicle/car – *speed/temperature/overheating* – *problem/failure/breakdown/accident/crash* – *patient/treatment/recovery/fit and healthy* – *sports/competition/rivalry* – *war, etc.*

© Андрюхина Т.В., 2023

References:

1. Alejo-González, R., & García-Bermejo, V. “The Manage of Two Kingdoms Must”: An Analysis of Metaphor in Two CLIL Text-books. In Ana María Piquer-Píriz & Rafael Alejo-González (Eds.), *Metaphor in Foreign Language Instruction* [Applications of Cognitive Linguistics [ACL], 42. De Gruyter Mouton. 2020, pp. 241–262. <https://doi.org/10.1515/9783110630367>. (Accessed 12 Sept. 2022).
2. Andryukhina, T.V. Metaphor Variation in Economic Discourse. *Professional Discourse & Communication*. 2021. 3(4):9-20. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-4-9-20>. (Accessed 12 Sept. 2022).
3. Andryukhina, T., & Kochkina, O. Second language cognitive-linguistic and discourse competences improvement through raising metaphor awareness. *ICERI2018 Proceedings*, 2018, pp. 8126-8135. <https://doi.org/10.21125/iceri.2018>. (Accessed 12 Sept. 2022).
4. Beger, A., & Jakel, O. The cognitive role of metaphor in teaching science: examples from physics, chemistry, biology, psychology and philosophy. *Philosophical Inquiries*, 3(1), 2015, pp. 89–112. <https://doi.org/10.4454/philing.v3i1.116>. (Accessed 12 Sept. 2022).
5. Beliaevskaya, E.G., & Levkovskaya, N.A.. The method of cognitive modeling in teaching English as a second language. In D.A. Kryachkov, E.B. Yastrebova, O.A. Kravtsova (Eds.), *The Magic of Innovation: New Techniques and Technologies in Teaching Foreign Languages* (pp. 257-274). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2015.
6. Birdsell, B.J.. Exploring Cognition in CLIL: Creativity, Metaphors and Economics. *The Journal of the Japan CLIL Pedagogy Association*, 1, 2019, pp.119-136.
7. Boers, F. Cognitive semantic ways of teaching figurative phrases. *Review of Cognitive Linguistics*, 9(1), 2011, pp. 227–261. <https://doi.org/10.1075/rcl.9.1.11boe>. (Accessed 12 Sept. 2022).
8. Boers, F. (). Cognitive Linguistic approaches to teaching vocabulary: Assessment and integration. *Language Teaching*, 46(2), 2013, pp. 208-224. doi:10.1017/S0261444811000450. (Accessed 12 Sept. 2022).
9. Boers, F. & Lindstromberg, S. How cognitive linguistics can foster effective vocabulary teaching. In F. Boers, & S. Lindstromberg (Eds.), *Cognitive Linguistic Approaches to Teaching Vocabulary and Phraseology*. Mouton de Gruyter, 2008a, pp. 1-64. <https://doi.org/10.1515/9783110199161.1.1>. (Accessed 12 Sept. 2022).
10. Boers, F., & Lindstromberg, S.. From empirical findings to pedagogical practice. In F. Boers, & S. Lindstromberg (Eds.), *Cognitive Linguistic Approaches to Teaching Vocabulary and Phraseology*. Mouton de Gruyter, 2008b, pp. 375-393. <https://doi.org/10.1515/9783110199161>. (Accessed 12 Sept. 2022).

11. Burgers, C. F., & Ahrens, K. Change in metaphorical framing over time: Metaphors of TRADE in 225 years of State of the Union addresses (1790-2014). *Applied Linguistics*, 41(2), 2020, pp. 260–279. <https://doi.org/10.1093/applin/amy055>. (Accessed 12 Sept. 2022).
12. Cameron, L., et al. The discourse dynamics approach to metaphor and metaphor-led discourse analysis. *Metaphor and Symbol*, 24(2), 2009, pp. 63–89. <https://doi.org/10.1080/10926480902830821>. (Accessed 12 Sept. 2022).
13. Canado, M. L. P., Marsh, D., & Padilla, J. R. *CLIL in Action: Voices from the Classroom*. Cambridge Scholars Publishing, 2015.
14. Coyle, D., Hood, P., & Marsh, D. *Content and Language Integrated Learning*. Cambridge University Press, 2010.
15. Dale, L., & Tanner, R. *CLIL Activities with CD-ROM: A Resource for Subject and Language Teachers*. Cambridge University Press, Cambridge, 2012.
16. Dalton-Puffer, C. *Discourse in Content and Language Integrated Learning (CLIL) Classrooms*. John Benjamins Publishing Company, 2007. <https://doi.org/10.1075/llt.20>. (Accessed 1 Sept. 2022).
17. Dalton-Puffer, C. Content-and-Language Integrated Learning: From Practice to Principles? *Annual Review of Applied Linguistics*, 31, 2011, pp. 182–204. <https://doi.org/10.1017/S0267190511000092>. (Accessed 1 Sept. 2022).
18. Dalton-Puffer, C. A construct of cognitive discourse functions for conceptualising content-language integration in CLIL and multilingual education. *European Journal of Applied Linguistics*, 1(2), 2013, pp. 216–253. <https://doi.org/10.1515/eujal-2013-0011>. (Accessed 1 Sept. 2022).
19. Dalton-Puffer, C., Nikula, T., & Smit, U. (). Language use and language learning in CLIL: Current findings and contentious issues. In C. Dalton-Puffer, T. Nikula, & U. Smit (Eds.), *Language Use and Language Learning in CLIL Classrooms*. John Benjamins Publishing Company, 2011, pp. 279–291. <https://doi.org/10.1075/aals.7.14dal>. (Accessed 1 Sept. 2022).
20. Davidko, N. “Mechanical” Metaphors and Theory Formation: a Cognitive- Historical Analysis of Economic Discourse. *Studies About Languages. Kalby Studijos*, 2013(22), pp. 86–97. <https://doi.org/10.5755/j01.sal.0.27.13744>. (Accessed 1 Sept. 2022).
21. Hellekjaer, G.O. Language matters: Assessing lecture comprehension in Norwegian English-medium higher education. In C. Dalton-Puffer, T. Nikula, & U. Smit (Eds.), *Language use and language learning in CLIL classrooms*. John Benjamins, 2010, pp. 233–258. <https://doi.org/10.1075/aals.7.12ole>. (Accessed 1 Sept. 2022).
22. Herrera-Soler, H., & White, M. (Eds.). *Metaphor and Mills: Figurative Language in Business and Economics*. Mouton de Gruyter, 2012a. <https://doi.org/10.1515/9783110274585>. (Accessed 1 Sept. 2022).
23. Herrera-Soler, H., & White, M. Metaphor and Mills. Figurative language in business and economics. In H. Herrera-Soler, & M. White (Eds.). *Metaphor and Mills. Figurative language in business and economics*. Mouton de Gruyter, 2012b, pp. 1–23. (Accessed 1 Sept. 2022).
24. Herrmann, J., & Sardinha, T.B. Metaphor in Specialist Discourse. In J. Berenike Herrmann, & Tony Berber Sardinha (Eds.), *Metaphor in Specialist Discourse*. John Benjamins Publishing Company, 2015, pp. 3–14. <https://doi.org/10.1075/milcc.4.01her>. (Accessed 1 Sept. 2022).
25. Hijazo-Gascón, A. & Llopis-García, R. Applied cognitive linguistics and foreign language learning. Introduction to the special issue. *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, 57(1), 2019, pp. 1–20. <https://doi.org/10.1515/iral-2018-2004>. (Accessed 1 Sept. 2022).
26. Kövecses, Z. *Where Metaphors Come From: Reconsidering context in metaphor*. Oxford University Press, 2015.
27. Kövecses, Z. “The Power (and Problem) of Money,” Society and Economy, *Akadémiák Kiadó, Hungary*, 40(3), 2018, pp. 365–376. <https://doi.org/10.1556/204.2018.40.3.4>. (Accessed 1 Sept. 2022).
28. Kövecses, Z. *Extended Conceptual Metaphor Theory*. Cambridge University Press, 2020.
29. Lakoff, G., & Johnsen, M. *Metaphors we live by*. The University of Chicago press, 1980.
30. Langacker, R.W. Cognitive Grammar as a Basis for Language Instruction. In P. Robinson, & N. C. Ellis (Eds.), *Handbook of Cognitive Linguistics and Second Language Acquisition*. Routledge, 2008. pp. 66–88.
31. Langer, T. Metaphors in Economics: Conceptual Mapping Possibilities, n the Lectures of Economics. *Procedia Economics and Finance*, 25, 2015, pp. 308–317. [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00741-8](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00741-8). (Accessed 12 Sept. 2022).
32. Lasagabaster, D., & Ruiz de Zarobe, Y. Ways forward in CLIL: Provision issues and future planning. In D. Lasagabaster & Y. Ruiz de Zarobe (Eds.), *CLIL in Spain: Implementation, results and teacher training*. Cambridge Scholars Publishing, 2010, pp. 278–295.
33. Littlemore, J. Developing Metaphor Interpretation Strategies for Students of Economics: A Case Study. *Recherche et pratiques pédagogiques en langues de spécialité - Cahiers de l'APLIUT*. 22, 2002, pp. 40–60. <https://doi.org/10.4000/apliut.4119>. (Accessed 12 Sept. 2022).
34. Littlemore, J. Metaphor in specialist discourse: Insights and implications for metaphor studies and beyond. In J. B. Herrmann, & T. B. Sardinha (Eds.), *Metaphor in Specialist Discourse*. Benjamins, 2015, pp. 299–314. <https://doi.org/10.1075/milcc.4.12lit>. (Accessed 12 Sept. 2022).
35. Littlemore, J. 15. Metaphoric competence in the first and second language, 2010a, pp. 289–311. <https://doi.org/10.1075/cel-cr.13.20lit>. (Accessed 11 Sept. 2022).
36. Littlemore, J., et al. The use of metaphor and metonymy in academic and professional discourse and their challenges for learners and teachers of English. In S. De Knop, F. Boers, & A. De Rycker (Eds.), *Fostering Language Teaching Efficiency through Cognitive Linguistics*. De Gruyter Mouton, 2010b, pp. 189–212. <https://doi.org/10.1515/9783110245837.189>. (Accessed 11 Sept. 2022).
37. Littlemore, J., & Juchem-Grundmann, C. Introduction to the interplay between cognitive linguistics and second language learning and teaching. In J. Littlemore, & C. Juchem-Grundmann (Eds.), *Applied cognitive linguistics in second language learning and teaching*. AILA Review, 23, 2010c, pp. 1–6. John Benjamins.
38. Littlemore, J., & Low, G. Metaphoric competence, second language learning, and communicative language ability. *Applied Linguistics*, 27(2), 2006a, pp. 268–294. <https://doi.org/10.1093/applin/aml004>. (Accessed 11 Sept. 2022).

39. Littlemore, J., & Low, G. *Figurative thinking and foreign language learning*. Palgrave MacMillan, 2006b. doi:10.1057/9780230627567. (Accessed 11 Sept. 2022).
40. MacCarthur, F. Using metaphor in the teaching of second/foreign languages. In E. Semino, & Z. Demjén (Eds.). *The Routledge Handbook of Metaphor and Language*. Routledge, 2017, pp. 413-426.
41. Marsh, D. *The CLIL Trajectory: educational Innovation for the 21st Century*. Cordoba, 2013.
42. Muelas-Gil, M. A Cross-Linguistic Study of Conceptual Metaphors in Financial Discourse. In J. Romero-Trillo (Ed.), *Yearbook of Corpus Linguistics and Pragmatics*. Springer: Cham, 2016, pp. 107-127.
43. Musolff, A. Metaphor Scenarios in Public Discourse. *Metaphor and Symbol*, 21(1), 2006, pp. 23-38.
44. Musolff, A. What can Metaphor Theory contribute to the study of political discourse? In M. Degani, P. Frassi, & M.I. Lorenzetti (Eds.). *The Languages of Politics* (v.1.). Cambridge Scholars Publishing, 2016, pp. 9-28.
45. Nikula, T. Hands-on tasks in CLIL science classrooms as sites for subject-specific language use and learning. *System*, 54, 2015, pp. 14-27 <https://doi.org/10.1016/j.system.2015.04.003>. (Accessed 11 Sept. 2022).
46. Pérez-Cañado, M. L. CLIL research in Europe: Past, present, and future. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 15(3), 2012, 315-341. <https://doi.org/10.1080/13670050.2011.630064>. (Accessed 11 Sept. 2022).
47. Piquer-Piriz, A. M., & Alejo-González, R. [Benjamins Current Topics 99], 2018, pp. 1-19. <https://doi.org/10.1075/rcl.14.1.01piq>. (Accessed 11 Sept. 2022).
48. Piquer-Piriz, A. M., & Alejo-González, R. (Eds.). *Metaphor in Foreign Language Instruction*. De Gruyter Mouton, 2020. <https://doi.org/10.1515/9783110630367>. (Accessed 11 Sept. 2022).
49. Potts, A., & Semino, E. Cancer as a Metaphor. *Metaphor and Symbol*, 34(2), 2019, pp. 81-95. <https://doi.org/10.1080/10926488.2019.1611723>. (Accessed 12 Sept. 2022).
50. Pütz, M. Cognitive Linguistics and Applied Linguistics. *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*, 2010. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199738632.013.0043>. (Accessed 12 Sept. 2022).
51. Reitbauer, M., et al. Towards a cognitive-linguistic turn in CLIL: Unfolding integration. *LACLIL*, 11(1), 2018, 87-107. DOI: 10.5294/la-clil.2018.11.1.5. (Accessed 12 Sept. 2022).
52. Reif, F. *Applying Cognitive Science to Education. Thinking and Learning in Scientific and Other Complex Domains*. MIT Press, 2008.
53. Resche, C. Towards a better understanding of metaphorical networks in the language of economics: The importance of theory-constitutive metaphors. In H. Herrera-Soler, & M. White, (Eds.), *Metaphors and mills. Figurative language in business and economics*. De Gruyter Mouton, 2012, pp. 77-102.
54. Resche, C. *Economic Terms and Beyond: Capitalising on the Wealth of Notions. How Researchers in Specialised Varieties of English Can Benefit from Focusing on Terms*. Peter Lang, 2013. <https://doi.org/10.3726/978-3-0351-0589-6>. (Accessed 12 Sept. 2022).
55. Schaeffner, C., & Shuttleworth, M. Metaphor in translation. Possibilities for process research. *Target*, 25(1), 2013, pp. 93-106. <https://doi.org/10.1075/target.25.1.08shu>. (Accessed 12 Sept. 2022).
56. Semino, E. *Metaphor in Discourse*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
57. Semino, E., Demjen, Z., & Demmen, J. E. An integrated approach to metaphor and framing in cognition, discourse and practice, with an application to metaphors for cancer. *Applied Linguistics*, 39(5), 2018, pp. 625-645. <https://doi.org/10.1093/applin/amw028>
58. Thibodeau, P., Hendricks, R. & Boroditsky, L. How Linguistic Metaphor Scaffolds Reasoning. *Trends in Cognitive Sciences*, 21(11), 2017, pp. 817-910.
59. Ting, T. Y. CLIL: towards brain-compatible science-education. In D. Marsh, & O. Meyer (Eds.), *Quality Interfaces: Examining Evidence and Exploring Solutions in CLIL* (pp. 12-16). Eichstaett Academic Press, 2013.
60. Velasco-Sacristán, M. Metaphor and ESP: metaphor as a useful device for teaching L2 Business English learners. *Iberica: Revista de la Asociación Europea de Lenguas para Fines Específicos (AELFE)*, 10, 2004, pp. 115-131.
61. Velasco-Sacristán, M. A translation approach to metaphor teaching in the LSP classroom: Sample exercises from a Business English School. *Iberica: Revista de la Asociación Europea de Lenguas para Fines Específicos (AELFE)*, 17, 2009, pp. 83-98.
62. Vygotsky, L. S. *Mind and society: The development of higher mental processes*. Harvard University Press, 1978.

About the author:

Tatiana V. Andryukhina, PhD (Philology), is Assistant Professor of Department of Foreign Languages № 4, MGIMO University (Russia, Moscow). Spheres of research and professional interest: text linguistics, political and economic discourse analysis, conceptual metaphor, TEFL and ESP methodology.

E-mail: t.v.andryukhina@inno.mgimo.ru

Сведения об авторе:

Андрюхина Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка №4 Московского государственного института международных отношений (университет) (МГИМО). Сфера научных и профессиональных интересов: лингвистика текста, анализ политического и экономического дискурса, когнитивная лингвистика, концептуальная метафора, методика преподавания иностранных языков, английский для специальных целей. E-mail: t.v.andryukhina@inno.mgimo.ru

* * *

WHO IS “THE TRUE DANE” IN MODERN DENMARK? THE DANISH LANGUAGE WITHIN “DANISHNESS (DANSKHED)” CONCEPT

O.E. Krasova

MGIMO UNIVERSITY,
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. This article is dedicated to the role of the Danish Language in the Kingdom of Denmark, Faroe Islands and Greenland, in the light of Denmark's ethnic composition changes throughout the latest 200 years. Initially, this issue was raised in the 19th century, after Denmark encountered tragic occasions: the defeat in the Napoleonic and the Second Schleswig Wars, and the dissolution of the Denmark-Norway Union. The loss of the territories led to the development of cultural, educational, and patriotic programs in Denmark, in order to overcome the comprehensive national crisis. The core question was: “Who can be considered as a Dane?” Up to 1814, there was 25% of German population in the Denmark-Norway Union. After Norway separated, the percentage of Germans in Denmark rose up to 40%. Then, Danish national self-identification was based on the formula: “Everyone who's not German is Dane”, and knowledge of the Danish language became the key factor. The Danish teacher and pastor N. F. S. Grundtvig developed the concept of Danish nationality – “Danishness” (“Danskhed”). According to it, the national unity was built upon native language, common national culture and common national history. This concept is still widely acclaimed in modern Denmark. Various political parties while performing tough debates in the parliament, media and social networks, are reviving the same question: “Who is the true Dane in Denmark today?” The problem of the Danish language status is the most important for Danish society, since the number of people who migrate to Denmark and carry “alien” culture and “alien” values is constantly increasing. This article is based solely on the Danish informational sources: official websites, encyclopedias, media, discussion boards, and social networks.

Keywords: the Danish language, national self-identification, migrant integration, Danishness, Danskhed concept, Danish core values, Danish democracy, common prosperity society, national culture

For citation: Krasova O.E. (2023). Who is “the true Dane” in modern Denmark? The Danish language within “danishness (danskhed)” concept. *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(2), pp. 116–133. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-2-35-116-133>

КТО СЕГОДНЯ В ДАНИИ НАСТОЯЩИЙ ДАТЧАНИН? ЧУВСТВО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ И МЕСТО ДАТСКОГО ЯЗЫКА В КОНЦЕПЦИИ «ДАТСКОСТИ»

О.Е. Красова

МГИМО УНИВЕРСИТЕТ МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Статья посвящена анализу роли и места датского языка в датском обществе в составе Содружества Королевства Дании, Гренландии и Фарерских островов в условиях изменения этнического состава населения на протяжении последних 200 лет. Впервые вопрос о значимости датского языка был поднят в связи с чередой пережитых Данией трагических потрясений, которые начались в начале XIX века поражением в Наполеоновских войнах и распадом Датско-Норвежской унии, а усилились после разгрома во второй Датско-Прусской войне 1864 года. Потеря территорий обусловила необходимость выработать культурно-просветительскую, патриотическую программу для выхода из национального кризиса, охватившего все сферы жизни общества, и нужно было найти ответ на самый главный вопрос: кого можно считать датчанином? Количество в стране немецкого населения по отношению к общему количеству населения Дании до 1814 года составляло 25%, а с потерей Норвегии количество немцев достигло 40%. С этого момента у датчан в борьбе за «датскость» сложились сложные отношения с немцами и всем немецким. Чувство национальной самоидентификации в этот период строилось на отрицании: каждый, кто не немец – тот датчанин, а знание датского языка становится новым определяющим критерием «датскости». Датский проповедник и просветитель Н.Ф.С. Грундтвиг создал концепцию народности, «датскости», основанную на том, что единение человека со своим народом осуществляется, в первую очередь, с помощью родного языка на основе общей истории и культуры. Это учение до сих пор живо, его положения включены в повестку дня политических партий, которые ведут между собой жёсткие межпартийные споры и серьёзные дебаты в парламенте, СМИ и социальных сетях, пытаются вновь найти ответ на старый вопрос: кто сегодня в Дании настоящий датчанин? Вопрос о статусе датского языка как одного из базовых компонентов, составляющих концепцию «датскости», опять находится в центре дискуссии, поскольку в последние десятилетия процесс переселения на территорию Дании мигрантов и беженцев с чуждой датчанам культурой, в основном из восточных стран, с каждым годом усиливается. Статья построена исключительно на материалах из датскоязычных источников и информационных ресурсов: официальные сайты, датские энциклопедии, ведущие СМИ, дискуссионные площадки, соцсети.

Ключевые слова: датский язык, национальное самосознание датчан, концепция «датскости», процесс интеграции иммигрантов, основополагающие датские ценности, датская демократия, общество всеобщего благоденствия, национальная культура

Для цитирования: Красова О.Е. (2023). Кто сегодня в дании настоящий датчанин? Чувство национального самосознания и место датского языка в концепции «датскости». *Филологические науки в МГИМО*. 9(2), С. 116–133. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-2-35-116-133>

Обращение к вопросу о роли и месте языка в структуре национального самосознания вызвано тем, что в последние десятилетия всё более остро встаёт проблема урегулирования межэтнических и межкультурных противоречий в датском обществе. Вопрос не сходит со страниц датских СМИ, из теле- и радиоэфиров, становится темой научных исследований. Интерес к фактору национального языка в концепции национального самосознания датчан в процессе текущих культурных трансформаций становится с каждым годом всё более значимым, ведь язык является тем средством, которое обеспечивает сохранение внутреннего единства общества, его консолидацию, средством передачи культуры, истории, традиций народа и в то же время позволяет войти в него людям с недатскими этнокультурными корнями.

Особую важность и новое звучание языковой фактор обрёл в свете происходящих этнических, религиозных и социально-культурных сдвигов в датском обществе, что неизбежно привело к осмыслению или даже к переосмыслению роли общенационального языка, поскольку в основе столкновений и конфликтов, возникающих в обществе между представителями различных этнических групп, которые в последние десятилетия появились в прежде монокультурной Дании, лежат именно этнокультурные противоречия.

Метания датской политической элиты, которая до сих пор не смогла договориться и принять единое решение по языковому вопросу, тесно связанному с этнокультурными противоречиями в обществе, вызвали волну повышенного внимания и беспокойности среди граждан страны, а также побудили учёных ведущих университетов Дании более пристально заняться изучением не только судьбы национального языка в синхронии, но и его ролью в диахроническом аспекте.

Цель статьи – рассмотреть место и роль датского языка в концепции национальной самоидентификации датчан, с одной стороны, и роль датского языка в формировании чувства национальной отнесённости к датскому обществу у людей с иной этнокультурной идентичностью – с другой. Статья построена исключительно на материалах из датскоязычных источников и информационных ресурсов, опубликованных в сети Интернет за последние 8-10 лет. Это информационно-аналитические порталы, электронные научные библиотеки, официальные сайты, датские энциклопедии, ведущие СМИ, дискуссионные площадки, социальные сети. Цитаты и терминология даются в русском переводе, однако, если они имеют особую важность и интерес, то в некоторых случаях приводятся параллельно по-датски.

В датском обществе дискуссия о том, кто может считать себя датчанином, что такое настоящая «датскость» и какие традиционные датские ценности включает в себя это понятие, ведётся на трёх уровнях: политическом, научном и общественном, социально-бытовом.

На политическом уровне свою позицию представляют лидеры наиболее влиятельных политических партий страны, члены Фолькетинга, действующие датские политики. В статье использованы тексты их выступлений, размещённые на страницах СМИ <https://www.bt.dk>, <https://www.msn.com/da-dk/nyheder>, в том числе, и частном коммерческом издании <https://denkorteavis.dk>, в профильном, политическом издании, которое является рупором датского парламента <https://www.altinget.dk>; на сайте датского телерадиохолдинга <https://www.dr.dk/nyheder>; на сайтах новостных каналов датского телевидения <https://nyheder.tv2.dk/politik>, <https://nyheder.tv2.dk/samfund/>; а также приводится официальная информация с сайта датского королевского дома <https://www.kongehuset.dk>.

На научном уровне дискуссия об истории формирования и становления чувства национального самосознания у датского народа не умолкает на таких площадках как: ведущий научный электронный портал Дании <https://videnskab.dk>, научный и дискуссионный тематический (религиозный/христианский) портал <https://www.religion.dk>, электронная научная и учебная библиотека <https://faktalink.dk>. На этих площадках постоянно появляются научные статьи, исследования, фрагменты монографий датских учёных и пр. Здесь же ведутся различного рода дискуссии. В настоящей статье использованы размещённые на этих порталах научные труды видных датских учёных, которые преподают в ведущих университетах страны, и известных политических и общественных деятелей Дании: Нильса Финна Кристиансена – датского историка, доктора наук, профессора Копенгагенского Университета; Расмуса Глентхоя – кандидата исторических наук,

доцента кафедры истории Южно-датского Университета; Уфе Эстергорда – доктора исторических наук, профессора Орхусского Университета и профессора Высшей Коммерческой Школы Копенгагена; Бертеля Хордера – юриста, писателя, члена Фолькетинга от партии Венстре, в разные годы занимавшего пост министра по делам культуры и религии, министра образования, политика, дважды занимавшего пост председателя Северного Совета, представлявшего Данию в Европарламенте; священника Свена Торгорда.

Периодически журналисты проводят опросы школьников старших классов, прохожих на улицах – людей разных возрастов, задавая им один и тот же вопрос: «Что значит быть датчанином?», а школьники 8-10 классов на уроках выступают с презентациями, где дают свой ответ на этот вопрос. Результаты обычно размещаются в сети Интернет в открытом доступе или на открытых форумах и различных дискуссионных площадках. Здесь ведётся разговор о «датскости» на общественном, социально-бытовом уровне. Для датского этнического меньшинства на территории Южного Шлезвига открыт форум <https://sydslesvig.wordpress.com/>. Данные из этих источников также рассмотрены в статье. Таким образом, в статье представлены точки зрения и мнения представителей всех трёх уровней общества, которые участвуют в общенациональном обсуждении вопроса о сути национального самосознания датчан.

История вопроса

Интерес к истории возникновения языков, их роли и значении в жизни общества существовал всегда. Особенно остро вопрос о важности государственного языка начинает звучать в годы национальных кризисов, войн, различного рода социальных потрясений. Значимость родного языка как фактора, способного объединить людей, стал подниматься в Европе в первой половине XIX века, после того как начали проявляться тяжёлые последствия долгих кровопролитных Наполеоновских войн. Духовный кризис, ухудшение экономического положения, изменение границ государств внутри Европы, потребность поднять дух национального самосознания у населения, необходимость сплочения людей, говорящих на одном языке, придали национальному языку идеологический, а в некоторых государствах в определённые исторические эпохи и политический статус. Такая атмосфера создаёт почву для духовных исканий, результатом которых становится появление новых лингвофилософских традиций в языкознании, философии языка.

Огромный вклад в изучение роли национального языка на разных этапах развития общества и связи между языком и народом с точки зрения лингвофилософского подхода к языку внёс великий немецкий мыслитель, философ, языковед-теоретик Вильгельм фон Гумбольдт. Свои теоретические взгляды по языкознанию автор изложил, в основном, в двух трудах: в знаменитом докладе «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития» и в исследовании «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества». В докладе учёный утверждал, что «язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное», при этом не делается различия между народом и нацией. Тем не менее, в этом единстве дух народа всё же первичен, ведь «только духовная сила народа является самым жизненным и самостоятельным началом, а язык зависит от неё». Однако дух народа сокрыт, его можно обнаружить лишь по внешним проявлениям, и, прежде всего, по языку, поскольку «среди всех проявлений, посредством которых познаётся дух и характер народа, только язык и способен выразить самые своеобразные и тончайшие черты народного духа и характера и проникнуть в их сокровенные тайны». Более того, «интеллектуальное своеобразие народа» следует «отыскивать в самом строе каждого отдельного языка» [Цит. по 1].

Здесь же В. фон Гумбольдт описывает, что такое язык, и указывает на его коллективный характер; через язык осуществляется преемственность, связь поколений в обществе, то есть язык понимается как явление исключительно общественное: «Язык не является произвольным творением отдельного человека, а принадлежит всегда целому народу; позднейшие поколения получают его от поколений минувших» [Цит. по 1].

Последователем гумбольдтовской традиции в языкознании в Германии стал Г. Штейнталь. В своих трудах он старался опираться на учение о философии языка В. фон Гумбольдта, тем не менее, бурное развитие психологии оказало существенное влияние на концепцию учёного. В своих трудах Г. Штейнталь заложил основы психологического направления в языкознании – психологической грамматики. Вслед за В. фон Гумбольдтом Г. Штейнталь полагал, что «какой-либо конкретный язык, или отдельный язык, есть совокупность языкового материала какого-либо народа» [Цит. по 2, с. 127], тем самым подтверждая идею Гумбольдта о связи между культурой народа и тем языком, на котором он говорит, поскольку язык создаётся обществом. Если изучать тип языка, то можно понять тип культуры народа, его дух.

В своём труде «Грамматика, логика и психология (их принципы и их взаимоотношения)» Г. Штейнталь делает вывод о том, «что все индивиды одного народа носят отпечаток этой особой природы народа», а в центр внимания исследователь ставит теперь и психологию индивидуума, с помощью которой возможно понять психологию коллективного духа – любого сообщества, коллектива, нации. «Единство индивидов в народе отражается в общем для них языке; определенная индивидуальность духа народа нигде не выражается так ярко, как в своеобразной форме языка; его принцип, придающий ему своеобразную форму, является самым подлинным духом народа; совместные действия индивидуума и его народа, главным образом, основываются на языке, на котором и с помощью которого он думает и который все же принадлежит его народу. История языка и историческое развитие духа народа, образование новых народов и новых языков теснейшим образом проникают друг в друга» [Цит. по 2, с. 133, 135].

В России идеи учения В. фон Гумбольдта и Г. Штейнталья продолжил развивать А.А. Потебня – представитель психологического направления в языкознании, филолог-славист, профессор кафедры русской словесности Харьковского университета. Круг его научных интересов был очень широк и разнообразен. Вопрос о связи языка и духа народа учёный рассмотрел под совсем иным углом зрения.

В своей работе «Язык и народность» А.А. Потебня подробно останавливается на изучении вопроса двуязычия. «Человек, говорящий на двух языкахъ, переходя отъ одного языка къ другому, изменяетъ вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ и направление теченія своей мысли, притомъ такъ, что усиленіе его воли лишь изменяетъ колею его мысли, а на дальнѣйшее теченіе ея вліяніе лишь посредственно. Это усиленіе можетъ быть сравнено съ тѣмъ, что дѣлаетъ стрѣлочникъ, переводящій поѣздъ на другіе рельсы. Это сознавалось съ большею или меньшею ясностью уже давно въ посвященіи грамматики Ломоносова. И наоборотъ, если два и несколько языковъ довольно привычны для говорящаго, то вмѣстѣ съ измѣненіемъ содержанія мысль невольно обращается то къ тому, то къ другому языку» [4, с.181].

Эти мысли важны не только для людей, кто по собственному желанию берётся за изучение иностранных языков, но, в большей степени, для тех, кто переселяется в другую страну и будет вынужден освоить чужой язык, принять его и приспособиться жить с ним в условиях чуждой, незнакомой культуры. Однако учёный считает, что человеку не хватит всей его жизни, чтобы иностранный язык смог стать равен родному: «пользованіе тѣмъ или другимъ языкомъ даетъ мысли то или другое направленіе, или, наоборотъ, какъ въ предчувствіи направленія, которое приметъ его мысль въ слѣдующее мгновеніе, человѣкъ берется за тотъ или другой изъ доступныхъ ему языковъ. Два рода умственной дѣятельности идутъ въ одномъ направленіи, переплетаясь между собою, но сохраняя свою раздѣльность, черезъ всю его жизнь, до послѣднихъ ея дней», поскольку «различные языки въ одномъ и томъ-же человѣкѣ связаны съ различными областями и приёмами мысли, но и того, что эти различные сферы и приёмы въ одномъ и томъ-же человѣкѣ разграничены и вещественно» [4, с. 183, 184].

Более того, по мнению учёного, интегрироваться в иноязычную среду будет непросто даже детям, ведь «знаніе двухъ языковъ въ раннемъ возрастѣ не есть обладаніе двумя системами изображенія и сообщенія одного и того-же круга мыслей, но раздвояетъ этотъ кругъ и напередъ затрудняетъ достиженіе цѣльности міросозерцанія, мѣшаетъ научной абстракціи. Если языкъ школы отличенъ отъ языка семейства, то слѣдуетъ ожидать, что школа и домашняя жизнь не-

будутъ приведены въ гармоничныя отношенія, но будутъ сталкиваться и бороться другъ съ другомъ» [4, с. 184].

Основатель Московской лингвистической школы Ф.Ф. Фортунатов, с одной стороны, продолжил традиции младограмматиков, а с другой – развил учение о социальной природе языка. В своём труде «Сравнительное языковедение», рассматривая задачи языковедения и связь его с другими науками, Ф.Ф. Фортунатов подчёркивал общественную сущность языка и связь языка с обществом и историей общества. Все изменения, которые происходят в обществе, находят отражение в языке. Автор утверждает, что «язык имеет историю; но эту историю язык имеет в обществе, т. е. как язык членов общественного союза... Таким образом, исследование человеческого языка в его истории входит по известным сторонам как составная часть в науку о природе и жизни общественных союзов, из фактов истории извлекаются указания относительно прошлого в истории самих общественных союзов, в которых существовали данные языки. С другой стороны, факты истории общественных союзов дают ценные указания для истории языков» [Цит. по 2, с. 242].

О тесной взаимосвязи, существующей между языком и народом, продолжая идеи Сепира, писал американский лингвист Б. Уорф – автор теории «лингвистической относительности», которую также называют гипотезой Сепира – Уорфа. Свои взгляды учёный изложил в трудах «Лингвистика и логика», «Отношение норм поведения и мышления к языку» и многих других. В целом, теория Б. Уорфа утверждает, что люди, говорящие на разных языках, познают мир по-разному, создают различные картины мира, а потому являются носителями различной культуры и общественного поведения, поскольку именно язык человека определяет процесс познания, мышления и логики. Здесь можно говорить об определённой близости точек зрения А.А. Потебни и Б. Уорфа.

Подводя итог, завершить анализ научных подходов к изучению места языка в жизни человека, народа и общества можно словами знаменитого датского лингвиста, основателя глоссемантики, Л. Ельмслева, которыми он заключил свой известный труд «*Omkring sprogteoriens grundlæggelse*», который в английском переводе получил новое название и стал известен как «Прологомены к теории языка»: «Лингвистическая теория, руководимая внутренней необходимостью, приходит к признанию не только языковой системы, но также к признанию человека и человеческого общества, стоящих за языком, и всего мирового человеческого знания, добытого посредством языка» [Цит. по 3, с. 30].

Таким образом, ведущие учёные-лингвисты на протяжении последних 200 лет едины во мнении, что роль языка в обществе огромна и безусловна. Фактор национального языка в концепции национального самосознания является определяющим, ведь язык становится тем средством, которое обеспечивает сохранение внутреннего единства общества, его консолидацию, средством передачи культуры, истории, традиций народа. В то же время люди, говорящие на разных языках, являются носителями различной культуры и различного общественного поведения, что может приводить к возникновению межкультурных противоречий и столкновений. Язык и народность – это два фактора, которые сильно связаны между собой и влияют на культуру и национальную идентичность людей.

Выводы, сделанные А.А. Потебнёй, особенно острое звучание приобретают в наши дни, когда страны Европы принимают толпы беженцев и мигрантов, не говорящих на европейских языках, не имеющих ни общих корней, ни общей истории или культуры с Европой. Сможет ли современная история опровергнуть утверждения, сделанные учёным-лингвистом более 100 лет назад?

Что такое датские ценности

Вопрос о том, что значит быть датчанином, особенно часто и активно стал подниматься в датском обществе и широко обсуждаться в 1990-х годах в различных СМИ, – как на страницах газет, так и в радио- и телепрограммах. Он становится, начиная с этого времени, темой серьёзных обсуждений и жёстких дискуссий, как в партийных кругах, так и в датском парламенте, вовлекая в разговор самые широкие слои населения. Не менее горячие споры развернулись также и в социальных сетях. В одном едины все: датчанин – тот, кто разделяет общие для всех демократические датские

ценности. Однако выделить из огромного перечня самые главные и договориться с обществом о том, что именно они должны стать обязательными для каждого датчанина, пока, как видно, так и не удалось. Действительно ли дело обстоит так, что на протяжении последних почти 200 лет настоящим датчанином может себя считать лишь тот, кто родился в Дании, говорит по-датски и исповедует датскую культуру? Этот вопрос всё чаще звучит на всех уровнях датского общества.

Подкаст Альтингет *altinget.dk* предоставляет экспертам возможность вести открытые дискуссии, выражать личное мнение по важнейшим политическим вопросам, а также периодически проводит опросы населения. По проведённому им в сети интернет-опросу, помимо традиционных, неоспоримых, давно принятых обществом истинно датских ценностей, таких как: «*Dannebrog*» – государственный флаг Даннеброг с белым крестом на красном фоне, «*nationalsang*» – гимн, «*dansk*» – датский язык, «*tryghed*» – уверенность в завтрашнем дне, «*solidaritet*» – взаимосвязь поколений, «*folkeskole*» – система народных университетов, «*Jul*» – рождество и связанные с его празднованием традиции, «*kongehuset*» – королевский дом, «*demokrati*» – демократия, «*Grundlov*» – конституция, «*køkken*» – датская кухня, «*fagforeninger*» – профсоюзы и пр., большинство опрошенных отдельно выделили такие явления датской жизни как: «*tillid*» – доверие граждан друг другу, «*frihed*» – свобода, «*foreninger*» – различные объединения граждан по интересам, «*ligestilling*» – гендерное равенство, «*velfærd*» – благоденствие каждого гражданина. Перечисленные ценности безусловны, «не допускают компромисса; их следует чётко формулировать в процессе воспитания детей, в системе школьного образования, в информировании населения, в процессе интеграции приезжих и т.п. – ...er værdier, vi ikke kan gå på kompromis med. De skal være mere tydelige i opdragelsen, skolen, folkeoplysningen, integrationen osv.» [15].

Из полученных ответов видно, что чувство национального самосознания у датчан основано на целом ряде как конкретных, так и довольно абстрактных понятий и субъективных представлений, чёткие границы которых очертить иногда довольно сложно.

Для датских детей, родившихся на территории страны и получивших сначала воспитание в дошкольном учреждении, а затем школьное образование в датской средней школе или гимназии, вопрос о самоидентификации не стоит. Их с раннего детства постоянно вводят в систему вышеперечисленных датских национальных ценностей на уроках, которые в школьном расписании называются «*danskfaget*» – занятия по изучению всего, что связано с национальными истоками, культурой, традициями, государственным устройством и пр., где у детей формируют чувство национального самосознания, воспитывают из них граждан страны и подданных датской короны.

Однако для иммигрантов и беженцев вопрос о датских национальных ценностях является практически неразрешимым, ведь дома, в семье, они по-прежнему продолжают говорить на родном языке, а датским вынуждены пользоваться лишь выходя во внешний мир. Получается, что в них так или иначе совмещаются два языка и две культуры, о чём писал в своём труде А.А. Потебня. Интересно, что появление в стране всё большего числа людей с чуждой культурой заставило самих датчан вновь серьёзно задуматься о том, что для них является наиболее важным в списке того, что их, датчан, отличает от других народов мира.

Для определения и описания набора личностных качеств и свойств, которые характеризуют подлинного датчанина и дают ему право отнести себя к числу таких же подлинных датчан, в датском языке существует специальный термин «*danskhed*», что буквально переводится как «датскость». Это понятие слишком широкое, практически безграничное, некоторые его компоненты являются постоянными, другие могут появляться или исчезать в какие-то моменты времени, да и значимость той или иной характеристики может оцениваться по-разному как политиками, так и различными представителями датского общества, из-за чего в СМИ не угасают постоянные дебаты по этому вопросу.

В целом, суть «датскости» может быть сведена к нескольким основным областям, которые предписывают наличие следующих качеств: чувства национальной самоидентификации как датчанина, понимания того, что представляют собой основополагающие датские ценности, уважение к датской демократии и обществу всеобщего благоденствия, знание датской национальной культуры, истории и пр., и, конечно, в первую очередь, владение датским языком, на основе которого всё перечисленное выше осуществляется.

Где живут настоящие датчане

Одной из причин пробуждения внимания и постоянного интереса к вопросу о том, кого можно считать настоящим датчанином, является факт изменения этнического, культурного и религиозного состава общества, проживающего на территории королевства. Принято считать, да и во многих датских источниках обычно указывается, что до середины 60-х годов XX века Дания была страной с этнически однородным населением, исповедующим одни и те же исторические, культурные и религиозные ценности. Однако это не совсем так и относится только к территории самой Дании, а не всего Содружества «*Rigsfællesskabet*» в целом. Прежде при ответе на этот вопрос население Гренландии и Фарерских островов не рассматривалось.

Впервые о содружестве трёх территорий заявил известный датский юрист, доктор юридических наук Фредерик Хархоф в 1993 году. С тех пор этот термин широко употребляется для определения правового статуса в отношениях между Данией, Гренландией и Фарерскими островами, однако законодательно не закреплён ни в одном из документов, но при этом превратился в официальное название государства. Ф. Хархоф отказался от ранее использовавшегося понятия единства трёх территорий – «*rigsenheden*»: оно не отражает подлинной ситуации во взаимоотношениях между народами и территориями, входящими в состав королевства, поскольку указывает на наличие общих базовых принципов, лежащих в основе их национальной идентичности, а таковыми, по его мнению, эти народы не обладают. Учёный полагает, что название государства должно отражать его суть, а именно, это есть содружество трёх частей страны, каждая из которых имеет свои специфические особенности: свой язык, культуру, природно-климатические условия проживания, жизненный уклад и свою национальную идентичность – «*Betegnelsen rigsenheden indeholder imidlertid ikke nogen realistisk karakteristik af forholdet mellem Rigets dele, for denne betegnelse peger på en grundlæggende fælles identitet, der efter min mening er en illusion. Ud fra en mere objektiv betragtning bør man slet og ret betegne Riget som dét, det er; nemlig et fællesskab mellem tre rigsdele, der er grundlæggende forskellige for så vidt angår sprog, kultur, klima, livsmønstre og identitet.*» [22].

Таким образом, в середине XX века территория королевства состояла из самой Дании, включая Южную Ютландию, Гренландии и Фарерских островов. Гренландия, коренным населением которой являются эскимосы, или инуиты, как они сами себя называют, в 1953 году перестала быть колонией и получила статус части датского королевства с одновременным представительством в парламенте страны, свой флаг и язык, родственные инуитским языкам. В 1978 году разногласия между Данией и Гренландией привели к стремлению усиления внутреннего самоуправления в Гренландии, тогда она превратилась в автономию в составе Дании, а в 1985 году по итогам референдума вышла из ЕС.

Фарерские острова ещё в 1948 году подписали Акт о вхождении Фарерских островов в состав Дании на правах автономии с сохранением национального флага и фарерского языка в качестве государственного. Пользуясь статусом автономии, территория отказалась в 1973 году от вступления в Европейский Союз, к которому присоединилась Дания. Попытки обрести независимость от Дании, предпринятые в начале 2000-х годов, не изменили общей ситуации.

В Южной Ютландии после 1864 года на бывшей датской, а с этого времени немецкой территории, которую Дания по результатам последней войны уступила в пользу Пруссии, ситуация оставалась крайне сложной вплоть до 1920 года, когда по результатам проведённого референдума 1/3 часть снова вернулась в состав королевства. Возвращение в состав Дании явилось результатом длительной и основательной борьбы датчан за сохранение своей «датскости» на подконтрольной немцам территории [25].

Воссоединение части Южной Ютландии с Данией означало возвращение датского языка, датской государственной школы, датской государственной церкви, национальных обычаев и кухни.

В 2020 году жители Южной Ютландии, где проживает немецкоязычное меньшинство, отметили 100-летний юбилей с момента возвращения в состав Дании «*Genforeningen*», хотя торжественные мероприятия и визит Её Величества Маргретте II и кронпринца Фредерика с супругой

гой во Фредериксхой состоялись лишь по окончании эпидемии ковида год спустя, в 2021 году [16]. По другую сторону границы, в Северной Германии – Южном Шлезвиге, как его называют датчане, проживает датскоязычное меньшинство; вопрос о национальной самоидентификации датчан здесь встаёт довольно часто, как в соцсетях, так и на уровне датского землячества «*Dansk Samling*». Особенно это касается статуса хождения датского языка, работы датских школ и пр. И если на Фарерских островах и в Гренландии вопрос о «датскости» не стоит вообще, то на юге Дании, по обе стороны от её южной границы споры не умолкают [23].

Как стать датчанином?

Тем временем процесс переселения на территорию Дании мигрантов и беженцев, в основном, из восточных стран с каждым годом набирает обороты. По данным Статистической службы Дании «*Dansk Statistik*» – датской правительственной организации при Министерстве экономики и внутренних дел страны – в 2010 году уже около 10% населения составляли приезжие, на 01.01.2016 г. в стране было 9,5% иммигрантов и 2,9% их потомков от общего количества населения страны, в 2018 году их число составило 13,3%, а к 2060 году их количество предположительно достигнет 20%. В таком развитии ситуации некоторые политики видят катастрофу для датского государства [17].

Однако всё увеличивающееся с каждым годом количество беженцев и иммигрантов из неевропейских стран, приток людей вовсе не знакомых с культурой, историей, религией, ценностями страны, не говорящих по-датски, а подчас и вовсе плохо грамотных, поставило датское государство в тупик. Прежние ожидания того, что переселенцы с Востока привнесут свежую кровь в народ, оздоровят генетику, а датское общество, в свою очередь, быстро ассимилирует всех приехавших, превратив их в таких же датчан, как они сами, с детства живущих по традициям, установленным государственной лютеранской протестантской церковью, устоями пуританизма и законом Янте, довольно быстро развеялись. Последний из перечисленного, закон Янте – свод морально-этических и поведенческих предписаний – состоит из 10 заповедей по образцу библейских, суть которых сводится к основному, главному тезису «*Du skal ikke tro, at du er noget* – Не думай, будто ты из себя что-то представляешь», особенно сложен, а зачастую просто неприемлем для понимания людьми иной культуры.

Как позднее стало понятно, далеко не у всех иммигрантов и беженцев была цель стать похожими на местное датское население. Напротив, они бежали от той нищеты, бедности и социальной неустроенности, которая была у них дома, на родине, в богатую страну, социально ориентированное государство – «*velfærdsstaten*» – «государство всеобщего благоденствия», которое гарантирует своим гражданам, на протяжении всей своей жизни исправно уплачивающим высокие налоги, различные социальные гарантии и демократические свободы, закреплённые конституцией страны.

Год от года ситуация с переселенцами становилась только сложнее. Для того чтобы справиться с ней, в июне 2015 года было образовано Министерство по делам миграционной политики и интеграции – *Udlændinge- og Integrationsministeriet*. До этого времени всеми прибывающими и выезжающими из королевства занимались в той или иной степени различные инстанции: Министерство юстиции, Министерство по вопросам занятости, Министерство по вопросам гендерного равенства, Министерство по делам детей и другие. Сегодня на сайте этого министерства размещены требования, которые датское государство предъявляет к тем, кто претендует на получение гражданства страны. Они сводятся, в целом, к шести позициям, где первые 4 пункта определяют юридические и экономические требования, пункт 5 касается языка, а пункт 6 – культуры, традиций и истории страны, которые самым тесным образом связаны с языком, то есть с пунктом 5 [11]:

- 1) наличие заверенного личной подписью заявления о наличии у претендента преданного и лояльного отношения к датскому государству и обществу, а также обещание соблюдать датское законодательство и правовые нормы страны;
- 2) наличие бессрочного вида на жительство и наличие срока непрерывного проживания в стране в течение 8,5 – 9 лет в зависимости от статуса претендента;

- 3) отсутствие уголовной и иных видов юридической ответственности;
- 4) отсутствие задолженностей по оплате налоговых отчислений и долга любым государственным структурам, а также наличие у данного лица дохода, достаточного для полного материального самообеспечения;
- 5) наличие сертификата об успешной сдаче экзамена на получение датского гражданства не ниже 3 ступени сложности (в некоторых случаях допускается 2, более низкая, ступень);
- 6) наличие знаний в области датской истории, культуры, жизни датского общества и пр. [20].

Между тем соблюдение всех шести вышеперечисленных требований не приближает к тому, чтобы превратить вчерашнего беженца в датчанина. Требуется ещё пережить определённый срок ожидания. В этом вопросе мнения представителей различных партий расходятся. Занимая пост министра по делам миграционной политики и интеграции, депутат Фолькетинга, представитель партии Венстре Ингер Стойберг выдвинула предложение о том, что при наличии успешно сданного экзамена на получение датского гражданства, период ожидания принятия решения государством должен составлять 2 года [11].

В 2018 году она внесла в Фолькетинг законопроект об ужесточении иммиграционной политики для его обсуждения. Жёсткая политическая позиция вызвала мощный резонанс в обществе, что привело к возбуждению против неё судебного дела о должностном правонарушении и отстранению политика от должности. Ныне Ингер Стойберг – председатель образованной в июне 2022 года партии Датских Демократов.

В это же время Мортен Эстергорд, председатель Радикальной партии по политическим вопросам, предлагает не делать период ожидания более 1 года, а спикер Социал-демократической партии по вопросам предоставления гражданства по праву рождения, Астрид Краг, также выступила за ужесточение правил получения датского гражданства [11].

И даже после одного-двух лет ожидания станет ли вчерашний переселенец истинным датчанином? Ведь такие характеристики, как место рождения, наличие датского гражданства, приверженность датской государственной церкви, а также вопросы о том, какой язык является родным, разговаривает ли человек на одном из датских диалектов, какие бытовые и культурные традиции использует, насколько он ощущает себя неотъемлемой частью единого датского общества и некоторые другие всё чаще становятся предметом публичных обсуждений и споров о том, что значит быть датчанином. И это при том, что сдать экзамен на наличие базовых знаний в области датского языка, истории и культуры, предусмотренных пунктами 5 и 6, на положительную оценку, как показывают данные статистики, сегодня могут лишь менее половины претендентов [21].

История зарождения чувства национального самосознания в Дании

Тем не менее, вопрос о том, что значит быть датчанином, имеет довольно долгую, более чем 200-летнюю историю и связан не только с возникшим в Европе в конце XVIII века у европейских поэтов-романтиков интереса к народному творчеству, традициям и быту, которым начинало угрожать начинавшееся развитие городов, но и, в первую очередь, с необходимостью в многочисленных войнах противостоять внешнему врагу, а всё исконно народное и национальное, особенно родной язык, позволяло объединиться датчанам в борьбе с иноземцами.

Датский проповедник, философ, просветитель и поэт XIX века Н.Ф.С. Грундтвиг по сути заложил основу идеи формирования национального самосознания у датчан. Как выдающийся педагог, общественный деятель и епископ датской лютеранской церкви он основал систему датских народных школ «*folkeskoler*», желая соединить в них образование малограмотного населения с христианской религиозной жизнью, а как философ, мыслитель и автор исследований по скандинавской мифологии, проявлявший огромный интерес ко всему, что связано с истоками, датским народным творчеством и традициями, он пришёл к выводу о том, что единение человека со своим народом осуществляется, в первую очередь, с помощью родного языка на основе общей истории и культуры. Своё понимание того, как связаны личность и общество, он выразил в призыве: «*Find*

dig i fællesskabet! – Будь в единении с народом!». Сегодня понимание этого единства значительно расширено и включает государство, нацию, общество, церковь и многое другое, что датчане называют своими традиционными ценностями.

Кроме того, им впервые сформулирована идея равенства и социальной справедливости, к которым следует стремиться датскому обществу в своём развитии. Считается, что идея Грундтвига о построении датчанами такого государства, где «почти нет богатых, а бедняков ещё меньше – *når få har for meget og færre for lidt*» стала лейтмотивом датской демократии и продолжает оставаться им сегодня [14]. Многие выдвинутые Грундтвигом тезисы до сих пор сохраняют свою актуальность и положены в основу того свода гласных и негласных правил, в соответствии с которыми датчане сами определяют своё национальное своеобразие, ту самую «датскость», которая закладывается ещё в школе, вокруг которой разворачиваются бурные политические споры.

Датский историк, доктор наук, профессор Копенгагенского Университета, сторонник левых политических взглядов Нильс Финн Кристиансен считает, что зарождение чувства национальной самоидентификации у датского народа стало складываться в первой половине XIX века и пережило несколько спадов и подъёмов, начиная с мощного поражения Дании в Наполеоновских войнах и утратой Норвегии в пользу Швеции и заканчивая 1890-ми годами, когда под давлением более высокого уровня социального развития Пруссии и более развитой немецкой культуры, идея датского национального самосознания оказалась исчерпанной и была сведена к культу простых деревенских ценностей, датских народных традиций, датской кухни и владению общим для всех датским языком, а не его диалектами. Особенно тесно процесс роста и угасания чувства самоидентификации у датчан автор связывает с датско-прусскими войнами: его очередной рост в период Первой Шлезвиг-Гольштейнской или Трёхлетней войны 1848-1850 годов, и резкий спад после полного поражения во второй Датско-Прусской войне 1864 года [6].

Расмус Глентхой, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Южно-датского Университета также связывает становление чувства национального самосознания у датчан с чередой тяжёлых военных поражений, через которые прошла страна в период с 1814 по 1865 годы, то есть между двумя крупными военными поражениями. Именно в это время появились серьёзные причины для обострения борьбы за сохранение национального духа.

Однако до наступления периода больших военных неудач Датское Королевство представляло собой крупную державу, которая к XVIII веку объединяла в своём составе целый ряд колоний далеко за пределами Скандинавии: Вест-индские острова, Транкебар, Золотой Берег и пр., а также Гренландию, Фарерские острова, Исландию, Норвегию и немецкоязычные герцогства Шлезвиг, Гольштейн и Лауэнбург. Каждый добропорядочный гражданин, проживавший на перечисленных территориях, считался подданным датской короны, независимо от того, на каком языке он говорил, а по-датски говорили лишь немногие подданные короны. Каждый пятый житель Копенгагена говорил только по-немецки, сама столица в целом была практически немецкоязычным городом, а общее количество в стране немецкого населения до 1814 года составляло 25%.

Норвежцы, жившие в Датском королевстве, считались датскоговорящими, поскольку языки близкородственные. С потерей Норвегии в стране нарушилось языковое равновесие. Без норвежцев количество немцев в Дании составило уже 40% от общего количества населения страны. Начиная с этого момента, у датчан в борьбе за «датскость» сложились сложные отношения с немцами и всем немецким. Теперь «чувство национальной самоидентификации у датского населения строилось на отрицании: каждый, кто не немец – тот датчанин» [13].

Также Расмус Глентхой считает, что именно в XIX веке сложилось понимание того, что именно датский язык по-настоящему отражает душу датского народа, следовательно, знание датского становится определяющим фактором в национальной самоидентификации датчан, а потому возникает новый критерий «датскости»: «Если человек не говорил по-датски, он больше не мог быть настоящим датчанином, даже при наличии у него датского гражданства – *Hvis en person ikke kunne tale dansk, så var han ikke længere en rigtig dansker, selvom han havde statsborgerskab i Danmark*» [13].

Более того, анализируя причины, побудившие датчан задуматься о своей национальной самоидентификации, Расмус Глентхой приходит к выводу о том, что решающую роль здесь сыграл именно распад Датско-Норвежской унии, которая на тот момент просуществовала 434 года.

Вопрос о национальном единении датчан вышел в тот период на первое место и обрёл уже политическое звучание. Расмус Глентхой полагает, что череда трагических событий, постигших Данию в XIX веке, заставила общество впервые задуматься о том, какие качества являются определяющими в вопросе национальной идентификации датчанина. Впервые общество пришло к выводу о том, что гражданином может быть только тот, кто, во-первых, говорит по-датски, во-вторых, родился на территории Дании и, в-третьих, разделяет датские культурные ценности. С этого момента история, язык, народ поставлены во главу угла, а крестьянство, как исконно национальная часть народа, считается ядром нации. Именно в это время, как считает исследователь, зародилось понятие «датскости» и начинаются длящиеся по сей день, нескончаемые дискуссии и споры между сторонниками различных политических партий и движений о том, какие характеристики оно должно в себя включать [13].

После полного разгрома в 1864 году само существование датского государства вызывало большие опасения, моральный дух и чувство национального единения переживали глубокий кризис. Нужна была новая национальная идея, способная вывести датское общество из глубочайшего общенационального духовного кризиса. Мощное развитие кооперативного движения дало сильный толчок к росту экономики и восстановлению в народе чувства самоуважения и национального самосознания. Слоганы тех лет «Всё малое – это хорошо – *Småt er godt*» и «Что потеряно снаружи – найдётся внутри – *Hvad udad tabes skal indad vindes*», закрепившиеся в языке и прочно вошедшие в обиход в 1870-е годы, и сегодня можно увидеть в таких сферах современной жизни как ресторанное дело, жилищное строительство, издательское дело, индустрия развлечений и пр. Датчане стараются их переосмыслить и использовать, не разрывая историческую связь времён.

Чувство национального самосознания и единения сегодня

Марие Краруп член Фолькетинга от Датской Народной Партии в 2014 году предложила простой тест для определения принадлежности личности к датскому народу. В нём всего 2 критерия: объективный – наличие датского гражданства и субъективный – самоидентификация себя как датчанина. Субъективный критерий опирается, по мнению политика, на известное стихотворение Грунтвига «*Folkeligheden – Народность*», написанное в 1848 году, всего почти за один год до принятия в Дании первой конституции, которую принято называть демократической. «*Til ét Folk de alle høre, som sig regne selv dertil, har for Modersmålet Øre, har for Fædrelandet Ild*», то есть датчанин – тот, кто сам причисляет себя к датскому народу, говорит по-датски и любит свою родину [19]. Получается, что спустя почти 170 лет базовые критерии «датскости» практически не устарели!

И напротив, если человек не стремится быть частью единого целого, а хочет отличаться от других датчан, например: живёт в отвратительном гетто, не говорит по-датски и не делает никаких попыток выучить его, не желает вступать в брак с датчанами, то как в такой ситуации можно почувствовать свою связь с датским народом, как можно принять самих датчан, их историю и язык? Существование народа в будущем зависит от того, насколько он един сегодня. Марие Краруп считает, что если представить себе, «что вместо Богом данного датчанам флага Даннеброга появился бы иной государственный флаг, датский язык был бы заменён английским, а управление Данией передано в руки ЕС или немцев, то датское общество стало бы совсем иным. Осталось ли оно датским? ... Без своего национального флага Даннеброга, датской территории и датского языка Дания просто исчезла бы – ...*flaget Dannebrog. Det fortælles, at det var en gave fra Gud. Hvis vi f.eks. fik et nyt flag eller erstattede dansk sprog med engelsk og lod EU eller tyskerne bestemme i Danmark, – så ville det danske fællesskab være anderledes. Ville det så være dansk? Uden Dannebrog, det danske territorium og det danske sprog vil jeg mene, at Danmark er forsvundet*» [19].

По мнению Марие Краруп, датский народ будет жив до тех пор, «пока мы рассказываем историю Дании, поднимаем Даннеброг, говорим по-датски, а территория нашей страны суверенна..., ведь из истории никогда не уходит тот народ, который сам этого не хочет – *Men så længe vi bliver ved med at fortælle Danmarks-historie og bruge Dannebrog og det danske sprog og har suveræniteten over vores territorium, så er Danmark og det danske folk der, ... men aldrig kan et folk forgå, som ikke vil det selv*» [19].

В 2016 году член Социал-демократической партии Дании Метте Гьерсков поставила во главу угла совсем иные ценности для определения того, кто имеет право считать себя датчанином. По её мнению, любые оторванные от жизни попытки выделить критерии «датскости» лишь причиняют боль и вызывают у народа недоверие и сожаление. Общество следует строить на объединении, а не на разъединении его членов. Со своей стороны, она предлагает учитывать лишь два принципа, которые в датском обществе считаются неоспоримыми достижениями датской демократии: «*ligestilling*» – гендерное равенство и «*ægte dansk børneopdragelse sker uden vold*» – истинно датское воспитание детей без применения физического наказания и насилия над личностью ребёнка. Второй принцип не поддерживается Датской Народной Партией, а потому здесь спор переходит на уровень межпартийной дискуссии, где Метте Гьерсков делает жёсткий и категоричный вывод: члены Датской Народной партии сами не достойны быть датчанами. Право решать, что есть «датскость», надо предоставить простым датчанам, в этом вопросе народу можно доверять [12].

К 2017 году в Дании появились такие территории, где население, состоящее из иммигрантов из неевропейских стран или их потомков, составило большинство по отношению к этническим датчанам. Озабоченность сложившейся ситуацией, когда иноверцы не исповедуют христианство и не знают, какую роль религия всегда играла в жизни датского общества, была озвучена в датском парламенте представителем Датской Народной Партии и с перевесом в один голос одобрена Фолькетингом. Спикер по делам иностранцев Датской Народной Партии Мартин Хенриксен выразил опасение, что при такой демографической ситуации датские традиционные ценности рискуют быть потеряны и, в первую очередь, это касается христианских традиций и датской культуры, которая должна преобладать в стране. Этот факт не остался без внимания в датском парламенте, был очень по-разному оценён представителями политической элиты и вызвал ожесточённые споры [8].

Спикер по правовым вопросам партии Единого Списка Пернилле Скиппер в 2017 году заявила, что такая позиция препятствует интеграции в датское общество переселенцев и разрушительно действует на единение людей в стране. Более того, никто не смеет указывать им, как себя вести и что им делать для того, чтобы у них появилось право называть себя датчанами. И хотя Пернилле Скиппер занимается решением правовых дел, её обвинение в адрес принятого решения звучит, скорее, как бытовое, чисто эмоциональное: «Мартин Хенриксен выдал себе патент на определение того, что значит быть датчанином. А, между прочим, это он и большинство в Фолькетинге решают, что это значит. Но это же какая-то ерунда. Датчанин – тот, кто чувствует себя таковым – ... *det er Martin Henriksen, der tager patent på, hvad det vil sige at være dansk... Og så er det i øvrigt ham og et flertal i Folketinget, der bestemmer det. Det er noget vrøvl. Man er dansk, hvis man føler sig dansk*» [5].

Коллега из партии Либерального Альянса, спикер по делам иностранцев Лаура Линдаль также жёстко раскритиковала точку зрения Мартина Хенрикссена и назвала её неприемлемой для датчанина. Социал-демократы, которые в вопросах миграционной политики нередко поддерживали позицию Датской Народной Партии, в этот раз резко отмежевались от единомышленников, сославшись на то, что сводить представление о подлинной принадлежности к датскому народу, основываясь лишь на религиозных предпочтениях верующих, нельзя. А спикер по политическим вопросам партии Венстре Якоб Эллеман-Йенсен, который с 2019 года встал во главе этой партии, обратился к уже известным словам Грундтвига: «*Til ét Folk de alle høre...*» и тем самым подвёл итог развернувшейся дискуссии. Он заявил, что главное – считать себя датчанином, знать датский язык, и не просто чувствовать, что ты датчанин, но и защищать традиционные датские ценности [8].

На первый взгляд может показаться, что национальная кухня – несущественный элемент национального самосознания. Но для датчан это не так. Кульť еды был всегда и существует как перечень традиционных датских блюд, приуроченных к конкретным датам и праздникам, так и правил их подачи и сервировки. Блюда национальной кухни занимают существенное место в списке датских ценностей. Упоминание фрикаделек, жаркого из свинины, ливерного паштета, пива звучит регулярно в ответах на проводимые различными социологическими службами опросы о том, что включает в себя понятие «датскость», и еда здесь стоит не на последнем месте. Так считают и школьники 6-8 классов [7] и взрослые датчане [18]. Этот вопрос часто поднимается даже и на страницах ведущих СМИ, где еда, привычные блюда ежедневной национальной кухни ставятся на один уровень с политическими и культурными ценностями.

«Если Ахмед не говорит по-датски, не ест фрикадельки, никогда не видел культового датского фильма “Матадор”, но он держит собственный овощной магазинчик и платит налоги в Дании, можно ли считать его в какой-то степени новым датским гражданином? Может ли он быть настоящим датчанином, если не говорит на датском, не разделяет датские культурные ценности и родился не в Дании?» [13].

Этот вопрос в течение последних 30 лет лежит в основе большинства политических споров, а по сути, он возвращает общество к тем дебатам, которые велись в стране в 1814 – 1864 годах. Так считает Расмус Глентхой, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Южно-Датского Университета [13]. Сменились века, а ответа на главный вопрос по-прежнему нет...

Истоки и судьба «датскости» сегодня

Всё то, что сегодняшний датчанин привык считать своим, присущим только датскому народу, выросло и оформилось в процессе мощного влияния на страну извне. Бертель Хордер, член Фолькетинга от партии Венстре, в разные годы занимавший пост министра культуры, министра образования, представлявший Данию в Европарламенте, даёт свои объяснения тому, как формировались датские ценности, повлиявшие на становление национального самосознания датчан, и почему эти ценности сегодня именно такие.

По его мнению, Золотой век датской науки и культуры пришёлся на самое тяжёлое и трагическое для страны время с точки зрения политической и военной ситуации, что связано с потерей территорий после 1814 года, с одной стороны, и этническим составом населения Дании, когда большинство граждан составляли немцы, – с другой. Всё самое датское, как лучшее, так и худшее, приходило в Данию с юга. И чтобы выжить, требовалось одержать победу над вредными чуждыми явлениями, а все достойные принять и приспособить, сделать своими. Под этим внешним давлением, как считает Б. Хордер, расцвела «датскость». Так, именно с юга, по льду подошли шведы и отделили от Дании Сконе, Блекинге и Халланд. Также с юга пришли пруссаки и захватили герцогство Шлезвиг. С юга в Данию приходили и эпидемии опасных болезней, и прочие неприятности [15].

И всё же этот самый Золотой век создавали, в основном, люди с недатскими фамилиями: Адам Готлоб Эленшлегер (*A.G. Oehlenschläger*) – датский поэт и драматург, автор слов национального гимна Дании; Фридрих Кулау (*Friedrich Kuhlau*) – немецко-датский композитор, музыковед и пианист, Август Бурнонвиль (*Bournonville*) – датский хореограф и балетмейстер; Хенрик Стеффенс (*Heinrich Steffens*) – датский философ, естествоиспытатель, профессор натурфилософии и физики. Под его влиянием в Дании начала развиваться теоретическая физика в лице Ханса Кристиана Эрстеда (*H.C. Ørsted*) и философия истории в лице историка и педагога Н.Ф.С. Грундтвига (*N.F.S. Grundtvig*), а воспоминания Стеффенса – ценный источник истории европейского романтизма.

Однако именно с юга в разное время в Данию пришли христианство, Реформация, эпоха романтизма, профобразование, профсоюзное движение, социал-демократия и рождественская ёлка. И всё оно стало истинно датским, когда такие личности как Ханс Таусен, Н.Ф.С. Грундтвиг, Кристен Миккельсен Колд, Георг Брандес и другие передовые деятели той эпохи подстроили их под нужды датского общества, а ёлку украсили гирляндой из датских флажков, после чего она

стала неотъемлемой частью и символом датского Рождества. Каждое крупное европейское историческое событие и движение оставили свой след в датской культуре и вошли в состав традиционных, неоспоримых, давно принятых обществом истинно датских ценностей, и составляют ту самую «датскость».

Учение мыслителя, философа и проповедника Н.Ф.С. Грундтвига в сочетании с датской народной средней школой и концепцией дополнительного образования для взрослых, созданными учителем Кристеном Миккельсеном Колдом, легли в основу системы школ народного просвещения Грундтвига-Колда – народные университеты, которые и сегодня работают в Дании. Их просветительская деятельность строится на популяризации работ Н.Ф.С. Грундтвига, принципов народовластия и идеи национального единения, а основные преподаваемые дисциплины – датский язык, история и религия. Деятельность этих открытых школ направлена на укрепление чувства единства и сплочённости у датского народа, а основная цель – просвещение населения на основе их открытости и доступности.

Просветительская основа открытых школ строится, в том числе, на том, что труды Грундтвига, посвящённые изучению личности, народности и общества, заложили идеологическую основу для формирования общественно-политического сознания народа, с одной стороны, и дали толчок к развитию датской промышленности, с другой. Учение Грундтвига сохраняло свою актуальность вплоть до 1970-х годов, когда его тезисы о народности и единении были взяты на вооружение набравшим силу неомарксистским движением в его противостоянии с буржуазным индивидуалистическим обществом. В противоположность им Датская Народная Партия обратилась к учению Грундтвига, чтобы с его помощью узаконить свои враждебные националистические взгляды и их применение на практике. А в последние годы можно наблюдать, как идеи Грундтвига используются с совершенно противоположными целями, а именно: чтобы разобщить людей [10].

Национальное самосознание датчан сформировалось и продолжает развиваться, во многом, под влиянием идей Грундтвига. Однако священник Свен Торгорд со своей стороны обращается с предостережением к датскому народу: «Все мы всё время пестуем в себе грундтвигианское чувство любви к родине. Хотя сам Грундтвиг видел опасность в любви к своей стране, поскольку она может означать равнодушие или даже ненависть к другой – *Vi har alle sunget Grundtvigs fædrelandskærlighed ind i os. Men Grundtvig vidste selv, at faren ved fædrelandskærlighed er ligegyldighed eller endda had mod andre*» [24].

Многие датские политики признают величайшую роль Грундтвига в том, что он впервые выделил и сформулировал принципы «датскости», которые объединяют людей в единый народ, что особенно важно было в годы потрясений и кризисов. Расмус Глентхой, историк, доцент кафедры истории Южно-Датского Университета считает, что от того, какие именно критерии «датскости» будут выбраны в качестве основополагающих, зависит политическая программа самых влиятельных и популярных партий. Для Датской Народной Партии – это датский язык и общая история, а для Леворадикальной Партии – это буржуазные ценности [13].

Что касается датчан, то их дискуссия о датских ценностях и «датскости» может продолжаться вечно и служить неким движущим фактором в развитии их национального самосознания, но как воспитать новых датчан, ускорив адаптацию в датское общество иммигрантов, количество которых стремительно растёт, остаётся пока неразрешённым вопросом, политического решения которому всё ещё найти не удаётся.

Определяющая роль датского языка в формировании чувства национальной отнесенности к датскому обществу у людей с иной этнокультурной идентичностью для большинства членов датского общества очевидна, однако применяющиеся в настоящее время методы решения языкового вопроса не являются эффективными, а люди с недатскими этнокультурными корнями тем временем не становятся настоящими датчанами. Возможно, ближе к настоящим датчанам смогут стать лишь потомки беженцев и иммигрантов – их дети и внуки. Похоже, что выводы, сделанные больше века назад А.А. Потебнёй, а позднее и теория Б. Уорфа сегодня находят подтверждение в датском обществе.

В целом, государство не справляется с поставленной задачей. Предложения, поступающие от различных политических сил в стране, носят крайне противоречивый характер и лишь будоражат общество, вызывая очередную волну споров. Об этом свидетельствует и последний проект датского социал-демократического правительства Метте Фредериксен, который был передан на рассмотрение в Европарламент в ноябре 2022 года. С целью сократить приток иммигрантов и беженцев, напрямую прибывающих в страну, новый датский проект предлагает обустроить в Африке центры временного приёма беженцев, которые направляются в Европу из некоторых стран Азии и Африки с тем, чтобы они там находились в то время, пока решается вопрос о предоставлении им права въезда на территорию ЕС [9]. Смогут ли стать новыми настоящими датчанами те, кому въезд в страну будет всё-таки разрешён, а сколько времени займёт процесс их интеграции в датское общество?

Рассмотренные выше представленные в датском обществе точки зрения в отношении того, кто может считать себя датчанином, что такое настоящая «датскость» и какие традиционные датские ценности включает в себя это понятие, продемонстрировали полное несовпадение позиций, выдвигаемых на всех заявленных уровнях: политическом, научном и общественном, социально-бытовом.

Политики в борьбе за голоса избирателей боятся принять непопулярное решение, а потому их заявления носят крайне противоречивый характер, демонстрируя колебания, метания и нерешительность. Подчас их заявления являются реакцией на сиюминутные настроения в обществе и, соответственно, вызывают бурную реакцию населения.

Учёные предлагают обществу анализ ситуации на основе имеющихся фактов и документов, но решений государственного масштаба они не принимают, а лишь стараются объяснить и помочь понять истоки противоречий и исторический опыт, извлечённый предыдущими поколениями, часто навлекая на себя критику со всех сторон.

Население выражает спонтанное и эмоциональное отношение к происходящему, бурно реагируя на каждое конкретное событие или очередное заявление властей по миграционной политике. Периодически люди вступают в спор с исследователями и выражают своё одобрение или несогласие с позицией учёных иногда в довольно резкой форме.

Народ, народность и язык неразрывны, все они на протяжении веков являются важными факторами в формировании идентичности и культуры людей, а взаимодействие между ними имеет глубокий и сложный характер. Однако профессор Орхусского Университета, профессор Высшей Коммерческой Школы Копенгагена, доктор исторических наук Уфе Эстергорд полагает, что сегодня, когда в мире идёт процесс глобализации, самым мощным фактором самоидентификации народа является национализм [25]. Очевидно, что в таком случае в обществе сильно возрастёт ценность национального языка и национального самосознания как важнейших средств, которые обеспечивают сплочённость, внутреннее единство общества и его консолидацию, поскольку именно родной язык является хранителем культуры, истории, традиций и памяти народа.

Таким образом, устранить этнокультурные противоречия внутри страны возможно лишь за счёт усиления у народа чувства национального самосознания – «датскости», а это осуществимо лишь на основе датского языка, ведь только люди, говорящие на одном языке, познают мир одинаково, создают единые картины мира, а потому являются носителями единой культуры, духовных ценностей и общественного поведения. А это значит, что датскому государству придётся создать единую для всех концепцию «датскости» и найти решение вопроса не только о том, как превратить в настоящих датчан всё растущее число иноязычных беженцев с недатскими этнокультурными корнями, но и как сохранить приверженность датским ценностям, национальной культуре и датскому языку у этнических датчан.

© Красова О.Е., 2023

Список литературы

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений. Вильгельм фон Гумбольдт. URL: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/alpatov/humboldt.html> (дата обращения 01.02.2023).
2. Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. Издание 3-е, доп. М.: Изд-во «Просвещение», 1964. 464 с.
3. Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике. М.: Изд-во МГУ, 1996. с. 336 ISBN 5 — 211 — 03478 — 3
4. Потебня А.А. Полное собрание сочинений. Том 1. Государственное издательство Украины, 1926. 205 с.
5. Barfoed Krabbe C. Hed debat om danskhed: Det er uforskammet. 11.02.2017. URL: <https://nyheder.tv2.dk/politik/2017-02-11-hed-debat-om-danskhed-det-er-uforskammet/> (дата обращения 21.10.2022).
6. Danskhed. [https://denstoredanske.lex.dk/Danmark_-_historie_\(Danskhed\)/](https://denstoredanske.lex.dk/Danmark_-_historie_(Danskhed)/) (дата обращения 21.10.2022).
7. Danskhed interview 8. klasse. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NTduj0EdW-8> (дата обращения 21.10.2022).
8. DF: Indvandrere skal fejre kristne højtider for at blive danske. Kristendommen spiller så central en rolle i Danmark, at det er nødvendigt, at alle har kendskab til den, mener Dansk Folkepartis Martin Henriksen. 16.02.2017. URL: <https://nyheder.tv2.dk/samfund/2017-02-16-df-indvandrere-skal-fejre-kristne-hoejtider-for-at-blive-danske/> (дата обращения 21.10.2022).
9. EU-formandskab holder dør på klem for omstridt dansk asylforslag. 25.11.2022. URL: <https://www.msn.com/da-dk/nyheder/other/eu-formandskab-holder-d%C3%B8r-p%C3%A5-klem-for-omstridt-dansk-asylforslag/ar-AA14ynvz?cvid=3fcd7f5716948baa593b9b6f62fad38/> (дата обращения 25.11.2022).
10. Find dig i fællesskabet. URL: <https://grundtvig-koldsk-skole.dk/videre-laesning/find-dig-faellesskabet/> (дата обращения 21.10.2022).
11. For at få dansk statsborgerskab skal du opfylde en række betingelser, fx vedrørende selvforsørgelse, beskæftigelse, ophold i Danmark, danskundskaber og viden om Danmark, 22.04.2018. URL: <https://uim.dk/arbejdsomraader/statsborgerskab/udenlandske-statsborgere/betingelser/> (дата обращения 03.11.2022).
12. Gjerskov M. Hold nu kaje med alt det ævl om danskhed. 29.09.2016. URL: <https://nyheder.tv2.dk/politik/2016-09-29-hold-nu-kaje-med-alt-det-aevl-om-danskhed/> (дата обращения 21.10.2022).
13. Glenthøj R. Danskhed er en moderne opfindelse. Ud med tysk. 06.03.2009. URL: <https://videnskab.dk/kultur-samfund/danskhed-er-en-moderne-opfindelse/> (дата обращения 03.11.2022).
14. Gyldendals Leksikon. – Gyldendalske Boghandel, Nordisk Forlag A.S. København 1978, i bind 10. ISBN 87-01-57211-3. s.168-169.
15. Haarder B. Danskhed blomstrer under pres, 02.05.2018. URL: <https://www.altinget.dk/artikel/bertel-haarder-danskhed-blomstrer-under-pres/> (дата обращения 21.10.2022).
16. Hendes Majestæt Dronningens tale i anledning af 100-året for Genforeningen den 13. juni 2021 ved Frederikshøj, 13.06.2021. URL: <https://www.kongehuset.dk/nyheder/hm-dronningens-tale-i-anledning-af-100-aaret-for-genforeningen/> (дата обращения 25.12.2022).
17. Holst H.K. Så mange er der med indvandrerbaggrund i 2060: 'Rystende, at det går så stærkt med befolkningsudviklingen'. 02.05.2017. URL: <https://www.bt.dk/danmark/saa-mange-er-der-med-indvandrerbaggrund-i-2060-rystende-at-det-gaar-saa-staerkt/> (дата обращения 25.11.2022).
18. Hvad er danskhed for dig? URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MPxc5aiFu1Q> (дата обращения 25.11.2022).
19. Krarup M. Her er en let og enkel prøve, der viser hvad danskhed er. 04.03.2014. URL: <https://denkorteavis.dk/2014/her-er-proven-pa-om-man-er-dansk/> (дата обращения 21.10.2022).
20. Larsen Blem J., Glud P. Nu tager det næsten to år at få ja eller nej til statsborgerskab, 16.05.2018. URL: <https://www.dr.dk/nyheder/politik/nu-tager-det-naesten-aar-faa-ja-eller-nej-til-statsborgerskab/> (дата обращения 03.11.2022).
21. Mikkelsen Hansen V. Hver anden er dumpet til den seneste indfødsretsprøve. 28.06.2017. URL: <https://www.dr.dk/ligetil/hver-anden-er-dumpet-til-den-seneste-indfoedsretsproeve/> (дата обращения 28.10.2022).
22. Samson J. Rigsfællesskabet. Rigsfællesskabet og dets lande, 08.2019. URL: <https://faktalink.dk/titelliste/rigsfaellesskabet/> (дата обращения 25.12.2022).
23. Sydslesvig – et mindretal med udfordringer. Rundt om det danske mindretal i Sydslesvig. Det skal ikke være en gavebod. 17.12.2007. URL: <https://sydslesvig.wordpress.com/2007/12/17/det-skal-ikke-v%C3%A6re-en-gavebod/> (дата обращения 21.10.2022).
24. Thorgaard S. Den nationale identitet er også en arv fra Grundtvig. 06.02.2015. URL: <https://www.religion.dk/danskhed-og-kristendom/den-nationale-identitet-arven-fra-grundtvig/> (дата обращения 03.11.2022).
25. Østergaard U. Derfor kan globalisering ikke fjerne nationalitetsfølelse. 02.10.2016. URL: <https://videnskab.dk/kultur-samfund/nation/> (дата обращения 25.11.2022).

References

1. Alpatov, V.M. *Istoriia lingvisticheskikh ucheniy. Vilgelm fon Gumboldt* [History Of Linguistic Studies. Wilhelm von Humboldt], <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/alpatov/humboldt.html> (Accessed on 01.02.2023).
2. Звегинцев, В.А. *Istoriia iazykoznanija XIX-XX vekov v ocherkakh i izvlecheniakh. Chast' I.* [History Of Linguistic In XIX-XX Centuries]. Moscow, 1964.
3. Звегинцев, В.А. *Mysli o lingvistike* [Thoughts On Linguistics]. Moscow. 1996. ISBN 5 — 211 — 03478 — 3
4. Potebnya, A.A. *Polnoe sobranie sochinenij. Tom 1.* [Complete Works, Vol. 1], USSR, 1926.
5. Barfoed Krabbe C. Hed debat om danskhed: Det er uforskammet. 11.02.2017. <https://nyheder.tv2.dk/politik/2017-02-11-hed-debat-om-danskhed-det-er-uforskammet/> (Accessed on 21.10.2022).

6. Danskhed. [https://denstoredanske.lex.dk/Danmark_-_historie_\(Danskhed\)/](https://denstoredanske.lex.dk/Danmark_-_historie_(Danskhed)/) (Accessed on 21.10.2022).
7. Danskhed interview 8. Klasse, <https://www.youtube.com/watch?v=NTduj0EdW-8> (Accessed on 21.10.2022).
8. DF: Indvandrere skal fejre kristne højtider for at blive danske. Kristendommen spiller så central en rolle i Danmark, at det er nødvendigt, at alle har kendskab til den, mener Dansk Folkepartis Martin Henriksen. 16.02.2017. <https://nyheder.tv2.dk/samfund/2017-02-16-df-indvandrere-skal-fejre-kristne-hoejtider-for-at-blive-danske/> (Accessed on 21.10.2022).
9. EU-formandskab holder dør på klem for omstridt dansk asylforslag. 25.11.2022. <https://www.msn.com/da-dk/nyheder/other/eu-formandskab-holder-d%C3%B8r-p%C3%A5-klem-for-omstridt-dansk-asylforslag/ar-AA14ynvz?cvid=3fced7f-5716948baa593b9bff62fad38/> (Accessed on 25.11.2022).
10. Find dig i fællesskabet, <https://grundtvig-koldsk-skole.dk/videre-laesning/find-dig-faellesskabet/> (Accessed on 21.10.2022).
11. For at få dansk statsborgerskab skal du opfylde en række betingelser, fx vedrørende selvforsørgelse, beskæftigelse, ophold i Danmark, danskundskaber og viden om Danmark, 22.04.2018. <https://uim.dk/arbejdsomraader/statsborgerskab/udenlandske-statsborgere/betingelser/> (Accessed on 03.11. 2022).
12. Gjerskov, M. Hold nu kaje med alt det ævl om danskhed. 29.09.2016. <https://nyheder.tv2.dk/politik/2016-09-29-hold-nu-kaje-med-alt-det-aevl-om-danskhed/> (Accessed on 21.10.2022).
13. Glenthøj, R. Danskhed er en moderne opfindelse. Ud med tysk. 06.03.2009. <https://videnskab.dk/kultur-samfund/danskhed-er-en-moderne-opfindelse/> (Accessed on 03.11.2022).
14. Gyldendals Leksikon. – Gyldendalske Boghandel, Nordisk Forlag A.S. København 1978, i bind 10. ISBN 87-01-57211-3. s. 168-169.
15. Haarder, B. Danskhed blomstrer under pres, 02.05.2018. <https://www.altinget.dk/artikel/bertel-haarder-danskhed-blomstrer-under-pres/> (Accessed on 21.10. 2022).
16. Hendes Majestæt Dronningens tale i anledning af 100-året for Genforeningen den 13. juni 2021 ved Frederikshøj, 13.06.2021. <https://www.kongehuset.dk/nyheder/hm-dronningens-tale-i-anledning-af-100-aaret-for-genforeningen/> (Accessed on 25.12. 2022).
17. Holst, H.K. Så mange er der med indvandrerbaggrund i 2060: 'Rystende, at det går så stærkt med befolkningsudviklingen'. 02.05.2017. <https://www.bt.dk/danmark/saa-mange-er-der-med-indvandrerbaggrund-i-2060-rystende-at-det-gaar-saa-staerkt/> (Accessed on 25.11.2022).
18. Hvad er danskhed for dig? <https://www.youtube.com/watch?v=MPxc5aiFu1Q> (Accessed on 25.11.2022).
19. Krarup, M. Her er en let og enkel prøve, der viser hvad danskhed er. 04.03.2014. <https://denkorteavis.dk/2014/her-er-proven-pa-om-man-er-dansk/> (Accessed on 21.10.2022).
20. Larsen Blem J., Glud P. Nu tager det næsten to år at få ja eller nej til statsborgerskab, 16.05.2018. <https://www.dr.dk/nyheder/politik/nu-tager-det-naesten-aar-faa-ja-eller-nej-til-statsborgerskab/> (Accessed on 03.11. 2022).
21. Mikkelsen Hansen V. Hver anden er dumpet til den seneste indfødsretsprøve. 28.06.2017. <https://www.dr.dk/ligetil/hver-anden-er-dumpet-til-den-seneste-indfoedsretsproeve/> (Accessed on 28.10.2022).
22. Samson, J. Rigsfællesskabet. Rigsfællesskabet og dets lande, 08.2019. <https://faktalink.dk/titelliste/rigsfaellesskabet/> (Accessed on 25. 12. 2022).
23. Sydslesvig – et mindretal med udfordringer. Rundt om det danske mindretal i Sydslesvig. Det skal ikke være en gavebod. 17.12.2007. <https://sydslesvig.wordpress.com/2007/12/17/det-skal-ikke-v%C3%A6re-en-gavebod/> (Accessed on 21.10.2022).
24. Thorgaard, S. Den nationale identitet er også en arv fra Grundtvig. 06.02.2015. <https://www.religion.dk/danskhed-og-kristendom/den-nationale-identitet-arven-fra-grundtvig/> (Accessed on 03.11.2022).
25. Østergaard, U. Derfor kan globalisering ikke fjerne nationalitetsfølelse. 02.10.2016. <https://videnskab.dk/kultur-samfund/nation/> (Accessed on 25.11.2022).

Сведения об авторе:

Красова Ольга Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языков стран Северной Европы и Балтии МГИМО. Сфера научных интересов – данистика, морфосинтаксис датского языка, грамматика датского языка, лингвострановедение. E-mail: krasova_o_e@my.mgimo.ru.

About the author:

Olga Evgenyevna Krasova, Ph.D. in Linguistics, is Associate Professor, Head of the Department of North European and Baltic languages. E-mail: krasova_o_e@my.mgimo.ru.

* * *

NON-DETECTIVE SPACE OF THE SPANISH NOIR: «THE INVISIBLE GUARD» BY DOLORES REDONDO

Elena S. Korzhukova

MGIMO UNIVERSITY,
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. Spanish noir is only gaining popularity among the Russian audience, although it is quite famous in other countries outside Spain. Several works, mainly by foreign authors, studied this kind of black detective, certain features of the genre. However, in the context of the non-detective novel space of the works by the Spanish writer Dolores Redondo, such studies do not exist yet. That is why a comprehensive analysis of this phenomenon in the novel «El guardián invisible», 2013 («The Invisible Guard») from «Trilogía del Baztán» (Bastan Trilogy) seems to be relevant. The purpose of the study is to describe Spanish noir through the structural and analytical characteristics of the non-detective components of the genre. The research is based on literary, cultural and artistic analysis of the novel. The analytical base is not only the original text of the novel, but also a series of interviews by the author containing her interesting revelations. As a result of the research, it can be concluded that Spanish noir has left the boundaries of the classic detective story, thus turning into a kind of “regional” or “local” black detective story. Its integral elements are the inclusion of the plot space in a specific cultural and geographical context with its inherent historical, mythological and anthropological features, as well as an organic bond of the figure of the detective with this space. Non-detective features of the Spanish noir include representation of the way of life, traditions, beliefs, and the history of the place and its inhabitants. In non-Spanish readers’ view, Spanish noir not only immerses one into the world of an exciting mystical thriller, but also serves as a powerful cognitive impulse to study an unusual, non-stereotypical Spain in its historical and cultural diversity.

Keywords: Dolores Redondo, Navarra, detective, noir, non-detective space, cultural and geographical context, local text, mythology, way of life

For citation: Korzhukova, E.S. (2023). Non-detective space of the Spanish noir: «the invisible guard» by Dolores Redondo. *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(2), pp. 134–145. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-2-35-134-145>

НЕДЕТЕКТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ИСПАНСКОГО НУАРА: «НЕВИДИМЫЙ СТРАЖ» ДОЛОРЕС РЕДОНДО

Е.С. Коржукова

МГИМО УНИВЕРСИТЕТ МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Испанский нуар набирает популярность среди российских читателей и известен в других странах за пределами Испании. Этой разновидности чёрного детектива посвящено несколько работ, в основном зарубежных авторов, в которых исследуются те или иные особенности жанра. В контексте недетективного романного пространства произведений испанской писательницы Долорес Редондо подобных изысканий пока нет, в связи с чем комплексный анализ этого явления в романе «El guardián invisible», 2013 из «Trilogía del Baztán» («Трилогии о Бастане») представляется актуальным. Цель исследования – через структурно-аналитическую характеристику недетективных компонентов жанра обосновать и описать специфику испанского нуара. Системно-функциональный подход стал основой текстологического анализа и выводов, соответствующих поставленной цели. Данный подход был разработан О.Г. Ревзиной (1989), которая описывает художественный язык как систему выразительных языковых знаков с особой функциональной нагрузкой, служащей передаче художественного смысла. Так, воссозданная в романе жизнь (в широком смысле) северного уголка Испании противопоставляется убийству и смерти как проявлениям неизбежного и вечного Зла, выступая мотивом, выходящим за каноны детектива и неразрывно связанным с авторской позицией. Методом исследования стал литературно-культурологический и художественный анализ ткани произведения. В качестве аналитической базы привлекался не только оригинальный текст романа, но и ряд интервью автора, содержащих интересные откровения Долорес Редондо. В результате исследования можно заключить, что испанский нуар далеко отошёл от классического детектива, превратившись в своего рода «региональный», или «локальный», чёрный детектив. Его неотъемлемые элементы – включённость фабульного пространства в конкретный культурно-географический контекст с присущими ему историческими и мифолого-антропологическими особенностями, а также органическая связь фигуры детектива с этим пространством. Выделяются недетективные жанровые черты: репрезентация жизненного уклада, традиций и верований, истории места. С точки зрения неиспанской читательской аудитории, знакомство с испанским нуаром способно не только погрузить в мир захватывающего мистического триллера, но и сыграть роль мощного когнитивного импульса для изучения нестереотипной Испании в её историко-культурном многообразии.

Ключевые слова: Долорес Редондо, Наварра, детектив, чёрный детектив, нуар, недетективное пространство, культурно-географический контекст, локальный текст, мифология, жизненный уклад

Для цитирования: Коржукова Е.С. (2023). Недетективное пространство испанского нуара: «Невидимый страж» Долорес Редондо. *Филологические науки в МГИМО*. 9(2), С. 134–145. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-2-35-134-145>

Испанскому *нуару* («чёрному» детективу) уже было посвящено несколько работ, преимущественно, зарубежных авторов: Рино Понсе [20], С.Х. Сапатеро и М.А. Эскриба [21], М.М. Кулвер [22], М.М., Ф.А. Игеро [23], исследовавших те или иные особенности жанра. Основываясь на собственном опыте аналитического чтения образцов жанра и на указанных работах, мы можем с уверенностью утверждать, что понятие испанского *нуара* гораздо шире, чем захватывающий «триллерный» сюжет, через зловещие события подводящий к неожиданной развязке благодаря проницательности главного героя-детектива. Таким образом, логично, что поводом к написанию данной статьи стала не столько детективная фабула первого романа «Трилогии о Бастане» современной испанской писательницы Долорес Редондо, сколько впечатление от созданного в произведении ёмкого и осязаемого локуса развёртывания фабулы. В русле системно-функционального подхода О.Г. Ревзиной [17], локус выступает как самостоятельный знак художественной выразительности, обладающий комплексом смысловых функций и создающий законченный образ произведения – всё это, безусловно, способствовало гармоничному следованию выбранной методике работы. В рамках классической трактовки художественного пространства (Ю.М. Лотман, М.М. Бахтин), обобщённой В.Ю. Прокофьевой [16] и В.Н. Топоровым [18], мы понимаем локус как некий замкнутый образ художественного текста, соотнесённый с пространственным образом (в отличие от *топоса* как места разворачивания смыслов, имеющего открытую структуру). Читатель увлечённо следует за главной героиней по улицам городка Элизондо и его живописных окрестностей в долине реки Бастан, в провинции Наварра. Глубина и многослойность воссозданного пространства, на наш взгляд, не позволяет назвать его исключительно детективным. Оно включает в себя так называемые «недетективные» компоненты, то есть включённые в текстовую ткань элементы и смыслы, использование которых с точки зрения жанровых постулатов классического детектива не является неотъемлемым или необходимым.

Однако для внесения ясности необходимо обозначить, что такое классический – в общепринятом понимании – детектив, определиться с терминологической базой и установить особенности чёрного детектива, или *нуара* (от фр. «*noir*», чёрный), на фоне других образцов жанра. Весьма ценными для подобных изысканий стали работы ряда российских исследователей об истоках европейского детективного жанра, представленные в книге «Поэтика зарубежного классического детектива» под редакцией К.А. Чекалова и М.Р. Ненароковой [15].

Детективом в общепринятом смысле роман Д. Редондо назвать сложно и даже недопустимо: *нуар* включает и одновременно исключает из себя привычные жанровые элементы классического детектива, становление которого пришлось на вторую половину XIX века и связано с именами Э.А. По, У. Коллинза, Э. Габорио, А. Конан Дойла, А. Кристи и других признанных мастеров жанра. В одном из своих интервью Долорес Редондо, однако, призналась: «Я верна Агате Кристи и всегда буду её защищать. Может показаться, что чёрный детектив изобрели какие-то пьяные американцы, проторчав весь день в мотеле. Нет, его изобрела Кристи» [24]. Действительно, у Д. Редондо мы также встречаем опытного и умного детектива, определённый рационально-логический подход к расследованию, местами – включение в круг подозреваемых кого-то из «своих», активное участие верного соратника-помощника и в завершении – неожиданный поворот-развязку. Но на этом элементы классической (английской, или викторианской) школы детектива [15, с. 156-157], пожалуй, заканчиваются. Стоит отметить, что и перечисленные черты отнюдь не всегда раскрываются в первом романе трилогии в полной мере: расследование серии убийств молодых девушек ведёт опытный детектив, инспектор Амайя Салазар, но следствию мешают её собственные «скелеты в шкафу», наличие которых у героев-детективов в классических образцах жанра почти незаметно; рационально-логический подход находит мощный противовес в лице иррационального и необъяснимого – веры, интуиции, мистических проявлений мифологии.

Нуар по духу очевидно ближе к другой детективной школе – американской. Её элементы в большей степени, чем английской, присущи романам Д. Редондо. *Hard-boiled detective*, или «крутой детектив» [15, с. 157], получивший развитие в годы Великой Депрессии в США, выводит на первый план внутренний мир персонажей, часто очень противоречивых и непростых личностей, противостояние характеров, напряжённость действия, а не собственно расследование, часто

своеобразную эмоциональную «пограничность» как характеристику главных героев – всё это можно встретить у Д. Редондо. Вместе с тем не стоит забывать и о мощном влиянии постмодернизма [9], [10], [13] и постпостмодернизма [7] на современную массовую литературу, к которой относится и детективный жанр. В головах самых, казалось бы, «разумных» персонажей царит хаос: часто они сталкиваются с миром, лишённым упорядоченной системы ценностей, где традиционное не без оснований противостоит новому, Добро – Злу (у Д. Редондо оно буквально тактильно). По мнению писательницы, даже неважно, в какой именно точке севера Испании разворачивается действие (события в трилогии происходят в Наварре, а, к примеру, в самом последнем романе – «Всё это дам тебе» – в Галисии [28]) – в душах царят привычные здесь дождь и непогода, заставляя острее думать, чувствовать, смелее переосмысливать прошлое и меняться в настоящем [29]. Главная героиня «Невидимого стража» пытается отыскать истинную себя, найти смыслы, на которые можно опереться. По мнению Е.В. Лапиной, искусство постмодернизма – это в том числе «попытка преодолеть катастрофическую разобщённость человека и мира» [12, с. 58]. Именно поэтому фокус смещается с жертвы, со смерти – на личность детектива, его жизнь и окружающее эту жизнь пространство, особенно в широком историческом контексте, значительно перекрывающем контекст биографический. Место, где оказывается главная героиня, его дух и история, словно обязывают встретиться с неизбежным: найти правду и принять её.

В гремучей смеси – современном испанском *нуаре* – ощутимо влияние и готического прото-детектива [15, с. 12-25], несмотря на то, что на стыке XIX и XX вв. он превратился в пародию на готические романы, развенчивая мистический «флёр», провозглашая главенство разума и логики и воплотившись в итоге в ироническом детективе, который определён далёк от романов Д. Редондо. В «Невидимом страже», конечно, не прослеживается мотив сделки с дьяволом, характерный для готической традиции, но есть довольно близкая ему идея – вечного, абсолютного и неизбежного Зла, которое в определённые периоды способно нарушить равновесное состояние мира. Присутствует в романе и харизматичный персонаж, наделённый удивительным даром: в готических детективах речь может идти о паранормальных способностях, но инспектор Амайя Салазар скорее обладает обострённой интуицией и может видеть и слышать то, что недоступно другим.

Наконец, главный компонент нарратива испанской писательницы, который вкупе с вышеперечисленными элементами разных направлений (романтизм – среда развития готического романа; постмодернизм и постпостмодернизм) и детективных школ характеризует романы Д. Редондо как испанский *нуар*, это – «почва», локус разворачивания событий.

Узнаваемыми произведения Долорес Редондо делает север Испании – в выбранной нами трилогии это регион Наварры¹. Во многом писательница переняла мрачную стилистику скандинавского детектива, имевшего ошеломительный успех в Испании в 2000-е годы и сильно повлиявшего на формирование нового испанского детектива. На вручении литературной премии Сабино Арана в 2018 году она призналась: «Когда создавалась «Трилогия о Бастане», я хотела написать северный роман, мне очень нравились и продолжают нравиться романы из Норвегии, Швеции, Финляндии, Исландии (...), но я понимала, что многие моменты поведения (персонажей – Е.К.) невозможно перенести на наш север (север Испании – Е.К.). Хотелось создать свой собственный, поэтому я решила позаимствовать некоторые общие черты этих детективов, например, то, что часто действие выходит за пределы городов и перемещается в сельские или более отдалённые районы. Мне очень понравился такой подход, потому что он совпадает с моим восприятием Страны Басков, Наварры – там тоже есть крупные центры, но они не замкнуты на себе, а открыты морю, горам, деревьям, это для меня очень важно» [24].

Подобный подход к выбору места – объекта творческого осмысления – близок идее локального текста, разработкой которой занимался целый ряд советских и российских историков, культурологов и краеведов [2], [3], [1], [8]. В этой связи интересна обозначенная автором «точка отсчёта», некий импульс в виде скандинавского чёрного детектива и последующее развитие его стилистики

¹ В более позднем романе «Todo esto te daré» («Всё это дам тебе») действие происходит в Галисии.

при создании собственного «северного» *нуара*. Очевидно, что поведение персонажей, о котором говорит Редондо, – лишь верхушка айсберга, потому как оно – конечный продукт культуры того или иного народа и – уже – общности людей, живущих на конкретной территории. Мысль о том, что «уникальность и самодостаточность территории бесспорна только в парадигме культуры», подтверждается мнением Н.А. Голубева [8, с.7], а также утверждением исследователя из Казахстана Ж.А. Баянбаевой: отталкиваясь от работ В.Н. Топорова и В.В. Абашева, она называет художественную литературу основным «нематериальным фиксатором» культуры [3].

От романов Д. Редондо действительно «веет» севером, это не та, привычная многим, солнечная, в чём-то стереотипная, Испания. Однако, как мы уже сказали, не стоит искать её истоки только во влиянии мрачных скандинавских детективов – в романах испанской писательницы создаётся совершенно особое недетективное пространство, которого нет в таких масштабах в произведениях современных скандинавских авторов. Романы трилогии можно назвать своего рода региональным нуаром: место разворачивания событий настолько самобытно – своей жизнью, восприятием его местным населением – что превращается в обособленный локус, существующий по своим законам, в рамках и вне рамок детективной фабулы. Читатель погружается в искусную мозаику из истории региона, местных традиций и непростого пути главной героини, органически связанной с Бастаном, к самой себе.

Фигура Амайи – своеобразная примета времени, новый психотип привычного, на первый взгляд, персонажа. Однако если метания между прошлым и настоящим, очевидным и скрытым, научно-эмпирическим и иррационально-интуитивным характеризуют её как нового персонажа постмодернистского толка, то на Элизондо и Бастан Амайя Салазар во многом смотрит глазами автора: эти места кажутся очень близкими и осязаемыми. В работах о языке русских классиков В.В. Виноградов [5], [6] говорил о растворённости автора в тематике, композиции и языке текста в целом. Подобный подход, как ни странно, уместен и в контексте романов Д. Редондо: неслучайно она выбрала именно такой локус и ракурс повествования – сказались её баскские корни, впитанные с детства мифология и фольклор, чувство сопричастности жизненному укладу, непростой, а зачастую мрачной истории края (неоднократны отсылки к тёмным временам Инквизиции). Естественная тяга к местам детства, взросления, к малой родине, по-видимому, и стала одной из причин, побудивших писательницу выбрать север Испании в качестве сцены разворачивания событий: «В каждом из моих романов выбор места действия обусловлен очень личными мотивами – моим происхождением, моей культурой, в целом сознанием того, кто я (...). Этот выбор обусловлен землёй, которая перестаёт быть простым местом действия романа и превращается в нечто живое и могущественное». (...) «Меня привлекает север Испании вообще, но особенно такие места, которые способны «выжать» из персонажей самое ценное, извлечь из них самое лучшее и самое худшее: к такому месту может быть либо полное приятие и доверие, либо неприязнь и полнейшее его отторжение» [29]. Вся трилогия² [25], [26], [27] – действительно очень интимное произведение: на фоне дождя, тумана всплывают драматичные отношения родителей и детей, загнанная в глубины подсознания боль, невыплаченные долги прошлому – это тяжкое бремя персонажи несут всю жизнь, до момента перелома в «месте силы». Здесь одновременно вскрываются старые раны и обнаруживается источник успокоения и примирения с собой. Само место меняет персонажей, раскрывает их и освобождает от тяготящих тайн.

Что же составляет особое художественное пространство северного уголка Испании, созданное Долорес Редондо? Известный советский культуролог и краевед Н.П. Анциферов говорил о возможности и необходимости изучения прошлого «вне стен музеев», потому что «следы прошлого» «рассеяны повсюду» [2, с. 322]. В локально-историческом контексте, отражённом в романе Д. Редондо, прошлое нераздельно связано с настоящим. «Для писателей, возводящих определё-

² Так же можно охарактеризовать и роман «Всё это дам тебе», но комплекс обозначенных там проблем иной и требует отдельного исследования.

ное место в центр собственного творческого миропостижения, значимы любые данные – исторические, краеведческие, культурологические, географические, социологические» [там же, с. 81], поэтому в «Невидимом страже» представлен и художественно осмыслен практически полный комплекс этих характеристик.

Казалось бы, для детективного сюжета романа достаточно обозначить места преступлений и дальнейших шагов инспектора Амайи Салазар, но в рассматриваемом образце испанского *нуара* природа в разных своих ипостасях выстраивает определённое «концептуальное пространство, особый фрагмент картины мира, репрезентованный в тексте» [3, с. 80]. Согласно концепции так называемого «гуманитарного краеведения», разработанного Н.П. Анциферовым и И.М. Гревсом в начале XX века, каждое место уникально и обладает собственным духом, душой. Именно таким местом представляется полноправный герой романа – лес Бастана, окружающий город Элизондо: «grandioso» («грандиозный») [25, с. 85], «milenario» («тысячелетний») [25, с. 86], «hechizante con una belleza serena y ancestral» («околдовывающий торжественной и древней красотой») [там же, с. 88], «el bosque más misterioso y mágico que existe» («самый загадочный и волшебный лес из существующих») [там же, с. 350]. Несмотря на то, что в романе нередко ботанически подробные описания флоры, с конкретным указанием пород деревьев и даже видов мхов, в восприятии читателя отпечатывается иной образ леса. У главной героини, чьими глазами (и, безусловно, глазами Д. Редондо – Е.К.) мы воспринимаем лес Бастана, он «siempre le producía un secreto orgullo de pertenencia, aunque su grandiosidad también le provocaba temor y vértigo» («всегда вызывал тайную гордость от принадлежности» (этому месту – Е.К.), пусть даже его величие вызывало страх, а порой головокружение») [там же, с. 85]. Это волшебное пространство неоднократно уподобляется чему-то древнему, сакральному: «resultaba fácil aceptar una cultura druida, un poder del árbol por encima del hombre, y evocar el tiempo en que en aquellos lugares y en todo el valle la comunión entre seres mágicos y humanos fue religión» (в нём «было легко поверить в культуру друидов, во власть дерева над человеком и вспомнить те времена, когда здесь и во всей долине единение волшебных существ и людей было религией») [там же, с. 88]. Кажется, дух места вшит в генетический код родившихся здесь людей, поэтому они способны, как главная героиня, чувствовать его, считывать его сигналы на подсознательном уровне: когда Амайя в состоянии эмоционального надлома интуитивно приходит в лес в поисках ответа, защиты, успокоения, у неё возникает «la misma sensación que al entrar en una catedral» («то же ощущение, что при входе в храм»), когда чувствуешь «la presencia de Dios» («присутствие Бога») [там же, с. 322]. Привычное понятие божественного не отделяется здесь от представления о высших силах, на которые испокон веков уповали люди в надежде на лучшее. Инспектор Салазар «rompió a llorar (...) y abrazó a un árbol como un druida enloquecido, como quizá lo hicieron sus antepasados» («разрыдалась (...) и обняла дерево, словно обезумевший друид, как, наверное, делали её предки») [там же, с. 322]. С этого момента художественное пространство романа уверенно наполняется мифологическим началом: не веря собственным глазам, Амайя вдруг видит древнего хранителя леса – Басахауна.

Мифологический компонент составляет неотъемлемую часть художественного ландшафта романа, созданного на реальной культурно-исторической и географической основе. Сама Долорес Редондо в одном из интервью призналась, что ей было «неинтересно писать *нуар* в чистом виде», и она «задумывала создать детектив с использованием местной мифологии», потому что «склонялась к смешанному повествованию, включающему в себя аспекты, далеко выходящие за рамки преступления и его раскрытия» [24]. Поскольку в результате культурно-исторического развития «для каждого места характерны собственные нормы и ценности, механизмы регулирования общественного поведения, эталонные модели» [3, с. 81], указанные писательницей аспекты если не перевесили, то значительно потеснили собственно криминальную фабулу: «гораздо больше преступления меня интересует то самое потаённое, что несёт в себе наша культура. Мне близко и интересно то, что мы впитали с детства, чего боимся, как мы любим и умеем ли любить – всё это будет в моих произведениях» [24]. Сама Редондо – внучка галисийской эмигрантки, осевшей в

Стране Басков – отсюда, из рассказов бабушки, – знание традиций, верований, мифологии северных регионов. Однако при создании историко-антропологической и мифологической базы трилогии Д. Редондо опиралась на теоретические труды известных испанских антропологов – Каро Барохи и Мигеля де Барандьярана [19].

Мифологическое пространство Бастана в «Невидимом страже» – это целый мир неконтролируемых сил природы и божеств. Главная героиня не сразу понимает, что мифология и даже элементы магического так же реальны в мире наваррской долины, как и осязаемые ею деревья: современный научно-практический подход и профессиональный скептицизм долго мешают ей видеть то, что видят некоторые жители Элизондо. Она знает историю и верит фактам, согласно которым «en este mismo valle se persiguió y condenó a docenas de mujeres que murieron en la hoguera en al auto de fe de 1610, por culpa de creencias tan absurdas como ésta» («в этой самой долине преследовались и были осуждены десятки женщин, которые погибли на костре аутодафе 1610 года, по вине таких абсурдных верований, как это») [25, с. 104] – так Амайя называет рассказы о Басахауне, которые прекрасно известны ей с детства и, как говорят очевидцы, иногда подтверждаются. Мифология, по словам молодого напарника Амайи, «fue primero religión» («была сначала религией») [там же, с. 103] и составляет в романе, вместе с природой – ландшафтом и климатом – материально-духовную основу «образа места» Бастана. Именно поэтому подобные верования «no son necedades, forman parte de la cultura y la mitología vasconavarra», – продолжает Йонан («они не глупость, а часть культуры и баскско-наваррской мифологии») [там же, с. 103]. В одном из интервью Д. Редондо вторит своему персонажу: «no son chorradas, son creencias normalmente basadas en los ciclos de las cosechas, en la vida en comunión con la naturaleza y en pedir protecciones para los tuyos, y esto sirve para las leyendas noruegas, vasco-navarras o gallegas» («это не выдумки, а верования, естественно основанные на циклах сбора урожая, на жизни в единении с природой и на желании испросить защиты для своих близких – всё это лежит в основе норвежских, баскско-наваррских или галисийских легенд» [24]).

В романе высока степень художественного вымысла, но мифологическая составляющая настолько глубоко переплелась с историей региона, что мистика воспринимается естественно, читатель с удовольствием погружается в волшебный мир Бастана. В нём живут чудесные феи с гусиными лапами (больше о баскской мифологии и основанных на ней ритуалах см. [14] и [11] соответственно), которые по ночам расчёсывают свои длинные волосы золотым гребнем, ведьмы, злой дух Тартало и Басахаун – реальное существо, следящее за сохранением равновесия в лесу; Мари – богиня-защитница урожая и скота, символизирующая мать-природу и силу земли, дарующая плодородие. Главную героиню ждали невероятные встречи с Басахауном и Мари, после которых сложно было не поверить в реальность чудесных сил: Басахаун в непогоду вывел её, заблудившуюся и отчаявшуюся, из леса, подсказав дорогу свистом, а встреча с Мари не только приблизила Амайю к разгадке преступлений, но и принесла долгожданную беременность. Феями приходят к детективу во сне и требуют «очистить реку», запятнанную страшными убийствами. Таким образом, мифология вплетается в реальность, становясь её неотъемлемой частью, без неё немыслим Бастан и город Элизондо. Отметим, что пространство Бастана, даже с учётом заметной мистической составляющей, настолько реалистично, что в 2014 году по местам событий романа издательством Дестино был составлен путеводитель «Чудесная долина. Легендарный маршрут по долине Бастан», после чего в Элизондо расцвёл читательский туризм – место активно посещают почитатели испанского *нуара* и поклонники самой Редондо.

Не только ландшафт – лес, горы, река – и богатая мифология места, но и характерный для данной местности климат образует ещё один осязаемый слой романного пространства: повсеместны погодные вкрапления, типа «снова пошёл дождь», «небо было свинцовым», «сильные порывы влажного ветра», «мелкий дождь шёл часами», «пелена дождя» и т.д. Образ холодного, дождливого и ветреного севера Испании был создан ещё испанскими классиками³ и как нельзя лучше под-

³ Например, в Осенней и Зимней сонатах из «Сонат» Рамона дель Валье-Инклана

ходит Элизондо и всей долине Бастан. Так как примеры локального текста, то есть комплексного образа места, в литературе редко стоят совершенно особняком, в *нуарном* полотне Редондо также можно усмотреть параллели с классиками (в чём, безусловно, заметно и влияние постмодернизма со свойственной ему интертекстуальностью), например, с осенней и зимней «Сонатами» Рамона дель Валье-Инклана. Несмотря на сильную несхожесть жанров и более чем столетний временной разрыв, ландшафтно-климатические пассажи у Валье-Инклана очень перекликаются со стилистикой Редондо: «весь день лил дождь» [4, с. 233], «тусклый, пепельно-серый свет озарял гребни гор» [там же, с. 233], «в комнату проникала струя свежего сыроватого воздуха» [там же, с. 253]. В романе «Невидимый страж» природные явления: дождь, ветер, туман, холод и мрак – всегда отражаются на внутреннем состоянии героев, прежде всего, главной героини. В такой мере это нехарактерно для классического детектива, но свойственно испанскому *нуару* как одному из проявлений нового витка развития массовой литературы.

Los anocheceres prematuros de invierno le provocaban un gran desasosiego. Como si la oscuridad trajera consigo una carga ominosa [25, с. 53].	Когда зимой рано темнело, это вызывало в ней смутную тревогу. Как будто темнота несла с собой гибельную тяжесть.
La lluvia que había caído durante toda la noche daba ahora un respiro que dejaba el aire frío y pesado, preñado de una humedad que calaba la ropa y los huesos haciéndola temblar [там же, с. 86].	Дождь, который шёл всю ночь, сейчас прекратился, оставив после себя холодный и тяжёлый воздух, пропитанный влагой, которая проникала сквозь одежду до костей, заставляя её (Амайю – Е.К.) дрожать.
(...) una densa niebla que se extendía por el valle a lomos del río Baztán y que se esparcía por las calles entristeciéndolas más si cabía (...) [там же, с.145].	(...) густой туман, который распространялся по долине, захватывал реку Бастан и проникал на улицы города, делая их ещё более мрачными (...)

Даже мёртвые в Бастане подчиняются настроению погоды: глаза одной из юных жертв были «nublados por la niebla» («помутнели от тумана») [там же, с. 63].

Долину Бастан в её богатом природном и мифологическом разнообразии объединяет с городом Элизондо и другая грань художественного осмысления локуса – символическое наполнение. Именно благодаря ему место действия воспринимается как единое целое, с общими локальными атрибутами – предметами живого и неживого мира, значимыми и почитаемыми местными жителями. Символика «раскрывает» пространство непосредственно в мир людей, так как символ – результат когнитивного осмысления и придания ценности тому или иному культурно-историческому артефакту. Так, для долины и города особо значимы два места-символа. Во-первых, жилище мифологического божества Мари: наравне с местами христианского поклонения – храмами, пещера Мари в сознании обитателей Бастана, особенно женщин, – место святое. Сюда от самого дома они приносят ей подношение – обычный камень, чтобы испросить счастье материнства. Говорят, Мари часто бывает благосклонна к просительницам: чудесным образом она помогла и Амайе, мечтавшей о ребёнке. Глазами главной героини можно детально «рассмотреть» обиталище Мари и её саму:

El sendero terminó de pronto ante una cueva de boca baja aunque muy ancha que parecía una sonrisa torva en la faz de la montaña. A la derecha de la entrada había dos grandes rocas (...). La primera, como puesta en pie, sugería una figura femenina de grandes pechos y caderas pronunciadas que miraba al valle; la segunda era (...) como una mesa de sacrificios con una gran área pulida por la lluvia y el viento. Sobre su superficie aparecían una docena de pequeñas piedras de distinto color y procedencia colocadas como piezas de un incompleto ajedrez. Una mujer de unos treinta años sostenía una de aquellas piedras en la mano y miraba embelesada hacia el valle [25, с. 352].	Неожиданно тропинка оборвалась перед пещерой с низким, но очень широким входом, похожим на кривую улыбку на лике горы. Справа от входа было два больших валуна (...). Первый, словно специально поставленный вертикально, напоминал очертаниями женскую фигуру с большими грудями и внушительными бёдрами, смотрящую в сторону долины; второй, словно стол для жертвоприношений, имел горизонтальную поверхность, отполированную ветром и дождём. На нём лежало с десяток разных по цвету и составу камней, расположенных в неполном шахматном порядке. Женщина лет тридцати держала в руке один из таких камней и зачарованно вглядывалась в долину.
Llevaba un chal de lana de color verde musgo sobre lo que parecía un vestido de seda de tonos verdes y marrones, y lucía una melena rubia (...) retirada (...) por una diadema dorada [там же, с. 353].	На ней была мшисто-зелёная шерстяная шаль, накинутая на какую-то длинную шёлковую одежду в зелёно-коричневых тонах, а светлые волосы (...) были убраны под золотую диадему.

(...) bajo la falda de su vestido sedoso asomaban unas sandalias romanas que apenas llegaban a cubrir los pies... [там же, с. 355].	Из-под шелковистого одеяния выглядывали римские сандалии, которые едва прикрывали ей ноги...
---	--

Другое, менее известное, но не менее важное место-символ – своеобразное домашнее детское кладбище, представляющее собой захоронение некрещёных младенцев (в старину хоронить их на христианском кладбище было запрещено) вокруг дома, по линии дождевых стоков с крыши. Согласно данным, собранным испанским антропологом Хосе Мигелем де Барандьяраном, на которого ссылается Д. Редондо (в словах и мыслях Амайи), считается, что духи умерших детей (*los mairu*) навсегда остаются в материнском доме, охраняя его и защищая от зла [там же, с. 194].

Город Элизондо в долине Бастан пропитан неповторимым духом, который главная героиня чувствует буквально кожей: этот город «formaba parte de ella como una huella genética, era el lugar al que volvía cuando soñaba (...), volvía (...) a aquellas calles y plazas, a aquellas piedras, a aquel lugar del que siempre quiso irse. Elizondo de su infancia (...) en su esencia no había cambiado, todo seguía igual» («был частью её самой, как геном, это было то место, куда она возвращалась в снах (...), возвращалась на эти улицы и площади, к этим камням (...). Элизондо её детства (...) по сути не изменился, всё в нём осталось прежним») [там же, с. 98]. Символ города – камень *botil harri*, который в стародавние времена использовался в традиционной баскской игре (*laxoa*). Жители знают и верят, что он, как оберег, приносит удачу и защищает от бед: Амайя не раз возвращается, чтобы прикоснуться к его шероховатой холодной поверхности.

Своеобразная градостроительная история Элизондо подводит автора к обобщениям, необычным для привычных образов детективного жанра и выводящим испанский *нуар* далеко за их рамки:

La arquitectura de un pueblo o ciudad establece un patrón tan claro de la vivencias y preferencias de sus pobladores como las costumbres de un hombre establecen los rasgos de un perfil de comportamiento. Los lugares marcaban una tendencia en el carácter, como la familia y la educación, y este lugar hablaba de orgullo, de valor y lucha, de honor y gloria conquistados no solo a la fuerza, sino con ingenio y gracia (...) [25, с. 107].	Архитектура поселения или города так очевидно выявляет модель жизненного уклада его обитателей, как привычки человека определяют модель его поведения. Место всегда определяло преобладающую тенденцию в характере человека, как это происходит в семье или в школе, а это место говорило о гордости, ценностях и борьбе, о чести и славе, завоеванных не только силой, но и умом, изобретательностью (...).
---	--

Дух города, по мысли автора, может многое рассказать о его жителях, и в романе «Невидимый страж» они действительно достойны отдельного разговора, однако здесь мы упомянем только об одном символе, связанном непосредственно с деятельностью человека. Это *txantxigorri*, местный кулинарный продукт с древним рецептом: «Manteca, harina, huevos, azúcar, levadura y chicharrones fritos para hacer una torta» («жир, мука, сахар, яйца, дрожжи и свиные шкварки для приготовления пирога») [25, с. 17] – и, безусловно, символ Элизондо, овеванный стариной, плоть и кровь Бастана и Элизондо. К слову, пекарня семьи Салазар в романе была свидетелем шести её поколений... Амайя часто вдыхает «el aroma dulzón de la harina azucarada y de la mantequilla derretida que durante años formó parte de su ser, impregnando su ropa y su cabello como una huella genética» («сладкий запах подслащённой муки и топлёного масла, который за годы стал уже частью её самой, пропитав одежду и волосы, проникнув в неё на генетическом уровне») [там же, с. 43]. Неслучайно литературный маршрут по Элизондо, совершаемый поклонниками творчества Д. Редондо, обязательно включает в себя это угощение.

Таким образом, романное пространство, в самом широком смысле слова, замыкается на человеке, конкретнее – на его восприятии места и связанных с этим воспоминаниях, чувствах, ощущениях. Вместе с уже упомянутым влиянием на человека характерных погодно-климатических условий отдельным лейтмотивом романа становится пёстрый калейдоскоп запахов. Полноте восприятия пространства как места жизни, а не только локуса развития фабулы, способствуют ольфативные характеристики дома, очага: «el olor de la leña en la chimenea» («запах дров в камине») [там же, с. 53], «el aroma a sopa de pescado y pan caliente» («аромат рыбного супа и свежее испечённого хлеба») [там же, с. 326], запах бабушкиного дома, «dulce y un poco picante, como a nuez moscada»

(«сладкий и немного терпкий, как мускатный орех») [там же, с. 326], «аромат становится катализатором воспоминаний» [8, с. 14]. Дом – начало и конец пути, и этот путь не ограничивается расследованием серии страшных необъяснимых убийств. В «Невидимом страже», как и во всей трилогии, а также в последнем романе большое количество сцен семейных или дружеских посиделок за одним столом – это одновременно личный опыт и общий характерный момент уклада жизни. Создание плотного романного пространства, буквально корнями уходящего в прошлое и в нечто проникновенно личное, для Д. Редондо – возвращение к истокам и призыв прислушаться к глубинно-человеческому началу, ведь только вернувшись сюда, Амайя, через страх и боль давних воспоминаний, обретает потерянную часть своей души, находит саму себя.

Подводя итог исследованию испанского нуара на примере первого романа «Трилогии о Бастане» испанской писательницы Долорес Редондо, можно с уверенностью сказать, что недетективные компоненты составляют ключевое отличие нового воплощения детективного жанра от предшествующих образцов. Одновременно стоит отметить, что структурно-аналитическая характеристика таких компонентов выявила общее объединяющее начало романного пространства – реальный культурно-географический контекст фабулы, основанный на исторических, мифолого-антропологических характеристиках региона и нераздельно связанный с фигурой главной героини. В этом пространстве она обнаруживает себя как естественную часть этого мира – его истории, природы, традиций, людей, – мира, несмотря ни на что воспевающего и утверждающего саму жизнь. Глобальная миссия Д. Редондо – призвать к внимательному изучению собственного прошлого и через жизненный уклад, верования и ценности представителей локуса заново взглянуть на общепринятые ценности, что представляется своеобразной реакцией на повсеместное безверие, чрезмерное упрощение и обесценивание всего. Автор романа создала обширное недетективное художественное пространство, а культурная и историко-географическая привязка сюжета, создающая неповторимый образ места, приобрели статус неотъемлемых жанровых характеристик испанского нуара.

© Коржукова Е.С., 2023

Список литературы

1. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000, 404с.
2. Анциферов Н.П. Краеведный путь в исторической науке. (Историко-культурные ландшафты). Краеведение. Периодический орган центрального бюро краеведения. №6, 1928. С.321-338.
3. Баянбаева Ж.А. Локальный текст и его функции (на примере алма-атинского локального текста). Вестник РУДН, серия Литературоведение, Журналистика, №2, 2016. С.77-84.
4. Валье-Инклан, Р. Сонаты. Записки Маркиза де Брадомина. М.: Художественная литература, 1966. 312 с.
5. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 655 с.
6. Виноградов В.В. Избранные труды: о языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
7. Гладилин Н.В. Характерные черты постпостмодернизма в современной массовой литературе Германии. Вестник ТГУ, серия Гуманитарные науки. Филология и искусствоведение, выпуск 12 (104), 2011. С.260-267.
8. Голубев Н.А. Формирование локального текста: Ивановский опыт. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филолог. наук, г. Иваново, Изд-во «Ивановский государственный университет», 2014. 23с.
9. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 252 с.
10. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца нашего столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. 250 с.
11. Коренева Е.В. Репрезентация ритуалов, связанных с водой, в современной испанской прозе. Вестник культурологи. Вып. № 2 (97). Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2021. С.52-63.
12. Лапина Е.В. Базовые понятия постмодернистской эстетики. Вестник РУДН, серия Литературоведение, Журналистика. Выпуск №1, 2008. С.56-63.
13. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000. 347 с.
14. Оболенская Ю.Л. *Mitos y leyendas de España*. Легенды и предания Испании: с обширными лингвокультурологическими, историческими, грамматическими комментариями. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: URSS, 2020. 240 с.
15. Поэтика зарубежного классического детектива // Коллективный сборник. Ответственные редакторы: К.А. Чекалов, М.Р. Ненарокова; М.: Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2019. 304 с.

16. Прокофьева В.Ю. Категория Пространство в художественном преломлении: локусы и топосы. Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. №11. 2005, с.87-94.
17. Ревзина О.Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике // Проблемы структурной лингвистики / Отв. ред. В.П. Григорьев. М.: Наука, 1989. С.134-151.
18. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С.227-284.
19. Barandiaran, José Miguel. Mitología vasca. 22ª edición. Donostia-San Sebastián: Txertoa, 2021. 137 p.
20. Rino Ponce, M.M. La novela negra española. Un ejemplo contemporáneo: Dolores Redondo. Siglo XXI. Literatura y cultura españolas № 14, Ediciones Universidad de Valladolid, 2016. p.69-81.
21. Sánchez Zapatero, J., Martín Escribá, A. Género negro para el siglo XXI: Nuevas tendencias y nuevas voces. Barcelona: Laertes, 2011. 286 p.
22. Culver, M.M. El "yo" de la detective: Dolores Redondo y Carolina Solé. Lectora № 21, 2015. p.57-71.
23. Higuero, F.J. Exploración cognitiva y desencuadramiento diegético en "El guardián invisible", de Dolores Redondo. Narrativas. Revista de narrativa contemporánea en castellano. Núm. 37, 2015. p.13-23.
24. Porto, H. J. (2015). "Entrevista a Dolores Redondo: «La trilogía ha terminado, pero Amaia Salazar regresará con nuevos casos»", La voz de Galicia, 27.01.2016. (fecha de consulta 18.08.2022). <http://www.lavozdegalicia.es/noticia/literatura/2015/01/27/trilogia-terminado-amaia-salazar-regresara-nuevos-casos/00031422004313420816436.htm>
25. Redondo D.M. El guardián invisible. // Trilogía del Baztán 1. Editorial Planeta, 2016. 431 p.
26. Redondo D.M. Legado en los huesos. // Trilogía del Baztán 2. Editorial Planeta, 2016. 553 p.
27. Redondo D.M. Ofrenda a la tormenta. // Trilogía del Baztán 3. Editorial Planeta, 2016. 547 p.
28. Redondo D.M. Todo esto te daré. Editorial Planeta, 2016. 616 p.
29. Santarén Enrique // Hermes: pentsamendu eta historia aldizkaria = revista de pensamiento e historia, №. 67, 2020. p. 26-35 (fecha de consulta 25.07.2022). Dolores Redondo entrevistada en 2018. <https://dialnet.unirioja.es/servlet/autor?codigo=4807193>

References

1. Abashev, V.V. *Perm' kak tekst. Perm' v russkoi kul'ture i literature XX veka*. [Perm as a text. Perm in Russian literature and culture of XX century] Perm': Izd-vo Permskogo universiteta, 2000, 404s.
2. Antsiferov, N.P. Kraevednyi put' v istoricheskoi nauke (Istoriko-kul'turnye landschafty). Kraevedenie [Local lore path in historical science (Historical and cultural landscapes)] *Periodicheskii organ tsentral'nogo biuro kraevedeniia*. №6, 1928. S.321-338.
3. Bayanbaeva, ZH.A. Lokal'nyi tekst i ego funktsii (na primere alma-atinskogo lokal'nogo teksta) [Local text and its functions (on the example of Alma-Ata local text)] *Vestnik RUDN, Seriya Literaturovedenie, Zhurnalistika*, №2, 2016. S.77-84.
4. Val'e-Inklan, R. Sonaty. *Zapiski Markiza de Bradomina* [Sonatas. Notes of the Marquis de Bradomin]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1966. 312 s.
5. Vinogradov, V.V. *O iazyke khudozhestvennoi literatury* [About the language of fiction]. Moscow: Goslitizdat, 1959. 655s.
6. Vinogradov, V.V. *Izbrannye trudy: o iazyke khudozhestvennoi prozy* [Selected Works: on the language of fiction] Moscow: Nauka, 1980. 360s.
7. Gladilin, N.V. Kharakternye cherty postpostmodernizma v sovremennoi massovoi literature Germanii [Characteristic features of Postpostmodernism in contemporary German mass literature] *Vestnik TGU, Seriya Gumanitarnye nauki. Filologiya i iskusstvovedenie*, Vypusk 12 (104), 2011. S.260-267.
8. Golubev, N.A. *Formirovanie lokal'nogo teksta: Ivanovskij opyt*. [Formation of local text. Ivanovo experience] Avtoreferat disertatsii na soiskanie uch.step.kand.filolog.nauk. g. Ivanovo, Izd-vo «Ivanovskii gosudarstvennyi universitet», 2014. 23s.
9. Ilyin, I.P. *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm*. [Poststructuralism. Deconstructionism. Postmodernism] Moscow: Intrada, 1996. 252 s.
10. Ilyin, I.P. *Postmodernizm ot istokov do kontsa nashego stoletii: evoliutsiia nauchnogo mifa* [Postmodernism from the beginnings to the end of our century: the evolution of the scientific myth] Moscow: Intrada, 1998. 250 s.
11. Koreneva, E.V. Reprezentatsiia ritualov, svyazannykh s vodoi, v sovremennoi ispanskoi proze [Representation of water rituals in contemporary Spanish prose] *Vestnik kul'turologii, vypusk № 2 (97). Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN*, 2021. S.52-63.
12. Lapina, E.V. Bazovye poniatii postmodernistskoy estetiki. [Basic concepts of postmodern aesthetics]. *Vestnik RUDN, Seriya Literaturovedenie, Zhurnalistika*. Vypusk 1. 2008, S. 56-63.
13. Mankovskaya, N.B. *Estetika postmodernizma* [The aesthetics of postmodernism]. Saint Petersburg: Aleteia, 2000. 347s.
14. Obolenskaya, YU.L. *Mitos y leyendas de España. Legendy i predaniia Ispanii: s obshirnymi lingvokul'turologicheskimi, istoricheskimi, grammaticheskimi kommentariyami* [Legends and myths of Spain: with extensive linguistic, cultural, historical, grammatical comments]. Izd. 4-e, ispr. i dop. Moscow: URSS, 2020. 240s.
15. *Poetika zarubezhnogo klassicheskogo detektiva* // Kollektivnyi sbornik [Poetics of the foreign classical detective // Collective collection] Otvetstvennye redaktory: K.A. Chekalov, M.R. Nenarokova; Moscow: Institut mirovoi literatury im. A.M. Gor'ko RAN, 2019. 304s.
16. Prokof'eva, V.YU. Kategoriia Prostranstvo v khudozhestvennom prelomlenii: lokusy i toposy [The category of space in artistic refraction: loci and topoi]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. №11. 2005, s.87-94.
17. Revzina, O.G. Sistemno-funktsionalny podkhod v lingvisticheskoy poetike // *Problemy strukturnoi lingvistiki* [The system-functional approach in linguistic poetics // Problems of structural linguistics. 1985-1987] Otв. red. V.P. Grigoryev. Moscow: Nauka, 1989, S.134-151.
18. Toporov, V.N. Prostranstvo i tekst // *Tekst: semantika i struktura*. [The space and the text // Text: semantics and structure] M.: Nauka, 1983. S.227-284.

19. Barandiaran, José Miguel. *Mitología vasca*. 22ª edición. Donostia-San Sebastián: Txertoa, 2021. 137 p.
20. Rino Ponce, M.M. La novela negra española. Un ejemplo contemporáneo: Dolores Redondo. *Siglo XXI. Literatura y cultura españolas* № 14, Ediciones Universidad de Valladolid, 2016. p.69-81.
21. Sánchez Zapatero, J., Martín Escribá, A. *Género negro para el siglo XXI: Nuevas tendencias y nuevas voces*. Barcelona: Laertes, 2011. 286 p.
22. Culver, M.M. El “yo” de la detective: Dolores Redondo y Carolina Solé. *Lectora* № 21, 2015. p.57-71.
23. Higuero, F.J. Exploración cognitiva y desencuadramiento diegético en “El guardián invisible”, de Dolores Redondo. *Narrativas. Revista de narrativa contemporánea en castellano*. Núm. 37, 2015. p.13-23.
24. Porto, H. J. (2015). “Entrevista a Dolores Redondo: «La trilogía ha terminado, pero Amaia Salazar regresará con nuevos casos»”, *La voz de Galicia*, 27.01.2016. <http://www.lavozdeg Galicia.es/noticia/literatura/2015/01/27/trilogia-terminado-amaia-salazar-regresara-nuevos-casos/00031422004313420816436.htm> (fecha de consulta 18.08.2022).
25. Redondo D.M. El guardián invisible. // Trilogía del Baztán 1. Editorial Planeta, 2016. 431 p.
26. Redondo D.M. Legado en los huesos. // Trilogía del Baztán 2. Editorial Planeta, 2016. 553 p.
27. Redondo D.M. Ofrenda a la tormenta. // Trilogía del Baztán 3. Editorial Planeta, 2016. 547 p.
28. Redondo D.M. Todo esto te daré. Editorial Planeta, 2016. 616 p.
29. Santarén Enrique // *Hermes: pentsamendu eta historia aldizkaria* = revista de pensamiento e historia, №. 67, 2020. p. 26-35 (fecha de consulta 25.07.2022). Dolores Redondo entrevistada en 2018. <https://dialnet.unirioja.es/servlet/autor?codigo=4807193>

Сведения об авторе:

Коржукова Елена Станиславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России (Россия, г. Москва). Сфера научных интересов: лингвокультурология, современная испанская и латиноамериканская литература, анализ текста, стилистика, массовая литература в обучении языку, семиотика культуры. E-mail: baleares@yandex.ru

About the author

Elena S. Korzhukova, PhD in Philology, is Associate Professor of the Department of Spanish, MGIMO University (Moscow, Russia). Sphere of research interests: cultural linguistics, modern Spanish and Latin American literature, text analysis, stylistics, mass literature in language teaching, semiotics of culture. E-mail: baleares@yandex.ru

* * *

THE PORTRAIT OF AN IMPERFECT PERSON IN CONTEMPORARY JAPANESE AND THE MEANS OF CONVEYING IT IN RUSSIAN: A STUDY OF THE COLLOCATIONS WITH THE WORD 残念 ZANNEN

Nadezhda V. Sumskaya

MGIMO UNIVERSITY,
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. This article focuses on the word 残念 *zannen* and its transformed meaning in contemporary Japanese. Initially having the semantics of regret and used in reaction to an undesired outcome, 残念 *zannen* has come to be used in describing human flaws. The paper analyses the definitions of 残念 *zannen* in Japanese dictionaries and highlights the key semantic components that are not revealed in its Russian equivalents “вызывающий сожаление” (“regrettable”) and “досадный” (“disappointing”). The paper identifies the features that determine the dividing line between 残念 *zannen* and a closely related notion ダメ *dame* with regard to the description of a person. 残念 *zannen* is subsequently studied in the Japanese Internet discourse. The paper analyzes its semantics in collocations with the words 人 *hito* (person), 美人 *bijin* (beauty) and イケメン *ikemen* (handsome man), reveals the features linked to 残念 *zannen*, and provides their possible translations into Russian. The semantic components identified in the Japanese dictionary definitions and in discourse analysis are then used to translate the word 残念 *zannen* in contexts. Where possible, the translation of the word combination 残念 *zannen-na hito* into Russian should reflect the semantics of disappointment, imperfection, and the possibility for improvement, whereas the translated collocations 残念な美人 *zannen-na bijin* and 残念なイケメン *zannen-na ikemen* should convey the semantics of the conflict between the good looks and a flawed personality. The literal interpretation of 残念 *zannen* is inappropriate from both stylistic and semantic points of view, which can be compensated by translation transformations, such as concretization and loss-of-meaning compensation. The article is intended for Japanologists, cultural linguists, and translators, as well as Japanese language instructors and students.

Keywords: Japanese language, semantics, 残念 *zannen*, Internet discourse, character description, communication culture, translation transformations

For citation: Sumskaya, N.V. (2023). The portrait of an imperfect person in contemporary Japanese and the means of conveying it in Russian: a study of the collocations with the word 残念 *zannen*. *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(2), pp. 146–156. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-2-35-146-156>

ОБРАЗ НЕСОВЕРШЕННОГО ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ СО СЛОВОМ 残念 *ДЗАННЭН*) И ЕГО ПЕРЕДАЧА СРЕДСТВАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Н.В. Сумская

МГИМО УНИВЕРСИТЕТ МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Статья посвящена лексеме 残念 *дзаннэн* и трансформации её значения в современном японском языке. Обладая семантикой сожаления, слово 残念 *дзаннэн* изначально использовалось для реакции на нежелательный исход событий, однако в настоящее время употребляется также при указании на человеческие недостатки. В публикации анализируются определения лексемы 残念 *дзаннэн* в японоязычных словарях и выделяются семантические компоненты, не отражённые в его русскоязычных словарных соответствиях «вызывающий сожаление» и «досадный». Выявляются признаки, позволяющие провести черту между 残念 *дзаннэн* и близким к нему понятием *ダメ* *дамэ* применительно к описанию человека. В дальнейшем понятие 残念 *дзаннэн* исследуется на материале японоязычного интернет-дискурса. С опорой на такие критерии, как внешность, речевые особенности, поведение и характер, изучается смысловое наполнение сочетаний слова 残念 *дзаннэн* с существительными 人 *хито* (человек), 美人 *бидзин* (красавица) иイケメン *икэмэн* (красавец), определяются характеристики, соотносимые японцами с понятием 残念 *дзаннэн*, и предлагаются варианты их перевода на русский язык. Далее семантические компоненты, выявленные в словарных определениях и при дискурсивном анализе, используются для перевода слова 残念 *дзаннэн* в контексте предложений. Отмечается, что перевод словосочетания 残念な人 *дзаннэн-на хито* на русский язык должен по возможности отражать семантику разочарования, небезупречности и возможности изменения к лучшему, а сочетаний 残念な美人 *дзаннэн-на бидзин* и 残念なイケメン *дзаннэн-на икэмэн* – семантику противоречия между привлекательной внешностью и неидеальным характером. Буквальная интерпретация лексемы 残念 *дзаннэн* неудачна со стилистической и семантической точек зрения, однако подобные сложности могут быть преодолены с помощью таких переводческих трансформаций, как конкретизация и компенсация. Статья может быть интересна японоведам, лингвокультурологам, специалистам в области перевода, преподавателям японского языка и студентам, изучающим японский язык.

Ключевые слова: японский язык, семантика, 残念 *дзаннэн*, интернет-дискурс, описание характера, культура общения, переводческие трансформации

Для цитирования: Сумская Н.В. (2023). Образ несовершенного человека в современном японском языке (на примере лексических сочетаний со словом 残念 *дзаннэн*) и его передача средствами русского языка. *Филологические науки в МГИМО*. 9(2), С. 146–156. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-2-35-146-156>

Одними из ключевых проявлений национально-культурной специфики на уровне языка и мышления можно назвать различия в концептосфере носителей разных лингвокультур, семантическом наполнении образующих её концептов и их репрезентации в языке. Как результат, схожие на первый взгляд концепты могут обладать различным содержанием, что влечёт за собой препятствия для эффективной межкультурной коммуникации. Вместе с тем «полное отсутствие концепта в той или иной лингвокультуре – явление весьма редкое, более редкое, чем отсутствие однословного выражения для определённого концепта» [3, с. 112]. Представляется, что описанные трудности вызывает осмысление семантики и передача средствами русского языка японской лексемы 残念 *даннэн*.

Семантика слова 残念 *даннэн* и её трансформация

Вне контекста слово 残念 *даннэн* может быть переведено на русский язык как «вызывающий сожаление» или «досадный» [1, с. 150]. Среди наиболее частотных лексических сочетаний с ним можно выделить такие словосочетания с семантикой сожаления, как 残念ながら *даннэн-нагара* («К сожалению...»), 残念ですね *даннэн дэсу-нэ* («Как жаль») и 〜を残念に思います ...*о даннэн-ни омоимасу* («Сожалею, что...»). Как подчёркивает лингвист А. Миура, дословно 残念 *даннэн* означает «томительная мысль» и подразумевает под собой «чувство горького разочарования у человека, понимающего, что обстоятельства сложились или будут складываться не так, как бы ему хотелось» [5, с. 410].

Анализ определений в японских толковых словарях свидетельствует о том, что представленные выше варианты перевода на русский язык не полностью отражают семантику лексемы 残念 *даннэн*. В крупнейшем японоязычном онлайн-словаре デジタル大辞泉 *Дэйдзитару дайджисэн* слово 残念 *даннэн* интерпретируется следующим образом¹:

- (1) Ощущение нехватки чего-либо (もの足りなく感じる *моно таринаку кандзиру кото*);
- (2) Чувство досады и обиды (悔しく思うこと *куясику омоу кото*);
- (3) Состояние, при котором [человек] обладает выдающимися качествами и достоинствами,

однако не способен продемонстрировать их либо одновременно наделён слишком существенными на их фоне недостатками (すぐれた素質や長所などをもちながら、それが発揮できなかったり、相殺されるほどの大きな短所を併せもったりしているさま *сугурэта сосицу я тё:сё надо-о мотинагара, сорэ-га хакки дэкинакаттари, со:сай сарэру ходо-но о:кина тансё-о авасэмоттари ситэ-иру сама*).

Таким образом, русские варианты перевода заключают в себе сему «разочарования», отражённую в определении (2), однако не содержат сему «небезупречности», соответствующую определениям (1) и (3). Более того, дополнительные компоненты значения в определении (3) указывают на то, что носитель характеристики 残念 *даннэн* имеет неоспоримые преимущества, однако вместе с ними и слабые стороны, не позволяющие дать ему однозначно положительную оценку.

По мысли лингвиста А. Бланка, социокультурные перемены и, как следствие, изменения в восприятии человеком мира могут привести к трансформациям и в концептосфере – исчезновению ряда концептов, изменениям в их смысловом наполнении или появлению новых концептов [4, с. 72]. На уровне языка эти процессы могут проявиться в семантических сдвигах и, в частности, расширении лексических значений. Применение слова 残念 *даннэн* в сочетании со словами из семантической категории «человек» началось сравнительно недавно. Как отмечает журналистка Н. Хосокава в статье на страницах газеты «Асахи», многие японцы старше 40 лет слышали, но никогда не употребляют его в связке со словом «человек» (人 *хито*) либо же вовсе никогда не встречались с подобным словосочетанием². Его популяризация в японоязычном дис-

¹ デジタル大辞泉 (Электронный словарь «Дайдзисэн») [Электронный ресурс] URL = <https://dictionary.goo.ne.jp/word/残念/#jn-91763> (дата обращения 16.11.2022)

² 「「残念な人」ってどんな人？」 (О ком говорят «ему есть к чему стремиться?») [Электронный ресурс] URL = <http://www.asahi.com/special/kotoba/archive2015/danwa/2013022500005.html> (дата обращения 16.11.2022)

курсе отмечается с начала 2010-х годов, когда оно попадает в заголовок целого ряда бестселлеров по саморазвитию в деловой сфере, таких как «Образ мышления дзаннэн-на хито» («残念な人の思考法」Дзаннэн-на хито-но сико:хо:) и «Рабочие привычки дзаннэн-на хито» («残念な人の仕事の習慣」Дзаннэн-на хито-но сигото-но сю:кан). В первой из вышеупомянутых публикаций особенности 残念な人 дзаннэн-на хито определены следующим образом: «С мотивацией и способностями у него всё в порядке. Однако что-то он делает неправильно, из-за чего его результаты так себе» (やる気OK、能力OK。しかし、何かが間違っているために、結果がいまいちとつになっちゃう Яру-ки окэй, но:рёку окэй. Сикаси, наника-га матигаттэ-иру тамэ-ни, кэкка-га имахитоцу-ни наттэ симау)³.

Н. Хосокава отмечает, что если судить по обложкам японских книг для деловых людей, то всех сотрудников предприятий можно разделить на три категории – успешные люди (できる人 дэки-ру хито), неудачники (ダメな人 дамэ-на хито) и 残念な人 дзаннэн-на хито, занимающие промежуточную позицию между первыми двумя типами. Однако, по её мнению, термин 残念な人 дзаннэн-на хито фактически синонимичен термину Дамэ-на хито и отчасти выполняет роль эвфемизма, позволяя расширить читательскую аудиторию и обнадёжить её, что если немного поработать над собой, то сможешь стать преуспевающим человеком.

Вместе с тем, как показывает изучение общественного мнения на популярном японском сайте вопросов и ответов 教えて!goo (Oshiete!goo), не все японцы считают эти понятия эквивалентными. По словам одного из комментаторов, Дамэ-на хито не блещет умом, терпит неудачу в любых начинаниях и даже не приносит какой-либо пользы другим людям (使い物にならない цукаимоно-ни наранай)⁴. 残念な人 дзаннэн-на хито же производит благоприятное первое впечатление, однако по мере более тесного общения окружающие подмечают за ним досадные недостатки – например, нечищенные зубы или неприятный запах тела, которые невозможно игнорировать даже на фоне приятной наружности. Другой участник обсуждения видит различие между указанными типами личности в возможности положиться на него: под Дамэ-на хито он понимает человека, не умеющего выполнять свои обязанности (自分の責任を果たす дзибун-но сэкинин-о хатасу), а под 残念な人 дзаннэн-на хито – старательного человека, допускающего обидные промахи в работе, но всё же обладающего здравым смыслом (常識 дзёсики) и чувством ответственности (責任感 сэкининкан)⁵. Третий участник обсуждения подмечает, что как бы Дамэ-на хито ни старался, его склад личности обрекает его на незавидное положение. 残念な人 дзаннэн-на хито, напротив, обладает гораздо большим потенциалом, и чтобы встать в один ряд с большинством успешных людей или даже превзойти их, ему лишь требуется поменять свои установки (意識を変える исики-о каэру)⁶.

Анализ японоязычного интернет-дискурса позволяет заключить, что в настоящее время употребление слова 残念 дзаннэн применительно к личностным характеристикам вышло за рамки деловой среды и получило распространение в разговорно-бытовой речи. На материале 20 статей, опубликованных на японоязычных интернет-сайтах в период с июня 2019 по август 2022 года, были выявлены наиболее частотные лексические единицы и сочетания, соотносимые в сознании современных японцев с тремя устойчивыми словосочетаниями – 残念な人 дзаннэн-на хито, 残念な美人 дзаннэн-на бидзин и 残念なイケメン дзаннэн-на икэмэн, и предложены варианты их перевода на русский язык. В качестве опорных точек при поиске лексического материала использовались такие признаки, как внешность (見た目 митамэ), речь и поведение (言動 гэндо:) и характер (性格 сэйкаку). Следует оговорить, что представленные ниже портреты людей, определяемые японцами как 残念 дзаннэн, – обобщение наиболее часто упоминаемых характеристик и реально существующий человек, ассоциируемый с таким типом личности, может обладать лишь некоторыми из перечисленных недостатков.

³ Там же.

⁴ 「残念な人ってどんな人？」 (О ком говорят «ему нужно поработать над собой»?) [Электронный ресурс] URL = <https://oshiete.goo.ne.jp/qa/7674683.html> (дата обращения 16.11.2022).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

残念な人 *дзаннын-на хито*

残念な人 *дзаннын-на хито* было бы несправедливо назвать бездельником – напротив, он трудится в поте лица, находясь на рабочем месте с утра до вечера и тщательно выполняя свои обязанности. С точки зрения японской рабочей этики, согласно которой сверхурочный труд считается в порядке вещей, а уходить домой раньше большинства коллег неприлично, *дзаннын-на хито* вполне подходит под описание добросовестного работника. Однако его усердие не равнозначно эффективности и не подкреплено другими важными для карьеры качествами. Как следствие, ему свойственно неумение держать планку до самого конца (詰めが甘い *цумэ-га амай*). А потерпев неудачу, он неспособен обратить ошибки во благо себе и настроиться на более продуктивный лад из-за неуверенности в себе (自信がない *дзibun-ни дзисин-га най*), пессимизма (ネガティブ思考 *нэгатибу сико:*) и косного мышления (固定的な考え *котэйтэки-на кангаэ*).

Поступившему на новую работу *дзаннын-на хито* бывает сложно влиться в коллектив. Ему трудно расположить к себе коллег, поскольку он не запоминает имена людей (名前を覚えられない *намаэ-о обоэнай*) или не здоровается с окружающими (周囲の方に挨拶をしない *сю:и-но ката-ни айсацу-о синай*) либо делает это с каменным выражением лица (無表情で *мухэ:дзэ:-дэ*). Непросто ему установить доверительные отношения с коллегами и по той причине, что он не общается на темы, непосредственно не связанные с работой, и совсем не говорит о себе (自分の話をしない *дзibun-но ханаси-о синай*). Смущает и то, что при обучении у старших товарищей он не делает заметки (メモをとらない *мэмо-о торанай*), совсем не задаёт вопросы (質問をまったくしない *сицумон-о маттаку синай*), а в случае замечаний к его работе оправдывается тем, что «так было заведено на моём прошлом месте работы» («前の会社ではこうだった» *маэ-но кайся-дэ-ва ко: датта*).

Особую категорию *дзаннын-на хито* в рабочей среде составляют люди на руководящих постах. Такие начальники не могут быть примером для подражания для своих подчинённых (部下にとって手本となりえない *бука-ни тоттэ тэхон-то нариэнай*). В первую очередь, они не умеют организовать рабочий процесс с опорой на *報連相* *хо:рэнсо* – один из основополагающих принципов японского менеджмента. Это понятие представляет собой аббревиатуру трёх терминов – уведомление вышестоящего о ходе работы и любых возникших проблемах (報告 *хо:коку*), непрерывное общение между коллегами о рабочих вопросах (連絡 *рэнраку*) и обращение к вышестоящим за советами (相談 *со:дан*). *Дзаннын-на хито* не умеют действовать своевременно и в результате в спешке поручают задания своим подчинённым, когда сроки уже поджимают (期日ギリギリに催促されてから慌てて部下にタスクを振る *кидзицу гиригири-ни сайсоку-сарэтэ-кара аватэтэ була-ни тасуку-о фуру*). Тем самым они не только создают стрессовую ситуацию для всего коллектива, но и ставят под угрозу его репутацию. У них плохо налажена коммуникация с сотрудниками – к примеру, у них часто копятся непрочитанные электронные письма и сообщения (未読メールやメッセージがたまりすぎる *мидоку мэ:ру я мэссэ:дзи-га тамарисугиру*), из-за чего работникам приходится по нескольку раз писать им с одним и тем же вопросом или напоминать о необходимости ответа при личных встречах. Кроме того, *дзаннын-на хито* не заинтересованы в том, чтобы помогать своим подчинённым развиваться в профессиональном плане. Например, если работник допускает ошибку или трудится неэффективно, то подобный начальник не обсудит с ним причины недочётов, а будет вести себя абсолютно безразлично. Если же сотрудник сам обратится к нему за советом, то *дзаннын-на хито* не ответит ничего конкретного и не поделится своими знаниями. Можно сказать, что он не столько отказывается давать советы, сколько не умеет их давать (アドバイスをしてくれないのではなく、アドバイスができない *адобайсу-о ситэ курэнай-но дэ-ва наку, адобайсу-га дэкинай*).

При первой встрече наружность *дзаннын-на хито* в целом производит приятное впечатление. Однако наблюдая за ним более внимательно, можно обнаружить такие черты, как неряшливость (清潔感がない *сэйкэцукан-га най*), некрасивую улыбку (笑顔がブサイク *эгао-га бусайку*) или нелепую походку (歩き方が悪い *арукиката-га варуй*). Во время разговора он может

сидеть в зажатой позе, как первокурсник (新入生のように *синню:сэй-но-ё:-ни*), выпрямив локти и положив ладони на колени, или же нервно потирать ладони друг о друга, создавая атмосферу недоверия с партнёром. Его дискомфорт может выдавать привычка мусолить волосы (髪の毛をいじる *ками-но кэ-о идзиру*) или беспрестанно дотрагиваться до галстука или наручных часов (ネクタイや時計を落ち着けなく触る *нэкутай я токэй-о отицукэнаку савару*). А расставаясь, он зачастую семенит, словно испуганный зверёк (臆病な小動物のように小走りで去る *окубё:-на сёдо:буцу-но ё:-ни кобасири-дэ сару*), заставляя собеседника чувствовать себя неловко. Удручающее впечатление может производить и незнание *残念な人* *дзаннын-на хито этикета* и манер (マナーやエチケットがない *мана: я этикэтто-га най*), в особенности неаккуратное поедание пищи (食べ方が汚い *табэката-га китанай*).

Впрочем, *残念な人* *дзаннын-на хито* могут и не иметь каких-либо изъянов во внешности, однако разочаровать окружающих своими личностными качествами или стилем общения. Во-первых, многие из них неспособны чувствовать атмосферу общения и считывать невербальный язык (空気が読めない *ку:ки-га ёмэнай*) – например, могут завести разговор о недостатках во внешности своего собеседника или о неприятных моментах из его прошлого, даже не подозревая, насколько сильно тем самым его ранят. В контексте японской культуры общения, предписывающей отказываться от прямолинейности и высказываний, которые могут поставить человека в неудобное положение, *空気が読めない* *ку:ки-га ёмэнай* – существенный недостаток, даже если подобные просчёты сделаны по душевной наивности. За *残念な人* *дзаннын-на хито* может наблюдаться и склонность к использованию грубых и вульгарных выражений (言葉遣いが悪い *котобацукай-га варуй*). Бизнес-консультант Ю. Усуи отмечает, что *残念な人* *дзаннын-на хито* выдаёт даже выбор языковых средств⁷. Так, ответ на просьбу он начинает с противительных союзов *でも* *дэмо*, *だって* *даттэ* и *しかし* *сикаси*. Кроме того, он может недостаточно хорошо владеть *кэйго* – вежливым стилем речи, требующим скромности в отношении своих действий и почтительности в отношении действий собеседника. Среди типичных ошибок *残念な人* *дзаннын-на хито* при использовании *кэйго* – употребление фразы *ご苦労様です* *гокуро-сама дэсу* при обращении к более высокому по статусу лицу вместо фразы *お疲れさまです* *оцукарэ-сама дэсу*. Оба выражения можно перевести на русский язык как «спасибо за ваши труды», однако первое из них может быть употреблено только вышестоящими по отношению к своим подчинённым.

О *残念* *дзаннын* могут свидетельствовать и черты, свойственные инфантильной личности. Среди них – неспособность разбираться в людях (人を見る目がない *хито-о миру мэ-га най*) и излишняя доверчивость (人を信じすぎる *хито-о синдзисугиру*). Например, такой человек может откровенничать с незнакомцами или с лёгкостью вступать в рискованные финансовые сделки, ставя под угрозу свою безопасность. Кроме того, его выделяет недостаток критического мышления и склонность принимать информацию на веру (情報をうのみにする *дзё:хо:-о уноми-ни-суру*). С его точки зрения, социальные сети, популярные СМИ и знаменитости – достаточно надёжные источники информации и в самостоятельной проверке сомнительных сведений нет никакой необходимости.

残念 *дзаннын* может проявляться и в практической стороне жизни, а именно неумении распоряжаться финансами (お金の管理ができない *оканэ-но канри-га дэкинай*) – причём в обеих крайностях. Так, одни *残念な人* *дзаннын-на хито* могут быть жадными (*ケチ* *кэти*) и прижимистыми (*セコイ* *сэкой*), а другие тратить деньги направо и налево (*金遣いが荒い* *канэдзукай-га арай*) – играть в азартные игры, набирать долги или покупать вещи не по карману.

Особый интерес представляет употребление слова *残念* *дзаннын* в паре с лексемами с положительной коннотацией – *美人* *бидзин* (красавица) и *イケメン* *икэмэн* (красавец).

⁷ 臼井由紀「あなたを「残念な人」にする「残念なひと」とは」 (Усуи Ю. Избегайте этих слов, если не хотите разочаровать окружающих) [Электронный ресурс] URL = <https://style.nikkei.com/article/DGXZZO07175160T10C16A9000000/> (дата обращения 16.11.2022)

残念な美人 *дзаннын-на бидзин*

Заметные недостатки *残念な美人 дзаннын-на бидзин* связаны с внешностью – но не с достоинствами, данными ей от природы, а с тем, как она их подаёт. В одном случае такая девушка приятна в общении и наделена положительными чертами, однако не слишком следит за собой. Её невнимательное отношение к себе выдают взъерошенные волосы (*髪の毛がボサボサ ками-но кэ-га босабоса*), грязь под ногтями (*爪が汚れている цумэ-га ёгорэтэ-иру*), распутившиеся швы на одежде (*縫い目がはつれている нуимэ-га хоцурэтэ-иру*), грязные манжеты и воротничок (*服の袖口や襟元が汚い фуку-но содэгутти я эримото-га китанай*) и одежда не первой свежести (*薄汚れた服 усёгорэта фуку*). Иногда она выбирает не сочетающиеся друг с другом предметы гардероба (*合っていないアイテム аттэ-инай айтэму*) либо не осознаёт, что макияж, стиль одежды или причёска ей не подходят. Таких *残念な美人 дзаннын-на бидзин* можно сравнить с неограниченными алмазами, ведь им всего лишь нужно внести некоторые изменения во внешний вид, чтобы стать гораздо притягательнее.

В противоположность им существуют *残念な美人 дзаннын-на бидзин*, которые излишне закомплексованы на своей наружности. В попытке привлечь внимание мужчин они носят слишком откровенную одежду (*露出の多いファッションをする росюцу-но оой фассён-о суру*), а на свидания наряжаются изо всех сил, в конечном счёте выглядя нелепо или не по возрасту. Причина тому – излишнее следование модным веяниям (*流行を追いすぎる рю:ко:-о оисугиру*), даже если они их не красят. Увы, они не имеют индивидуальности (*個性がない косэй-га най*) и способны лишь подражать другим людям (*人の真似する хито-но манэ-суру*). Некоторые из них настолько озабочены созданием эффектного образа, что даже не могут предстать перед другими людьми без макияжа (*すっぴんで人前に出られない сунпин-дэ хитомаэ ни дэрарэнай*).

К сожалению, *残念な美人 дзаннын-на бидзин* совершенно не работает над «содержимым» своей оболочки (*内面を磨く努力をしていない наймэн-о мигаку дорёку ситэ-инай*), не отличается эрудированностью и ведёт лишь пустую болтовню (*中身のない会話 наками-но най кайва*), не считая нужным следить за текущими событиями в мире и расширять свой кругозор. Поскольку в понимании *残念な美人 дзаннын-на бидзин* самосовершенствование равнозначно улучшению собственной наружности, то она склонна судить людей по внешности (*他人を見た目で判断する танин-о митамэ-дэ хандан-суру*) и свысока смотреть на тех, кто не подходит под её представления о прекрасном. В романтической сфере её запросы слишком велики, а предмет её интереса – мужчины, соответствующие концепции *三高 санко* (три слова, начинающиеся с иероглифа 高 «высокий» – *高学歴 ко:гакурэки* «высшее образование, полученное в престижном вузе», *高収入 ко:сю:ню:* «высокий доход» и *高身長 ко:синтё:* «высокий рост»). Подобные взгляды на идеального партнёра получили распространение в Японии конца 1980-х годов, однако судя по недавним опросам общественного мнения⁸, не входят даже в пятёрку наиболее привлекательных для японок характеристик.

Многих *残念な美人 дзаннын-на бидзин* с детства баловали, и они выросли с мыслью, что за красивое лицо им простителен любой каприз. Склонные к инфантилизму, они намеренно разговаривают, как маленькие беспомощные девочки (*ぶりっ子発言をする бурикко хацугэн-о суру*), и легко поддаются переменам настроения (*気分が変わりやすい кибун-га кавариясуй*). Если же что-то идёт вразрез с пожеланиями *残念な美人 дзаннын-на бидзин*, то они открыто высказывают своё неудовольствие, совершенно не думая о чувствах других людей. Однако к себе их требования не столь высоки – допустив ошибку, они ни за что не признают своей неправоты. Такие де-

⁸ 「三高」はもう古い？ 現代女性が結婚したい「3優男子」とは」 (Концепция трёх «ко» устарела? Три добродетели, которые современные японки хотят видеть в своих женихах) [Электронный ресурс] URL = <https://www.itmedia.co.jp/business/articles/1802/07/news097.html> (дата обращения 16.11.2022)

вушки завистливы и ревнивы (嫉妬深い *ситтобукай*), считая своей конкуренткой любую более привлекательную женщину. Надменные и заносчивые, они недружелюбны (愛想が悪い *айсо-га варуй*) к окружающим, что делает их совершенно необаятельными (愛嬌 *айкё:-га най*). 残念な美人 *дзаннын-на бидзин* желают всегда быть в центре внимания и расстраиваются, если в их присутствии похвалят кого-то другого. Они считают, что по умолчанию заслуживают любезного отношения со стороны окружающих (優しくされて当然 *ясасику-сарэтэ то:дзэн*), в то время как сами не слишком щедры на комплименты и слова благодарности.

残念な美人 *дзаннын-на бидзин* недостаёт элегантности (品 *хин*) – например, она может громко хохотать с широко раскрытым ртом, или не слишком изящно выражаться. Отталкивающее впечатление может производить и неприятная манера речи – слишком высокий голос (声のトーンが高すぎる *коэ-но то:н-га такасугиру*), хриплый и слишком низкий голос (低すぎるこもった声 *хикусугиру комотта коэ*) или же привычка говорить со скоростью пулемёта (早口のマシンガン *トク хаякути-но масинганто:ку*). Недостаток утончённости проявляется и в её повседневной жизни – например, в неумении пить (酒癖が悪い *сакэгусэ-га варуй*) или даже неаккуратном почерке (字が汚い *дзи-га китанай*). Многие 残念な美人 *дзаннын-на бидзин* ведут неорганизованный образ жизни, о чём свидетельствуют их непунктуальность (時間にルーズ *дзикан-ни ру:зу*), неспособность навести порядок на рабочем столе (デスクが整理できない *дэсуку-га сэйри-дэкин-най*) или вечный беспорядок в сумке (バッグの中は常にグチャグチャ *баггу-но нака-ва цунэ-ни гутягута*).

残念なイケメン *дзаннын-на икэмэн*

Так же, как и в случае 残念な美人 *дзаннын-на бидзин*, природа наградила 残念なイケメン *дзаннын-на икэмэн* внешней красотой, впечатление от которой в некоторых случаях портит безвкусица в одежде (服装がダサイ, *фукусэ:-га дасай*). Он эгоцентричен (自己中 *дзикотю:*), а его самолюбие то и дело проскальзывает в его поведении и манере речи. Проходя мимо витрин и зеркал, он всегда смотрит на себя, если позволяет время (時間があればいつも自分を見ている *дзикан-га арэба ицумо дзibun-о митэ-иру*), а в своих аккаунтах в социальных сетях публикует только фотографии со своим изображением (自分の写真ばかり載せている *дзibun-но сясин бакари носэтэ-иру*). При этом он не слишком чуток к чувствам других людей (思いやる心が欠けている *омоияру кокоро-га какэтэ-иру*) и, получая комплименты в свой адрес, не задумывается над тем, чтобы похвалить людей в ответ. В худшем случае это нарцисс (ナルシスト *нарусисутто*), неприглядные черты которого проявляются, стоит ему понять, что он покорила сердце девушки. 残念なイケメン *дзаннын-на икэмэн* несерьёзен в отношениях и склонен к донжуанству, нередко встречаясь с двумя женщинами одновременно (二股をかける *футамата-о какэру*). Он прекрасно осознаёт свою привлекательность и не упускает возможности произвести впечатление «крутого парня» (かっこつける *каккоцукэру*) – например, неосторожно водит машину на большой скорости, не беря во внимание душевное спокойствие своих спутников.

Несмотря на красивую внешность, 残念なイケメン *дзаннын-на икэмэн* могут быть неряшливыми и неопрятными (不潔 *фукэцу*) – не соблюдать правила гигиены, носить грязную одежду, ходить с растрёпанными волосами, не следить за чистотой ногтей. С другой стороны, среди них есть и те, кто буквально одержим чистотой (潔癖症 *кэппэкисё:*). Так, они моют руки чаще, чем необходимо (必要以上に手洗いをする *хицүё:идзё:-ни тэараи-о суру*), носят с собой влажные салфетки и вытирают ими всё, что возможно (ウェットティッシュを持参していてなんでも拭く *уэттотиссю-о дзисан-ситэ-итэ нандэмо фуку*), не выносят телесных контактов (ボディータッチを嫌がる *боди:татти-о иягару*).

Важнейший признак 残念なイケメン *дзаннын-на икэмэн* – неподобающее отношение к денежным тратам. Он прижимист и весьма неохотно раскошеляется на свиданиях. При оплате счёта он разбивает сумму с точностью до иены (割り勘を1円単位で行う *варикан-о итиэн танъи-дэ окнау*), а если и платит за даму, то неоднократно упоминает этот момент, что выдаёт его мелоч-

ность (器が小さい *уцува-га ти:сай*). Некоторые 残念なイケメン *дзаннын-на икэмэн* очень любят везде где можно использовать скидочные купоны (クーポンマニア *ку:пон мания*), вплоть до того, что ведут девушку на свидание в заведение, где можно поесть со скидкой.

Ещё один тип 残念なイケメン *дзаннын-на икэмэн* – это человек, который всегда и во всём соглашается с другими (イエスマン *изсуман*). Он не обладает критическим мышлением – более того, ему попросту неохота смотреть вглубь (物事を深く考えるのが面倒 *моногото-о фукаку кангаэру но-ва мэндо:*). И хотя эта стратегия поведения помогает ему уходить от конфликтов, она также превращает его в глазах женщин в неблагонадёжного человека, не способного действовать самостоятельно и отстаивать свою точку зрения.

残念なイケメン *дзаннын-на икэмэн* не способен работать, а то и вовсе не имеет постоянной работы, предпочитая сидеть на шее у родителей (親のすねをかじる *оя-но сунэ-о кадзиру*). Его эмоциональная незрелость может обнаруживаться в нерешительности (優柔不断 *ю:дзю: фудан*) или излишней привязанности к своей матери и зависимости от её мнения (マザコン *мазакон*). Он склонен к лени и даже не считает нужным прилагать усилия, чтобы изменить своё положение. Сталкиваясь с жизненными трудностями, 残念なイケメン *дзаннын-на икэмэн* предпочитает бежать от них, а не искать выход (努力するより逃げてしまう *дорёку-суру-ёри нигэтэ-симау*) – в частности, с лёгкостью меняет место работы, если прежняя наскучила ему или стала слишком обременительна. Он не способен учиться, ровно как и не блещет эрудицией и знанием элементарных житейских истин (一般常識 *иппан дзё:сики*), из-за чего женщины не могут ни уважать его, ни положиться на него. Беседы с ним не клеятся, поскольку он увлечённо говорит о всякой ерунде (どうでもいいことを熱心に話す *до: дэмо ии кото-о нэссин-ни ханасу*), непоследователен в своих суждениях (話の内容が一貫していない *ханаси-но найё:-га иккан-ситэ-инай*) или говорит только о себе (自分の話ばかりする *dziбун-но ханаси бакари-суру*). От сферы карьеры и образования его разгильдяйство (だらしなさ *дарасинаса*) распространяется и на сферу повседневной жизни: он непунктуален, не умеет готовить, предпочитая питаться готовой едой из *комбини* – небольших круглосуточных магазинов, а иногда не может заставить себя даже прибраться в комнате. Среди 残念なイケメン *дзаннын-на икэмэн* встречаются *Оタク отаку* – люди, чрезмерно увлечённые *анимэ*, видеоиграми и другими видами хобби и склонные отдавать им предпочтение перед дружеским и романтическим общением.

Исключает ли 残念 *дзаннын* возможность для человека измениться в лучшую сторону? Отнюдь нет, ведь во многом его недостатки обусловлены не нежеланием меняться, а тем, что никто ранее не говорил ему о них. Поскольку 残念な人・美人・イケメン *дзаннын-на хито/бидзин/икэмэн* даже не подозревает о существовании у себя досадных минусов, именно окружающие способны направить его или её на путь изменений. Если такой человек обладает умением признавать свои ошибки и готовностью исправиться, услышав замечание о них от других людей (素直な性格 *сунао-на сэйкаку*), то он поймёт и с благодарностью примет высказанный напрямую совет. Если же у него ранимое самолюбие (プライドが高そう *пурайдо-га такасо:*) и излишняя откровенность может задеть его, то предпочтительно действовать намёками.

Передача семантики слова 残念 *дзаннын* средствами русского языка

Одна из широко распространённых сложностей при переводе связана с преобразованием элементов текста, в которых «путём прямой межъязыковой структурно-семантической аналогии, то есть путём буквального копирования, невозможно добиться сохранения смысла» [2, с. 33]. Ключевой инструмент решения таких трудностей – переводческие трансформации, позволяющие добиться максимально возможной степени эквивалентности за счёт изменения формы и (или) значения единиц перевода.

Представляется, что дословный перевод сочетаний 残念な人・美人・イケメン *дзаннын-на хито/бидзин/икэмэн* с использованием упомянутых словарных соответствий неудачен со стилистической и смысловой точек зрения. Прилагательное «досадный» лексически несочетаемо со словами из семантической категории «человек», а вариант «вызывающий сожаление» в сочета-

нии с существительным сложно встроить в предложение. Кроме того, оба варианта не дают понимания, с чем именно связано подобное восприятие человека. Следовательно, перевод слова *残念* *дзаннын* на русский язык потребует отхода от буквализма и по возможности должен заключать в себе семантику разочарования, небезупречности и возможности изменения к лучшему, выявленные в японоязычных определениях и при дискурсивном анализе.

В ряде случаев перевод на русский язык может потребовать изменения грамматической структуры предложения и использования приёма конкретизации:

- お金の管理や使い方がズレている人は、残念な人と思われてしまいがち。 *О-канэ-но канри я цукаиката-га дзурэтэ-иру хито-ва, дзаннын-на хито-то омоварэтэ-симаигати*. Неумение человека грамотно распределять и тратить деньги может неприятно удивлять окружающих.

- 自分は残念な人になってないか、確認するためによい本です。 *Дзibun-ва дзаннын-на хито-ни ниттэ-най-ка, какунин-суру тамэ-ни ёй хон дэсу*. Эта книга поможет проверить, не следует ли вам поработать над собой.

- 全体像と本質を捉え、効率的に進めていかないと「残念な人」になってしまう。 *Дзэнтайдзо:-то хонсицу-о тораэ, ко:рицутэки-ни сусумэтэ-инай-то «дзаннын-на хито»-ни ниттэ-симау*. Если человек не видит картины в целом, не ухватывает сути проблем и не умеет продуктивно работать, то ему стоит ещё поработать над собой.

Как следует из анализа выше, образы *残念な美人* *дзаннын-на бидзин* и *残念なイケメン* *дзаннын-на икэмэн* в восприятии окружающих строятся в основном на противоречии между красивой внешностью и неидеальным характером. Эти компоненты значения также могут быть отражены в переводе.

- 残念な美人に対して、容姿はそこそこでもモテるタイプの女性がいます。 *Дзаннын-на бидзин-ни тайситэ, ё:си-ва сокосоко дэмо мотэру тайпу-но дзёсэй-га имасу*. Есть красавицы с отталкивающим характером, а есть женщины с неидеальной внешностью, пользующиеся успехом у противоположного пола.

- 残念なイケメンは、お金を使うことに不安があるのです。 *Дзаннын-на икэмэн-ва, о-канэ-о цукау кото-ни фуан-га ару-но дэсу*. Мужчина, производящий неприятное впечатление, даже несмотря на красивую внешность, неохотно расстаётся с деньгами.

- 残念な美人は残念な部分を治せば素敵な女性になれる人です。 *Дзаннын-на бидзин-ва дзаннын-на бубун-о наосэба сутэки-на дзёсэй-ни нарэру хито дэсу*. Если красавице с обидными недостатками удастся их преодолеть, то она сможет стать прекрасной во всех отношениях.

Смысловой компонент «разочарования» можно передать через приём компенсации и описание эмоций окружающих от взаимодействия с *残念な美人*・*イケメン* *дзаннын-на бидзин/икэмэн*:

- 性格の悪い美人は、残念な美人No1といってもいいでしょうね。 *Сэйкаку-но варуй бидзин-ва, дзаннын-на бидзин намба: ван то иттэ мо ии дзё-нэ*. Пожалуй, ничто так не разочаровывает в красивой женщине, как скверный характер.

- 自分がイケメンということをしっかり自覚していて、それをいいことに女性をもてあそぶようなイケメンは残念なイケメンですね。 *Дзibun-га икэмэн-то иу кото-о сиккари дзикаку-ситэ-итэ, сорэ-о ии кото-ни дзёсэй-о мотэасобу-ё:-на икэмэн-ва дзаннын-на икэмэн дэсу-нэ*. Обидно и жалко, когда красивый мужчина, прекрасно осознающий свою привлекательность, использует её ради несерьёзных отношений с женщинами.

Предлагаемые варианты перевода не слишком лаконичны по сравнению с исходным текстом, однако более точно отражают смысловое наполнение рассмотренных словосочетаний и соответствуют критерию лексической сочетаемости.

Лексема *残念* *дзаннын* и стоящий за ней концепт представляют исследовательский интерес, отражая взгляды японцев на сосуществование в человеке положительного и отрицательного. Выход за рамки словарного материала и их изучение в контексте современной лингвокультуры Японии способствует пониманию ценностных установок японцев, а в конечном счёте – успешной межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Большой японско-русский словарь в двух томах / Под ред. Н.И. Конрада. М.: Сов. энциклопедия, 1970. 808 с.
2. Иванов Н.В. Пять аспектов природы перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2017. № 2. С. 20–48.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 389 с.
4. Blank, Andreas. "Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical semantic change." Blank, Andreas, and Koch, Peter. *Historical Semantics and Cognition*, Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1999, pp. 61–99.
5. Miura, Akira. *Essential Japanese Vocabulary: Learn to Avoid Common (and Embarrassing!) Mistakes*. Tuttle Publishing, 2013.

References

1. Konrad, N.I. (ed.) *Bol'shoi iaponsko-russkii slovar' v dvukh tomakh* [Japanese-Russian Dictionary, in Two Volumes]. Moscow: Sov. entsiklopediia, 1970. 808 p.
2. Ivanov, N.V. *Pyat' aspektov prirody perevoda* [Five Aspects of Translation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*, 2017. No. 2, p. 20–48.
3. Karasik, V.I. *Iazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Moscow: Gnozis, 2004. 389 p.
4. Blank, A. "Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical semantic change." Blank, Andreas, and Koch, Peter. *Historical Semantics and Cognition*, Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1999, pp. 61–99.
5. Miura, A. *Essential Japanese Vocabulary: Learn to Avoid Common (and Embarrassing!) Mistakes*. Tuttle Publishing, 2013.

Сведения об авторе:

Сумская Надежда Викторовна – преподаватель кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО. Сфера научных интересов – грамматика японского языка, лингвокультурология, когнитивная лингвистика. E-mail: nadin151@yandex.ru.

About the author:

Nadezhda V. Sumskaya is Lecturer, Department of Japanese, Korean, Indonesian, and Mongolian Languages, MGIMO University (Moscow, Russia). Her research interests include Japanese grammar, cultural linguistics, and cognitive linguistics. E-mail: nadin151@yandex.ru.

* * *